

Зр.40к.

ПОВЕСТЬ
О ЦРА АПХАЙ МАНИ

И * Л

*Издательство
и н о с т р а н н о й
литературы*

*

THE STORY OF PHRA ABHAI MANI

SUNTHORN BHU'S
famous Siamese classic
told in English by
PREM CHAYA

B A N G K O K • 1 9 5 2

ПОВЕСТЬ
О
ПРА АПХАЙ МАНИ

ЗНАМЕНИТОГО
ТАИЛАНДСКОГО КЛАССИКА
СУНТОНА ПУ,
ПЕРЕСКАЗАННАЯ
ПРЕМ ЧАЙЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ - МОСКВА - 1959

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Н. МИХАЙЛОВОЙ

РЕДАКТОР
Е. КОСТРОВА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемое читателю произведение представляет собой краткое изложение в прозе на английском языке известной поэмы тайландского поэта-классика Сунтона Пу (1786—1856).

Автор изложения — видный литературовед, прекрасный знаток средневековой тайландской литературы принц Прем Пурачатра, выступающий под псевдонимом Прем Чайя.

Благородный труд Прем Чайя, широко популяризирующего национальную литературу Таиланда, позволяет советским читателям познакомиться с содержанием уже третьего произведения тайландской классической литературы — поэмой «Пра Апхай Мани». В 1958 году вышла на русском языке романтическая фантазия Прем Чайя «Волшебный лотос». Сюжетную канву этого драматического произведения составляет известная народная легенда о Пра Ло. В 1959 году издана в русском переводе переложенная Прем Чайя поэма «Кун Чанг и Кун Пэн», созданная группой поэтов в начале XIX века на основе старинной тайской легенды.

«Повесть о Пра Апхай Мани» дает только некоторое представление о выдающемся произведении величайшего народного поэта Таиланда Сунтона Пу. Да автор изложения и не ставил своей задачей сделать поэтический перевод.

Тем не менее даже простое изложение поэмы знакомит нас со сказочным жанром классической литературы Таиланда, о которой до сих пор советскому читателю ничего не было известно.

СУНТОН ПУ

Сто шестьдесят шесть лет назад, 26 июня 1786 года, у жены бедного богослова из Чантабури, проживавшего тогда в Бангкоке, родился мальчик. В положенное время младенца нарекли именем Пу. Мальчик рос, в нем скоро обнаружился талант поэта, и он завоевал признание и у королей и у простого люда. Испытав много превратностей на пути к славе, он наконец стал знаменитым, и ему присвоили титул Пра Сунтон Уохан.

В наши дни, девяносто лет спустя после его смерти, Сунтон Пу считается одним из величайших поэтов Таиланда и занимает почетное место среди лучших поэтов мира.

Сунтон Пу родился на пятом году царствования короля Рамы I. Отец его был уроженцем Мыанг Клэнга, района в провинции Чантабури, но, женившись, поселился в Бангкоке. Вскоре после рождения маленького Пу родители разошлись. Отец вернулся в Мыанг Клэнг и принял там духовный сан. Мать второй раз вышла замуж и впоследствии стала кормилицей принцессы. Молодой Пу жил вместе с матерью, и его ранние годы прошли в королевском дворце.

Как вся молодежь того времени, будущий поэт получил среднее образование в монастыре, носящем теперь название Уат Шри Сударам, который расположен около Клонг Бангкок Ноя. По окончании школы Пу был некоторое время клерком в правительственном учреждении. Но единственное, в чем он видел свое настоящее призвание, — это писать стихи. Он почувствовал склонность к этому еще в раннем возрасте. В детстве он начал

писать большую поэму на сюжет повести Кобутра. Поэма, однако, так и осталась незаконченной. Уже в этом произведении обнаружился его удивительный талант, который впоследствии проявился в полную силу.

В молодости поэт влюбился в придворную даму по имени Чан, которая ответила ему взаимностью. Жениху эта оказала значительное влияние на его творчество. Но в те времена быть возлюбленным придворной дамы считалось преступлением, и в результате за безрассудную, романтическую любовь и поэта и даму его сердца заточили в дворцовую тюрьму. Выйдя оттуда в 1806 году, Сунтон Пу покинул столицу и в сопровождении двух лукситов¹ поехал навестить своего отца, которого не видел с детства. В дороге он создал первую большую поэму «Нират Мыанг Клэнг», в которой описал это путешествие, посвятив много нежных строк даме своего сердца.

Вначале Сунтон Пу намеревался пойти по стопам отца и стать на время священником. Но вскоре по прибытии в Мыанг Клэнг он серьезно заболел и вынужден был вернуться в Бангкок. Всего лишь два месяца он прожил с отцом, а в столице отсутствовал три месяца. Любовная история закончилась благополучно: по возвращении он женился на своей Чан, и вскоре у них родился сын.

Однако, хотя они и нежно любили друг друга, жизнь их не была гладкой. Молодой поэт слишком пристрастился к вину, и это явилось причиной его частых ссор с женой. В конце концов она оставила его и вышла замуж за другого, но Сунтон Пу в своих многочисленных произведениях увековечил ее имя.

Скоро Сунтон Пу стал выдающимся придворным поэтом. В двадцать один год он сопровождал одного из принцев к гробнице Пра Будда Бат. Во время путешествия он создал прекрасную поэму под названием «Нират Прабат». В ней он выразил всю боль, которую ему причинила разлука с женой.

В 1809 году умер король Рама I и на престол взошел король Рама II. Рама II сам неплохо писал стихи,

¹ Ученики буддистских священников. — *Прим. ред.*

и с Сунтоном Пу его многое связывало. Поэтому сразу после своего прихода к власти король сделал Сунтона Пу своим придворным поэтом. Сунтон Пу очень скоро оправдал его высокое доверие. Король постоянно нуждался в его присутствии; когда он создавал свою поэму «Рамакиан», то часто советовался с Сунтоном Пу по различным вопросам стихосложения, и тот всегда давал королю дельные советы. Король был им очень доволен и присвоил ему титул Кун Сунтон Уохан.

Но, к сожалению, Сунтон Пу не мог побороть страсти к вину, и это вскоре привело его к беде. Однажды, напившись, он поссорился с матерью. Один из ее братьев попробовал вмешаться в ссору, тогда поэт жестоко оскорбил его. Это дошло до короля. Его величество очень рассердился и приказал заточить буйного молодого человека в тюрьму.

Но нет худа без добра, и заточение на этот раз оказалось плодотворным: именно в тюрьме у Сунтона Пу зародилась идея написать большую поэму, герои которой — два брата принца — ведут богатую приключениями жизнь в мире, полном чудес и волшебства, населенном невиданными существами.

Так начала создаваться знаменитая поэма «Пра Апхай Мани», величайшее произведение мировой литературы. Поэт закончил ее уже в зрелом возрасте, но, еще находясь в тюрьме, он сумел продать в рукописи отдельные песни поэмы, доставив тем самым удовольствие читателям и заработав порядочную сумму денег.

Как и следовало ожидать, в тюрьме он сидел недолго. Король в нем слишком нуждался. Как-то раз поэт крайне понадобился Его величеству, и его тут же освободили. Снова Сунтон Пу стал любимцем короля, наставником принцев и главным литературным консультантом при дворе. Он был одним из членов знаменитого литературного кружка, возглавляемого королем Рамой II. Поэты этого кружка создали прекраснейшее произведение на таиском языке — поэму о Кун Чанге и Кун Пэне. Перу Сунтона Пу принадлежит часть, где описывается рождение Плай Нгама, сына Кун Пэна и главной героини поэмы Уан Тонг.

Выступая в роли литературного консультанта, Сунтон Пу навлек на себя гнев старшего сына короля, принца Джесдабодиндра, который тоже сочинял стихи. Сунтон Пу осмеливался подвергать публичной критике некоторые строки, написанные принцем, а иногда рисковал даже улучшать его стихи, переписывал их экспромтом, к чему имел особый талант. Принц воспринял это как неуважение к собственной особе и на горе поэту затаил на него смертельную обиду.

В 1824 году великий покровитель Сунтона Пу, король Рама II, умер, а враг Сунтона Пу, принц Джесдабодиндра, взшел на престол и стал королем Рамой III. Поэта сразу лишили его титула и положения, и он был вынужден прибегнуть к защите священнической рясы. В духовном сане он оставался около шести-семи лет. За это время он написал несколько поэм: «Нират Пу Кау Тонг», «Нират Мыанг Суфан» и «Нират Уат Чау Фа». Наиболее значительная из них — «Нират Пу Кау Тонг»; это одна из красивейших поэм, написанных на таиском языке. Все эти произведения были созданы на материале странствий поэта по разным местам.

Примерно в 1832 году принц Лакананкун, младший сын короля Рамы III, проникся симпатией к странствующему поэту и взял его под свое покровительство. Сунтон Пу снял с себя рясу священника и сделался слугой этого принца, по заказу которого написал еще несколько песен к «Пра Апхай Мани» и несколько новых поэм. Но злой рок преследовал поэта. В 1835 году его царственный покровитель скончался, и он снова стал скитаться по свету. Это был несчастливый период в жизни поэта; он влачил жалкое существование, переезжая с места на место в лодке, которая служила ему домом, и продавая, кому придется, свои поэмы.

Однако такой великий поэт, как Сунтон Пу, не мог долго оставаться забытым. Вскоре принц Исаресрангсал, один из сыновей короля Рамы II, взял его к себе на службу. Принц этот был любимым младшим братом принца Монгкута, и, когда последний сделался королем Рамой IV, он присвоил брату титул Его величества Пра Пин Клау и наделил его королевской властью. Вслед за этим принц даровал знаменитому поэту титул Пра Сун-

тон Уохан, который оставался за ним до самой смерти. В этот последний период жизни, когда Сунтон Пу находился под покровительством Его величества Пра Пин Клау, он написал поэму «Нират Пра Пратом» и много других поэм, а также колыбельные песни для детей короля. Так он творил до конца своих дней. Умер Сунтон Пу в 1856 году в семидесятилетнем возрасте, окруженный почетом и славой.

Величие Сунтона Пу, как поэта, состоит в том, что поэтический язык его был простым и искренним: он писал сердцем, а не разумом. Большинство же тайландских поэтов того времени писало классическим витиеватым стилем. Сунтон Пу не отличался особой ученостью, но в своей области, в том, что мы называем поэзией клон¹, он был большим мастером, талант его считается до сих пор непревзойденным и, пожалуй, никогда не будет превзойден, хотя многие старались ему подражать. Сунтон Пу возвышается над всеми, потому что в своих произведениях, в «Пра Апхай Мани» и в «ниратах» — в этой смеси романтики, пафоса и юмора — он умел затрагивать сердца простых людей. Поэтому его заслуженно называют народным поэтом.

Прем Чайя

¹ Вид белого стиха. — *Прим. ред.*

Часть первая

ДВА БРАТА

Давным-давно жил-был некий принц по имени Судасна, и правил он маленькой, но богатой страной. У него было два сына; старшего, которому исполнилось пятнадцать лет, звали Пра Апхай Мани, а младшего — ему было тринадцать — Шри Сувана. Видя, что они уже достигли сознательного возраста и пришла пора обучать их разным наукам, чтобы в будущем они смогли умело и по справедливости править страной, отец позвал их к себе и обратился к ним с такой речью:

— Сыны мои, настанет день, когда вам придется править этой страной. Так вот, по обычаям наших предков вы должны овладеть знаниями, которые помогут вам защищать вашу собственность. Поэтому вам следует подыскать ученых людей, которые смогут дать вам эти знания и наставления, полезные в будущем.

Братья поклонились отцу и сказали, что они согласны с его волей. Выслушав напутствия отца, они с ним распрощались.

В те времена мудрые, ученые люди вели жизнь отшельников, ревниво оберегая сокровища своих знаний в чаще лесов или в отдаленных селениях. После пятнадцатидневного перехода через джунгли Пра Апхай Мани и Шри Сувана с большим трудом удалось наконец отыскать двух ученых старцев, которые показались им подходящими. Один из них, как гласила надпись на двери его хижины, обучал нежному искусству игры на флейте, а другой — самому смелому искусству самозащиты. Пра Апхай Мани, не колеблясь, решил, что будет учиться играть на флейте, а Шри Сувана предпочел

изучить искусство самозащиты. Единственное препятствие заключалось в том, что они не захватили с собой ста тысяч тамлынггов¹ золота, которые, как оказалось, каждый учитель брал за обучение (ибо в те дни еще не было всеобщего обучения и учителя имели право требовать вознаграждение). Однако братья все объяснили почтенным старцам, и те благосклонно согласились принять от каждого по кольцу в качестве платы за учение: они поняли, что юноши были знатного рода.

Оба ученика делали быстрые успехи в науках. Учитель музыки повел Пра Апхай Мани на вершину горы и сыграл ему на своей флейте. Игра, которой обучал его старец, была особенной. Когда учитель играл, все дикие звери в лесу — даже тигры и слоны — забывали о пище и подходили поближе, зачарованные волшебными звуками, которые издавал этот музыкальный инструмент. За семь месяцев Пра Апхай Мани в совершенстве овладел искусством игры на флейте и мог им околдовывать людей и убаюкивать их так, что они засыпали и всецело подчинялись его желаниям. Когда курс обучения был закончен, учитель отдал Пра Апхай Мани кольцо обратно: от такого ученика он не хотел брать вознаграждения.

И вот Пра Апхай Мани, исполненный благодарности, простился со своим учителем и присоединился к брату, обучение которого к этому времени тоже подошло к концу. Шри Сувана знал теперь все в области военной тактики, и необычайно искусно владел любым видом оружия. По окончании учения ему было тоже возвращено его кольцо. Теперь ничто не мешало братьям вернуться во дворец отца, и притом как можно скорее.

Прибыв во дворец, они сразу направились в тот зал, где принц Судасна в это время давал аудиенцию. Увидев своих сыновей, принц просиял от удовольствия, позвал их к себе и тут же начал расспрашивать, каких они достигли успехов. Но, когда он услышал, что его старший сын обучался игре на флейте, а младший потратил время на то, чтобы овладеть простейшим

¹ Старая тайландская мера веса золота. — *Прим. ред.*

оружием, милость его сменилась гневом, и, топнув ногой, он с негодованием воскликнул:

— Я не желаю больше вас слушать! Музыка! Музыка — подходящее занятие для наемных менестрелей и бродячих актеров. Придворные дамы у меня во дворце и те могут обучаться музыке. А владеть простейшим оружием — это дело солдат. Сыновьям принца не к лицу этим заниматься. Вы меня оба осрамили, и я не хочу, чтобы вы оставались во дворце. Уходите вон! Чуть ли не целый год вы потратили даром, а теперь явились раздражать меня своими глупыми рассказами.

Принц встал, пылая гневом, и решительным шагом направился в свою опочивальню.

Обоих братьев удивил и расстроил неожиданный гнев отца. Пра Апхай Мани сказал Шри Суване:

— Отец рассердился и выгнал нас из дворца. Если мы одни пойдем странствовать по свету, мы можем умереть с голоду.

Шри Сувана ответил:

— Не бойся, брат. Пока кровь течет в наших жилах, мы будем продолжать странствия и, возможно, набредем на какой-нибудь город или деревню, где найдем себе пристанище. Мы вооружены знаниями, чего же нам бояться?

И вот оба брата вторично решили пуститься в странствия по свету. Они облачились в одежду простых странников и отправились в путь. Старший брат взял свою флейту, а младший — толстую палку. Шли они полями и лугами, миновали горы и равнины, днем шли не останавливаясь, а отдыхали только по ночам. Питались они плодами диких растений, которые попадались им в лесах и на равнинах. Наконец, пробродив больше месяца, они подошли к берегу моря. Усевшись на берегу в тени дерева, они дали отдых своим уставшим членам и стали слушать шум прибоя.

А случилось так, что берег этот был излюбленным местом игр трех сыновей брахмана. Каждый из них мог похвастаться тем, что владел особым искусством. Первый, Мора, умел строить из соломы большие лодки. Второй, Санон, мог вызывать ветер и дождь. Третий,

Вичира, отлично стрелял из лука; он мог выпустить из лука одновременно семь стрел, и все они попадали в цель. И вот, придя на берег, они заметили двух чужеземцев, сидящих под деревом, и сразу сообразили, кто они такие. Трое брахманов очень обрадовались, что обрели новых друзей; братья тоже обрадовались им. Между ними завязалась оживленная беседа. Все по очереди рассказывали о себе, и брахманы выразили сильное удивление, узнав, что Пра Апхай Мани не нашел себе лучшего занятия, чем игра на флейте. Они искренне не могли понять, какое можно найти применение этому искусству.

— Ну, к чему эта музыка? Разве что играть серенады женщинам? — рассуждали они.

Тут Пра Апхай Мани объяснил им:

— Музыка всегда пригодится. Она, как драгоценный камень, на который можно купить целый город. Вот, к примеру, стоит мне заиграть на этой флейте, как люди, животные и даже духи, которые слышат нежные звуки, сразу добреют, успокаиваются и в конце концов, убаюканные, засыпают. Да, музыка поистине обладает огромной чарующей силой. Если не верите, давайте я вам сыграю.

И с этими словами он взял флейту, которую подарил ему учитель, и начал играть. Изумительные звуки полились из инструмента. Сливаясь в ласковую, усыпляющую мелодию, эти жалобные нежные звуки хватали за сердце. Три брахмана впали в транс и вскоре заснули крепким сном. Вслед за ними и Шри Сувана, очарованный музыкой, уснул. Пра Апхай Мани остался сидеть один, извлекая бессмертные мелодии из своей волшебной флейты.

А в открытом океане жила огромная морская великанша, и звали ее Пусыа Самут. Жила она в роскошной пещере на самом дне океана, но иногда выходила на поверхность посмотреть, что происходит в мире, населенном людьми. Как раз в этот момент она поднялась из морских глубин, чтобы наловить себе на ужин рыбы, и вдруг услышала прекрасную музыку, доносившуюся с берега. Зачарованная этими звуками, она бесшумно подкралась к берегу, чтобы посмотреть, откуда они ис-

ходят. Она увидела красивого юношу, играющего на флейте, с первого же взгляда страстно в него влюбилась и захотела им завладеть. Повинуясь своему желанию, великанша шагнула к тому месту, где сидел Пра Апхай Мани, с силой, подобной силе ветра, схватила его и, зажав в кулак, пустилась бежать. Очутившись в открытом океане, она нырнула в воду и поплыла к своей пещере.

Пра Апхай Мани, как это ни странно, благополучно перенес столь тяжелое испытание и остался жив. Удар, нанесенный ему великаншей, когда она его схватила, способен был убить любого смертного, но только не Пра Апхай Мани. Он просто потерял сознание. Придя в себя, он увидел, что находится в огромной, прекрасно убранной пещере и лежит на каменном ложе. Рядом с ним сидела молодая красивая женщина. Но Пра Апхай Мани трудно было провести. Он сразу сообразил, что это великанша, принявшая человеческий облик; сделала она так для того, чтобы обмануть его, заставить думать, будто она обыкновенная женщина, и тем прогнать его страх.

Пусыа Самут пустила в ход все свои чары, чтобы понравиться этому полюбившемуся ей юноше, но все было напрасно. Пра Апхай Мани грубил ей, бранил ее последними словами и гнал от себя. Так он вел себя довольно долго, думая только о том, как бы выбраться из пещеры и вновь соединиться с братом, с которым никогда до тех пор не расставался.

Но в конце концов, отчаявшись убежать из пещеры, да еще и потому, что Пусыа Самут становилась все более настойчивой, он согласился удовлетворить ее желание при условии, что Пусыа Самут даст клятву ни при каких обстоятельствах не употреблять его в пищу. А съесть его ей ничего не стоило, потому что она принадлежала к породе великанов, которые питали особое пристрастие к человеческому мясу.

Великанша торжественно поклялась в этом всеми богами. Таким образом, к огромной радости Пусыа Самут, Пра Апхай Мани взял ее себе в жены.

Как ни странно, но жизнь этой удивительной супружеской пары текла довольно спокойно. Правда, Пра Ап-

хай Мани не разрешалось покидать пещеру, но Пусыа Самут прекрасно за ним ухаживала, и у него было все, что душе угодно. В положенное время у них родился сын — нормальный человеческий ребенок, которого они назвали Син Самут — Сокровище Океана.

Мальчик рос, и в нем стали проявляться замечательные качества, унаследованные от родителей: красотой он пошел в отца, а свойства земноводного животного унаследовал от матери. В воде он себя чувствовал совсем как дома и мог часами, не поднимаясь на поверхность, плавать, нырять, кувыркаться и резвиться с русалками.

Пусыа Самут от счастья была на седьмом небе. Только Пра Апхай Мани тосковал по родной земле и по своему брату, о судьбе которого он ничего не знал.

Часть вторая

РУСАЛКА

Как-то раз, когда великанша ловила рыбу, а Пра Апхай Мани сидел один в пещере, думая о брате, маленький Син Самут, играя, как всегда, около пещеры, увидел водяного, у которого был красивый хвост, и подумал, что, если ему удастся его поймать, он сможет показать водяного отцу. Он поплыл за ним, схватил его за хвост и, напрягая все мускулы своего маленького тела, потащил водяного к пещере.

Пра Апхай Мани пришел в ужас от проделки сына.

— Разве ты не знаешь, что мать твоя страшно рассердится, когда узнает, что ты натворил? Ей ведь еще не известно, какой ты сильный, и она не догадывается, что ты в любое время можешь помочь своему отцу убежать из пещеры.

Син Самут не понимал, почему отцу может прийти в голову мысль сбежать из пещеры. Он спросил его об этом, и отец рассказал сыну всю свою историю. Глаза малыша наполнились слезами, когда он узнал, что его мать — морская великанша.

Водяной, который все это время лежал в пещере на полу и тряся от страха за свою жизнь, почувствовал, как к нему возвращается смелость. Предки его были людьми, и поэтому он понимал человеческий язык и мог говорить на нем. И вот он поднял голову и обратился к Пра Апхай Мани с такой речью:

— Господин, сохрани мне жизнь, тогда я и мои близкие поможем тебе вырваться из когтей великанши. Я перевезу тебя на прекрасный остров, где жи-

вет почтенный отшельник, обладающий сверхчеловеческой силой. Там ты будешь в безопасности. Ты можешь сесть верхом на меня, а твой сын — на мою жену. Но ты должен усыпить бдительность великанши, пока мы будем готовиться к побегу, и пустить в ход всю свою хитрость, чтобы на три дня и три ночи отправить ее куда-нибудь и за это время успеть скрыться.

Слова водяного пришлись Пра Апхай Мани по душе, и они тут же составили план бегства. Наконец водяной попрощался, пообещав вернуться и забрать Пра Апхай Мани и его сына, и покинул их.

Вскоре после этого возвратилась в пещеру Пусыа Самут, нагруженная провизией для своей кладовой. Пра Апхай Мани и Син Самут старались ни единым словом, ни единым поступком не возбудить у нее каких-либо подозрений.

Наступила ночь, и они, как обычно, улеглись спать. В эту ночь великанша видела страшный сон. Снилось ей, будто пещеру ее разрушили, а ее самое убили. Проснувшись, она рассказала свой сон мужу и спросила его, что он по этому поводу думает. Пра Апхай Мани, не задумываясь, ответил, что есть только один способ избежать свершения дурного сна — лечь у подножия горы и пролежать там неподвижно три дня и три ночи.

Пусыа Самут, ничего не подозревая, поверила Пра Апхай Мани. И вот рано поутру, закончив все необходимые приготовления, она направилась к высокой горе, которая находилась на большой земле: там она надеялась отвести от себя беду.

Как только она ушла, Пра Апхай Мани и Син Самут стали готовиться к побегу. Наконец они покинули пещеру и поднялись на поверхность океана. Там к ним присоединился водяной с женой и дочерью. Дочь его оказалась миловидной юной русалочкой, и Пра Апхай Мани не мог сдерживать свой восторг, любуясь ее прекрасной фигурой; и в самом деле, если бы не то обстоятельство, что вместо ног у нее был хвост, она вполне могла бы сойти за придворную даму.

Не теряя понапрасну времени, они сразу двинулись в путь, ибо понимали, что каждый час отсрочки — это вопрос жизни или смерти. Пра Апхай Мани сел вер-

хом на водяного, а Син Самут взобрался на спину его жены. Русалка поплыла за ними следом.

Уже четвертый день плыли они с большой скоростью, но все еще не достигли цели. Вдруг позади них разразилась страшная буря. Пра Апхай Мани спросил у водяного, чем это им грозит.

— О горе! Великанша обнаружила ваше исчезновение, — сказал тот, — и наверняка уже пустилась в погоню. Похоже, что она скоро нас настигнет.

Пра Апхай Мани выслушал водяного, и ему стало не по себе. А Син Самут только засмеялся в ответ и сказал отцу:

— Предоставь все мне. Я останусь здесь и поговорю с матерью. А ты торопись.

Тогда водяной воскликнул:

— Увы! Нет у меня больше сил. Дальше плыть я не могу. И жена моя тоже не может. Вся надежда на дочь.

И, подозвав к себе дочь, водяной сказал ей:

— Отцу твоему недолго осталось жить на свете. Ты должна сменить меня и доставить принца к месту его путешествия — на остров, где он будет в безопасности.

Русалка послушно подплыла сбоку, и Пра Апхай Мани пересел на нее. Она была молодой и сильной, и ей было нетрудно быстро плыть с принцем на спине. Итак, Пра Апхай Мани с русалкой пустились в дальнейший путь.

Великанша настигала их. Море яростно вспенилось, и Син Самут с удивлением увидел приближающуюся фигуру, совсем не похожую на его мать, потому что в пещере она являлась перед ним в облике красивой женщины. И он вскричал:

— Кто ты, черная образина, земная ты тварь или морская?

Пусыа Самут ответила нежным голосом, каким говорила с ним в пещере:

— Разве ты не узнаешь свою мать?

Син Самут понял, что это его мать. Но, хотя она и умоляла его, он отказался отвечать ей, в каком направлении уплыл отец. Он нырнул поглубже, исчез под водой и вскоре присоединился к Пра Апхай Мани.

Тогда заговорил водяной. Он сказал великанше, что вместе с женой проводит ее к тому месту, куда поплыл Пра Апхай Мани, а если она не найдет там принца, пусть убьет его и жену. Великанша сочла такое предложение приемлемым и согласилась.

Тогда водяной и его жена поплыли в направлении, обратном тому, которое избрали Пра Апхай Мани с русалкой.

Тем временем Пра Апхай Мани и русалка благополучно прибыли на остров. На острове этом жил мудрый и могущественный отшельник, которому прислуживала сотня людей всех национальностей, потерпевших кораблекрушение; среди них были китайцы, индийцы, таи и яванцы, англичане, голландцы и другие европейцы. Отшельник этот жил в пещере на горе и питался овощами и травами, которые в изобилии росли на острове. Все глубоко почитали его за святость и доброту. Пра Апхай Мани немедленно отправился засвидетельствовать отшельнику свое почтение и попросить у него защиты.

Не успел он это сделать, как огромные волны с силой ударились о берег и из воды вышла великанша. Обманутая водяным, она была вне себя от бешенства и в отместку растерзала его на куски. Теперь она хотела заполучить своего мужа. Грозно возвышаясь над островом, она стояла у берега, на священную землю которого не смела ступить.

Отшельник спустился с горы и принялся утешать великаншу. Но Пусыа Самут вылила на него поток бранных слов и обвинила отшельника в том, что он сует нос не в свои дела. Тогда отшельник взял немного волшебного порошка и дунул в сторону великанши. Великанша поняла, что она бессильна против волшебных чар отшельника, и удалилась, расстроенная и злая.

Пра Апхай Мани, Син Самут и русалка стали жить на острове, оказывая отшельнику разные мелкие услуги за то, что он помог им, предоставив убежище. Шли дни, и Пра Апхай Мани все больше влюблялся в русалку. Она спасла ему жизнь, и он жалел ее — ведь она осталась сиротой. И, кроме того, русалка была очень

хорошенькой; лишенная некоторых женских достоинств, она все же была очаровательна и грациозна, как женщина. И поэтому он предложил ей стать его женой.

Русалка склонна была принять его предложение, но понимала, что они не подходят друг другу, и она сказала Пра Апхай Мани:

— Вы человек и живете на земле. Я рыба, и мой дом— море. Многое разделяет нас. Как же мы можем любить друг друга? Это невозможно. Любить меня для вас унижительно. Позвольте мне быть просто вашей служанкой.

— Нет, — ответил Пра Апхай Мани, — любить способны все живые существа, будь то люди, животные или рыбы. И каждый волен любить кого хочет. Хотя мы с тобой существа различной породы, но мы созданы друг для друга, иначе как бы нам удалось, несмотря на все опасности, вместе сюда добраться? Поэтому не говори, что ты будешь моей служанкой. Я вовсе не хочу быть твоим хозяином. Я хочу быть твоим возлюбленным.

Русалку не нужно было больше убеждать. И тут же на берегу моря, при ярком свете луны, она с Пра Апхай Мани познала счастье, которое им было предначертано свыше их странной, но неминуемой судьбой.

Союз Пра Апхай Мани с русалкой оказался очень счастливым. Он был человеком, а она русалкой, но это не мешало им наслаждаться любовной идиллией. Так незаметно пробежали семь месяцев, и страсти их не было конца.

Тем временем Пра Апхай Мани и сын его близко познакомились с потерпевшими кораблекрушение людьми, обитавшими на острове. От них они научились нескольким европейским языкам, а также китайскому.

Син Самут проникся к отшельнику глубоким уважением. Однажды он спросил старца, могут ли они с этим принять священный обет, чтобы получать от него наставления. Польщенный отшельник удовлетворил его желание, и оба, отец и сын, были посвящены в таинства религии и философии.

А в это самое время корабль Силараджа — короля, который правил соседней страной, — причалил к берегу. У короля этого была красавица дочь, которую звали Суварнамали; принцессе вдруг страстно захотелось отправиться в плавание, ибо ей предсказали, что во время путешествия она найдет свое счастье. Отец, исполняя каприз дочери, снарядил корабль в короткое плавание. Неблагоприятный ветер отнес корабль далеко в океан, и все на борту пришли в отчаяние. Но вот как-то поутру они увидели перед собой прекрасный зеленый остров и поняли, что это и есть та самая земля, где обитает почтенный отшельник. Они решили высадиться на остров и засвидетельствовать старцу свое почтение.

И вот король с дочерью и со всей свитой поднялись на холм. В это время Пра Апхай Мани и Син Самут сидели, погруженные в размышления; при появлении незнакомцев они подняли головы. Когда Пра Апхай Мани увидел Суварнамали, у него даже дыхание перехватило. В жизни он не видывал подобной красавицы! Суварнамали же нисколько не удивилась, что у отшельника такой красивый ученик. Взгляды их встретились и были красноречивее слов.

Обменявшись приветствиями, Силарадж поведал отшельнику и его ученикам, при каких обстоятельствах он попал на остров. А потом, повернувшись к Пра Апхай Мани, спросил его, кто он такой и каким образом очутился на острове и нашел себе приют у отшельника. Пра Апхай Мани рассказал ему всю свою историю, начиная с того дня, когда он выучился играть на флейте и тем навлек на себя гнев отца, и до того момента, когда убежал от морской великанши.

Силарадж, а вместе с ним, конечно, и дочь его были глубоко тронуты рассказом Пра Апхай Мани и очень заинтересовались его волшебной флейтой. Королю захотелось послушать игру Пра Апхай Мани. Но тот отказался. Он принял священный обет, сказал он, запрещающий ему играть на флейте. Но он обучил этому искусству своего сына, и Син Самут, если отшельник позволит, сможет удовлетворить желание короля. И вот, с согласия своего наставника, Син Самут взял флейту

отца, и тишину нарушили звуки чарующей мелодии. Как и следовало ожидать, всех, кто слушал музыку, вскоре потянуло ко сну, и друг за другом они уснули. Лишь Син Самут с отцом продолжали бодрствовать.

Теперь Пра Апхай Мани получил возможность лучше рассмотреть Суварнамали и оценить ее прелести. Он поднялся, подошел к ней поближе, но притронуться не посмел. Красота этой девушки казалась ему безупречной; любовный огонь сжигал его, и он не в силах был отвести от нее глаз. Когда он вернулся на свое место, мысли его были далеки от религии и философии.

Первым проснулся отшельник и был очень удивлен, что даже на него подействовали чары волшебной флейты. Он ударил в колокол и разбудил всех остальных.

Син Самут заметил, что красота Суварнамали поразила отца в самое сердце. Одного намека со стороны отшельника было достаточно, и мальчик сразу сообразил, что ему делать. Он подошел к принцессе и, низко поклонившись ей в ноги, с детским простодушием сказал:

— Ты мне нравишься. Мне кажется, ты очень добрая. Видишь, я сирота. Прошу тебя, замени мне мать, и вози меня с собой повсюду.

Служанки принцессы захихикали, а Суварнамали залилась краской, щеки ее расцвели, словно розы, и она стала прекраснее прежнего. Мальчик ей очень понравился, и она согласилась заменить ему мать.

И вот наконец пришел день, когда Силарадж решил вернуться домой. Было решено, что не только Син Самут, но и его отец будут сопровождать их в плавании. Все распрощались с отшельником, который проявил к ним столько доброты.

Перед Пра Апхай Мани встала трудная задача. Как сообщить печальную весть русалке, которую он все еще любил? И вот он пошел на берег моря, где она жила, и позвал ее. Но он не мог выдавить из себя ни слова. Русалка сама обо всем догадалась, — ведь она видела, как к острову причалил корабль, а теперь корабль готовился к отплытию. Ее красавец муж возвращался домой к своим соотечественникам. И тогда она

призналась ему в том, что ждет от него ребенка. Кто защитит теперь ее и будущее дитя?

Глаза Пра Апхай Мани наполнились слезами.

— Любимая моя, — сказал он, — мне так не хочется тебя покидать, но ехать нужно. Я оставляю тебя и наше дитя под надежной защитой отшельника.

С этими словами он снял с пальца драгоценное кольцо, протянул его русалке и сказал, что, когда придет время, она должна будет надеть его на палец ребенка. Тут настал час расставания, и оба они залились горькими слезами.

Вскоре Пра Апхай Мани и Син Самут вместе со своими новыми друзьями отплыли на корабле. А русалка осталась совсем одна. Теперь только старик отшельник мог защитить ее от беды.

Подошло время, и русалка родила сына — нормального ребенка, который был копией своего отца. Ему дали имя Суд Сакон — Граница Океана.

Часть третья

МЕСТЬ ВЕЛИКАНШИ

Корабль Силараджа отправился в плавание; на борту его находились пассажиры всех рас и национальностей. Король распорядился правильно: он, его дочь и их личная свита расположились в центре корабля, придворные — в носовой части, а Пра Апхай Мани с остальными — на корме.

Син Самут, разумеется, находился около своей «матери». Но время от времени под разными предлогами он забегал к отцу. Пра Апхай Мани расспрашивал его, как он себя чувствует, и с жадностью слушал все, что касалось Суварнамали. Она, как выяснилось, заметила, что он оказывает ей знаки внимания и что он вообще любитель женщин; в остальном он произвел на нее благоприятное впечатление. Это поощрило Пра Апхай Мани признаться сыну в том, что он намерен предложить ей руку и сердце, как только они причалят к берегу. Заметив, что Суварнамали подарила сыну один из своих шарфов, Пра Апхай Мани попросил этот шарф у сына, обещая хранить при себе, чтобы шарф всегда напоминал ему о даме его сердца.

Когда Син Самут вернулся в каюту Суварнамали, она подозвала мальчика к своему ложу и обняла его. Тут она сразу заметила, что шарф ее исчез, и спросила, куда он его девал. Син Самут сказал, что спрятал его в сундук. Но Суварнамали не поверила; нечего ее обманывать, сказала она. И тогда он признался ей во всем и передал свой разговор с отцом, не скрыв и намерения Пра Апхай Мани сделать ей предложение.

Суварнамали это глубоко тронуло, но она сказала:

— Замолчи лучше. Если кто-нибудь услышит твои слова, будет скандал. Я все равно не могу принять его предложение, потому что по возвращении домой мне придется выйти замуж за сына короля Ланки — так хочет мой отец. Ты можешь передать своему отцу, что я его глубоко уважаю и буду относиться к нему, как к брату.

Син Самут рассердился и с детской непосредственностью воскликнул:

— Почему тебя заставляют выйти замуж за чужеземца? Я не позволю! Я за тебя буду драться! Я хочу, чтобы ты досталась отцу.

Суварнамали попыталась умирить его пыл.

— Час уже поздний, — мягко сказала она. — Не говори так громко и перестань хвастаться! — С этими словами она заставила его лечь рядом с ней на ложе, и вскоре мальчик крепко заснул.

На следующее утро Син Самут проснулся с тяжелым сердцем, попрощался с Суварнамали и направился прямо к отцу. Он передал ему весь свой вчерашний разговор с Суварнамали.

Пра Апхай Мани глубоко опечалился и едва сдержал слезы. Мысль о том, что ему придется потерять женщину, — единственную, которую он по-настоящему полюбил, — приводила его в отчаяние. Он строил планы, как завоевать ее сердце, добиться ее любви, готов был драться за нее, а если понадобится, то и бежать с нею. И он попросил сына снова пойти к Суварнамали и как-нибудь подействовать на принцессу.

Син Самут повиновался отцу. В присутствии Суварнамали он зарыдал так, что сердце его, казалось, готово было разорваться.

Удивленная и напуганная, Суварнамали спросила:

— Что с тобой? Перестань плакать и скажи своей матери в чем дело. Ты для меня дороже жизни, и я исполню любую твою просьбу.

Син Самут сквозь слезы отвечал:

— Твое жестокосердие убивает моего отца, а заодно и меня.

Суварнамали, ничего не понимая, закидала мальчика вопросами.

— Сердце отца разбито, — объяснил он, ничуть не стесняясь своих слез, — он не знает, что ему теперь делать. Ты отвергла его предложение и предпочла любовь принца Ланки. Поэтому он не хочет больше жить на свете. Когда солнце сядет, мы с ним оба бросимся в море.

Суварнамали в простоте души поверила мальчику и страшно напугалась. Страх взял верх над ее скромностью, и она попросила мальчика пойти упросить отца не совершать столь необдуманного поступка.

— Скажи ему, — прибавила она, — что я просто рассказала тебе о воле моих родителей. И если, несмотря на это, отец твой будет все так же настойчив в своей любви ко мне, пусть твоя маленькая умная головка придумает все, что ей захочется, но ни в коем случае не бросайтесь в море.

Син Самут несказанно обрадовался и тут же утер слезы.

— Я передам все это отцу! — воскликнул он, вскочил и со всех ног кинулся на корму.

Когда Пра Апхай Мани услышал рассказ Син Самута, сердце его возликовало. Он снял с пальца кольцо с дорогим бриллиантом и протянул его сыну со словами:

— Отдай это принцессе и попроси ее дать мне в обмен ожерелье, которое она носит.

Взяв на себя роль посыльного, Син Самут исполнил поручение отца. И вот Суварнамали стала носить бриллиантовое кольцо, а Пра Апхай Мани, получив взамен ожерелье, радовался так, словно в руках его была уже сама принцесса.

Пока Пра Апхай Мани и Син Самут жили на волшебном острове, великанша Пусыа Самут томила и страдала и только ждала того дня, когда ее грешный муж снова очутится в ее руках. Она приказала морским чудовищам и дьяволятам неусыпно наблюдать за островом, и дать ей знать в случае, если Пра Апхай Мани сделает попытку сбежать оттуда.

И вот, когда корабль Силараджа поднял паруса, охрана великанши, исполняя ее распоряжение, сломя голову помчалась предупреждать свою госпожу. Пусы Самут, не теряя времени, отправилась в путь, с намерением перехватить корабль, на котором ехали ее муж и сын, вышедшие из-под доброй опеки чародея-отшельника. Собрав свою свиту из морских чудовищ и дьяволят, она послала их вперед и велела прочесать океан.

На пятнадцатый день они увидели корабль Силараджа: подгоняемый попутным ветром, он спокойно плыл по тихой глади океана. К вечеру на горизонте показался остров; посреди него возвышалась величественная горная вершина, похожая на облако. Но как только море окутал ночной мрак, разразился страшный шторм и судно завертело. Под напором ветра трещали снасти, и волны захлестывали палубу. Буря все усиливалась. Судно беспомощно носилось по волнам: руль вышел из строя. В самый разгар шторма появились первые морские чудовища и дьяволята великанши и стали кружить вокруг судна. Пассажиры и команда, до смерти напуганные, упали на колени и начали молиться. Морские чудовища и дьяволята, держась на известном расстоянии от корабля, дразнили людей, тараща глаза и высовывая языки.

Перед самым рассветом рядом с кораблем из воды поднялась огромная фигура великанши. Великанша кричала и отчаянно жестикулировала. При ее появлении морские чудовища и дьяволята окончательно осмелели и подплыли совсем близко к злосчастному судну. Команда корабля выстроилась на борту и стала стрелять из мушкетов, но все было напрасно. Неуязвимая великанша подошла вплотную к кораблю и схватилась за руль. Хватка ее была такой сильной, а волны хлестали так отчаянно, что корабль опрокинулся, и все, кто был на палубе, полетели в воду. Придворные, команда корабля — все беспомощно барахтались в волнах. Те, кто не умел плавать, пошли ко дну. Другие тут же стали жертвами акул — в ожидании пиршества они подплыли к крутящемуся в водовороте судну. Некоторым повезло — они уселись верхом на дельфинов. Что

касается Суварнамали, то ее как раз вовремя заметил Син Самут и уплыл с нею подальше от опасности.

Пра Апхай Мани схватился за доску от двери, плававшую на волнах. Держась за нее, он поплыл к берегу и достиг его как раз к тому времени, когда солнце начало подниматься над горизонтом. Пусья Самут среди всеобщего переполоха упустила мужа. Тогда она попыталась поймать сына. Однако Син Самут, который унаследовал проворство отца и плавательные способности матери, сумел от нее ускользнуть. Но вот на берегу острова она увидела своего мужа и огромными шагами направилась к нему. Пра Апхай Мани не мешкал: он побежал к подножию горы, вершину которой увидел накануне вечером, и стал поспешно на нее взбираться. Пусья Самут кинулась за ним, но поскользнулась и упала; тем временем Пра Апхай Мани сумел от нее удрать. Великанша не смогла взобраться на гору, потому что гора оказалась для нее слишком крутой. И раздосадованная, она осталась стоять у подножия горы, взывая к неблагодарному мужу, чтобы он сошел вниз.

— Муж мой, красавец муж мой, — жалобно причитала она, — чего ты меня боишься и убегаешь от меня? Я столько времени разыскивала тебя. Приди в объятия твоей жены. Не презирай ее и не сердись на нее.

Пра Апхай Мани, слишком занятый мыслями о том, как бы уйти от опасности, не обращал внимания на причитания великанши. Он забрался на самую вершину горы и, усевшись там, стал молить богов о спасении. Вскоре к нему присоединились сто других пассажиров, которым тоже удалось избежать пасти акул и лап великанши.

Увидев, что опасность ему больше не грозит, Пра Апхай Мани подошел к обрыву и взглянул вниз на Пусью Самут. Они долго переговаривались: он убеждал ее прекратить преследование, а она умоляла его спуститься с горы.

В конце концов терпение великанши иссякло. Видя, что мольбы ее ни к чему не приводят, она решила прибегнуть к другому способу. Пустив в ход все свое кол-

довство, она обрушила на гору сильнейший ливень, так что Пра Апхай Мани и остальные вымокли до нитки. Решив, что этого недостаточно, великанша напустила на них еще и град.

Пра Апхай Мани спешно собрал своих попутчиков на совет. Ни любви, ни жалости к Пусыа Самут у него больше не осталось. Он решил избрать самый верный способ — прибегнуть к своей волшебной флейте, которая всегда находилась при нем, и играть до тех пор, пока великанша не заснет. Все тут же с ним согласились, и он приказал им на время заткнуть уши.

Взяв флейту в руки, Пра Апхай Мани снова пошел к обрыву и, произнеся соответствующую молитву, начал играть. Мелодия проникла великанше в самое сердце. Экстаз и агония, чувство горечи и сладостного опьянения, радости и отчаяния одновременно охватили ее. Великанша слушала и постепенно погружалась в глубокое забытие. Когда последние звуки флейты эхом отдались среди холмов, великанша умерла от разрыва сердца, и тело ее превратилось в камень.

Часть четвертая

СИН САМУТ И ПИРАТ

Для Син Самута не составляло особого труда плыть и поддерживать Суварнамали, — ведь море было для него родной стихией. Он старался, чтобы волны не захлестывали принцессу, и хотя акулы вокруг них так и шныряли, их они не трогали. И все же страх Суварнамали не проходил, а все увеличивался, потому что она видела, как силы Син Самута постепенно иссякают.

Со слезами в голосе она сказала мальчику:

— Дорогой мой Син Самут, ты совсем измучен. Пожалуйста, предоставь меня моей судьбе и вернись к отцу.

Син Самут, несмотря на усталость, не обратил внимания на ее слова и продолжал плыть дальше.

— Если ты умрешь, — сказал он ей, — я умру вместе с тобой. Я забочусь о тебе, как о матери, а мать я не могу бросить посреди моря. Я еще держусь, поэтому не плачь и не отчаивайся, а наберись мужества.

Напрягая все силы, Син Самут смело плыл вперед, пока наконец впереди не показался остров. Обрадованный, он воспрянул духом и, сделав последние усилия, достиг берега как раз перед самым заходом солнца. Он благополучно вынес Суварнамали на берег, но сам от сильного переутомления ослабел так, что потерял сознание.

Суварнамали взяла мальчика на руки. Она прижимала его к груди и плакала горькими слезами. Так они сидели, пока не спустилась ночь.

— О дорогой мой Син Самут, — плакала Суварнамали, — почему ты не просыпаешься? Я пытаюсь тебя разбудить, но безуспешно. Ты спас меня от гибели

в морской пучине и благополучно доставил на берег, а теперь, когда мы на твердой земле, ты меня покидаешь. Неужели тебе суждено умереть, мой милый мальчик, неужели я останусь совсем одна? Сжался над своей матерью, которая не знает, что ей теперь делать. — Так Суварнамали долго сидела, причитая и оплакивая судьбу Син Самута и свою собственную.

Взошла луна. Тишину ночи нарушало только жужжание насекомых. Небо было безоблачным. Выпала роса.

Тело Син Самута было теплым, и это вселяло в Суварнамали надежду. Она молила богов о том, что, если уж Син Самуту суждено умереть, пусть и она умрет вместе с ним, но если ему суждено жить, пусть он как можно скорее придет в себя.

Не успела она произнести последнее слово своей молитвы, как Син Самут открыл глаза и поднялся. Роса освежила его и пробудила от глубокого сна. Суварнамали была вне себя от радости. Она обнимала его и говорила, что обязана ему своей жизнью и что, не приди он в себя, она бы умерла. И Син Самут преисполнился к ней еще большей любовью.

Син Самут отвел Суварнамали к пещере в скале и устроил ей там удобное ложе. Затем он исследовал эту часть острова и принес кое-какие съедобные плоды. Оба они уселись и стали жадно есть: после тяжелого путешествия они были очень голодны.

И вот случилось так, что на следующее утро в бухту вошел большой корабль и бросил там якорь. От него отделились шлюпки; в шлюпках сидели голландские моряки. Моряки вышли на берег и направились к ручью за пресной водой. Удивлению их не было границ, когда они обнаружили на острове красивую молодую даму и мальчика. Они тут же закидали их вопросами. Син Самут вступил с ними в разговор и узнал, что корабль их принадлежит известному английскому пирату по имени Суранг. В свою очередь Син Самут рассказал им, как он с «матерью» очутился на острове, и спросил, не могут ли они перевезти их на материк. Однако, когда он увидел, что матросы бросают наглые взгляды на

Суварнамали, он их отчитал. Но те уже приняли решение: они возьмут даму с мальчиком в плен и передадут их своему повелителю Сурангу. Схватив несчастных «мать» и сына, матросы перевезли их на корабль.

Пират Суранг очень обрадовался добыче, которую ему доставили матросы. Не имея ни жены, ни детей, он был счастлив заполучить очаровательную молодую женщину и красивого мальчика к себе на корабль. Но раскрывать свои карты преждевременно он не хотел и поэтому оказал им вежливый прием и предоставил в их распоряжение лучшую на корабле каюту. Проследив за тем, чтобы их устроили со всеми удобствами, он отдал команду поднять паруса.

Суранг сидел в кресле и разговаривал с пиратами. Настроение у него было отличное, и он заранее предвкушал, как в недалеком будущем эта женщина будет принадлежать ему. По всей видимости, это молодая вдова, предположил он, у которой остался на руках сын. Он постарается с ней ближе познакомиться. Во всяком случае, ей придется теперь примириться со своей судьбой. Но мальчик может оказаться помехой. Его нужно удалить, во всяком случае хотя бы на время. И Суранг задумал напоить мальчика, с тем чтобы убрать его с дороги. Он приказал своим людям накрыть стол к пиршеству и поставить кувшин вина.

Когда все было готово, Суранг пригласил Син Самута разделить с ним трапезу. Пират и мальчик уселись за богато накрытый стол. Суранг налил из кувшина вино. Син Самут, думая по наивности, что это вода, выпил все до дна. Лицо его сделалось красным, голова закружилась. Он лихорадочно набросился на яства, от которых ломился стол, а тем временем пират все подливал ему да подливал. Вскоре Син Самут был мертвецки пьян. Он приподнялся с сиденья и как подкошенный свалился на пол. Тогда Суранг приказал своим людям отнести мальчика на койку, чтобы он там отоспался и протрезвел.

Теперь, решил Суранг, самый благоприятный момент для осуществления его плана. И он стал готовиться. Облачившись в свой лучший наряд, он тихонько проник в каюту к Суварнамали. Принцесса лежала на

кровати. Пират направился прямо к ней и уселся на край кровати. Суварнамали прыгнула со своего ложа, забилась в самый дальний угол каюты и пронзительно стала звать Син Самута на помощь. Но ответа не было, и она задрожала от страха.

Суранг молча наблюдал все это и только про себя улыбался. Когда принцесса затихла, он сказал нагло, тоном разбойника:

— Чего ты бежишь от меня? Может, вспомнила об умершем муже, которого больше нет рядом с тобой? Когда-то вы были вместе, а теперь ты осталась беззащитной вдовой, — и это прискорбно. Но не печалься. Стань моей, и я позабочусь о тебе. Будь благоразумна, и я защищу и тебя и твоего сына. Я знаю, что не иду в сравнение с твоим покойным супругом, но я тоже могу быть твоим защитником.

Видя, что уговоры его ни к чему не приводят, он сказал ей более сурово:

— Не советую тебе так себя вести. Крики не помогут, тебе от меня все равно не уйти. Поэтому лучше прими мое предложение. Если все обойдется тихо, без шума, тебе же будет лучше. Иди ко мне, женщина! — Сказав так, он ударил рукой по кровати.

Положение Суварнамали было отчаянным, и она это понимала. Спасти ее теперь могла только ее собственная сообразительность. И она решила попробовать уговорить пирата.

— Вы очень добры, что предлагаете мне свое покровительство, — набравшись смелости, сказала она, — и я вам очень признательна за предложение, которое вы мне сделали. Но дайте мне время все обдумать. К чему спешить? Мы ведь еще в море. Прошу вас, подождите до ближайшего порта, тогда я уступаю вашим желаниям.

Такое решение пришлось Сурангу совсем не по вкусу.

— Я вижу, куда ты клонишь! — вскричал он. — Нечего мне ждать ближайшего порта. Я и так долго ждал такую женщину, как ты. Меня не так-то легко провести. Стоит тебе высадиться на берег, и ты убежишь. Ну, будешь вести себя разумно, сколько тебя нужно уговаривать?

Суварнамали сжалась от ужаса. Потом, взяв себя в руки и набравшись мужества, она отвечала пирату:

— Если вы не проявите ко мне сейчас сострадания, я не вынесу позора. Дайте мне немного подумать. Я хотела бы посоветоваться с сыном. Пожалуйста, пришлите мне сына. Я ему все объясню так, чтобы он понял и не возражал. Прошу вас, пожалуйста, подождите до вечера. Я ведь никуда не убегу. Идите и возвращайтесь к вечеру.

Хотя Суранг и вел жизнь, полную приключений, но опыта в обращении с женщинами у него не было. Он был так ослеплен красотой Суварнамали, что поверил ее словам и пошел ей на уступки. Он не хотел принуждать ее до такой степени, чтобы она причинила себе какой-нибудь вред.

— Хорошо, — сказал он, — если все дело в этом, я подожду до вечера. Но вначале докажи мне, что ты меня не обманываешь. Дай мне поцеловать твои прекрасные щечки и тем умерить свой пыл.

Суварнамали поняла, что напала на слабую струнку пирата, и решила сыграть на ней.

— Ненавистный ты человек! — вскричала она. — Чем нежнее я с тобой обращаюсь, тем чрезмернее становятся твои требования. Если ты действительно любишь меня и хочешь добиться моей благосклонности, ты сделаешь так, как я прошу. Сегодня вечером я стану твоей. А теперь оставь меня в покое. Чего ты сидишь здесь и надоедаешь мне?

Суранг, видя, что она всерьез рассердилась, криво улыбнулся и сказал:

— Не шуми. Я потерплю до вечера. Как только стемнеет, я приду к тебе.

И, сказав так, он с важным видом вышел из каюты.

Пират направился на свою половину и нашел там Син Самута: он лежал на койке, куда его уложили, и крепко спал. Суранг разбудил мальчика. Протрезвившись, Син Самут сказал Сурангу:

— Ну и противно же быть пьяным. Больше никогда не притронусь к вашей огненной воде.

И, оставив пирата, Син Самут пошел к «матери». Он застал ее лежащей на кровати, всю в слезах.

Увидев мальчика, Суварнамали очень обрадовалась. Сквозь слезы она рассказала ему о том, что произошло.

— Увы, видно, мне суждено умереть. Другим способом мне от него не избавиться, и поэтому я покончу с собой. А ты должен сделать попытку вернуться к отцу и сказать ему, что, хоть я и не смогла дать ему счастье в этой жизни, я надеюсь встретиться с ним в следующем существовании.

Син Самут был вне себя от гнева.

— Честолюбивый злодей! — вскричал он громким голосом. — Ворон, который зарится на благородного лебедя. Да я ему все кости переломаяю!

— Перестань! — сказала Суварнамали, удерживая его. — Ты сам не знаешь, что говоришь. Тебе не сладить со взрослым мужчиной. Да, кроме того, там сейчас все его люди. Где тебе их одолеть! Не горячись и все обдумай...

Но Син Самут не слушал ее. Он никого не боялся. Он знал, что может померяться силой с любым взрослым мужчиной: мать его, морская великанша, и отшельник с острова наделили мальчика сверхъестественной силой. И вот он пошел прямо к пирату Сурангу и бросил ему вызов.

— Ах ты, собака! — закричал он. — Ты оскорбил мою мать. Ты что думаешь, я тебя боюсь? Выходи на бой, я прикончу тебя, как москита.

С этими словами он кинулся на пирата и нанес ему такой сильный удар, что тот растянулся на палубе. Суранг тут же кликнул своих людей, и те прибежали, вооруженные палками и дубинками.

Син Самут схватил топор, стал размахивать им и быстро всех разогнал. Затем он вплотную подошел к Сурангу, снова повалил его на пол, наступил ему ногой на грудь и быстрым ударом топора отрубил голову. Прodelав это, он поднял труп Суранга и стал им устрашать тех, кто еще вздумал бы лезть к нему. Но пираты получили сполна, и у них отпала всякая охота лезть в драку. Все они стали просить прощения у мальчика, который зарубил их хозяина.

Син Самут стоял, гордо взирая на эту сцену. Затем обратился к пиратам:

— Люди! Если вы сдадитесь, я вас не трону. Я отрубил голову Сурангу потому, что он считал меня мальчишкой, который неспособен защитить свою мать.

Боцман Суранга, Ангура, вышел вперед и поклялся Син Самуту в том, что и он и вся остальная команда будут верно служить ему.

— Господин, пощадите нас, и мы будем выполнять любые ваши приказания и повсюду следовать за вами.

Таким образом Син Самут оказался хозяином пиратского судна со всей его командой. Он приказал держать курс к ближайшему берегу и с легким сердцем пошел к Суварнамали, чтобы рассказать ей о своей победе.

Часть пятая

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШРИ СУВАНЫ

До сих пор в нашей повести говорилось о приключениях Пра Апхай Мани и его сына Син Самута и ничего не было сказано о том, что случилось с братом Пра Апхай Мани, Шри Суваной, после того как морская великанша похитила нашего героя. Шри Сувана, оставшись на берегу моря вместе со своими друзьями брахманами и крепко уснув под звуки волшебной флейты, наконец проснулся и обнаружил, что брат исчез.

Огненный шар солнца опустился за горизонт, и на землю выпала нежная роса. Свежесть росы, шум прибоя и пронзительные крики птиц в лесу — все это пробудило Шри Сувану от глубокого сна. Он быстро осмотрелся, ища брата, но того нигде не было видно. Разбудив своих друзей брахманов, Шри Сувана спросил их:

— Куда девался мой брат? Ведь только сейчас он играл здесь на флейте. Берег весь открытый, и спрятавшись ему негде.

Брахманы не могли поверить, что Пра Апхай Мани сбежал, оставив брата одного. Они сразу заподозрили что-то неладное и стали осматривать берег. Вскоре они обнаружили огромных размеров следы; следы вели от моря к тому месту, где сидел Пра Апхай Мани, и уходили обратно в море.

— Следы не человеческие, — вскричал один из брахманов.

Это открытие всех страшно напугало и повергло в отчаяние.

— Какое-то морское чудовище похитило Пра Апхай Мани, — заметил второй брахман.

Шри Сувана с ним согласился. Он бросился ничком на песок и плакал до тех пор, пока не потерял сознания.

Брахманам стало жаль обоих братьев: и того, который исчез, и того, что лежал на земле без сознания. Они стали приводить Шри Сувану в чувство; когда он пришел в себя, он сел и стал оплакивать свою судьбу.

— О брат мой, ты оставил меня, и я тебя больше никогда не увижу, — причитал он. — Покинув наш цветущий город, мы делили с тобой и радость и горе, терпели вместе все трудности и лишения, пробираясь сквозь джунгли. Мы всегда с тобой были неразлучны, а теперь судьба нас вдруг разъединила. — И он лил горькие слезы и не слушал никаких слов утешения.

Брахманы тоже чуть не плакали. Но они старались, как могли, ободрить Шри Сувану. Один из них обратился к нему с такими словами:

— Наберись мужества, не дай горю целиком завладеть твоей душой. Рожденному в этом мире, суждено испытать и радость и горе. А что до брата твоего, то мы еще точно не знаем — жив он или мертв. Поэтому отправимся лучше на поиски. Мы избороздим моря, и, если брат твой не погиб, наверняка его встретим. Везде мы будем следовать за тобой и помогать тебе искать брата. Перестань лить слезы, не трать зря драгоценное время.

Шри Сувана слушал их с благодарностью, и постепенно мужество и сила вновь возвращались к нему. Наконец он сказал:

— Раз вы хотите меня сопровождать, значит доброта ваша ко мне безгранична. Но в каком направлении нам ехать, ведь морю нет ни конца, ни края?

Брахман по имени Санон сказал:

— Я немного изучал астрологию. Посмотрим, может, мне удастся тебе помочь. — И, сказав так, он поднял вверх пальцы и принялся высчитывать. А затем впал в транс. Придя в себя, он ответил Шри Суване так:

— Не беспокойся о брате. Его увлекла за собой женщина, и он находится в полной безопасности и вполне

счастлив. Пройдет время, и ты с ним снова встретишься. Не бойся, он невредим, хоть и живет на дне океана к юго-востоку отсюда. Давайте поспешим на его розыски.

Второй брахман, Мора, тут же применил свое искусство и в мгновение ока соорудил прочную лодку, на которой можно было пуститься в плавание. Четверо друзей сели в нее, и Мора взялся за руль. Лодка плавно заскользила по воде. Светила полная луна, и попутный ветер надувал паруса. Радостное волнение охватило Шри Сувану и троих его друзей от предвкушения ожидавших их приключений, хотя путешественники и не знали, чем они окончатся.

Так они проплавали много дней и ночей.

И вот судьба привела их к берегам Ромачакры. Как-то утром четверо путешественников увидели на горизонте землю. Приблизившись, они заметили на скале сторожевую башню и поняли, что здесь расположены какие-то важные укрепления. И не ошиблись, потому что вскоре показались очертания большого города. Они посоветовались между собой и решили посетить этот город.

Береговая охрана, увидев входящую в гавань лодку, забила в барабаны, предупреждая о ее появлении. Брахманы ослабили паруса, и лодку понесло ветром к набережной. А тем временем Шри Сувана оделся брахманом, чтоб не отличаться от своих друзей.

Посоветовавшись, друзья решили сжечь свою лодку, чтобы скрыть ее происхождение. И они ее подожгли. Дым, окутавший лодку, и паника среди береговой охраны, пытавшейся затушить огонь, помогли брахманам пробраться к берегу.

Объятая огнем лодка затонула в глубине гавани.

Капитан береговой охраны, увидев брахманов, проникся к ним симпатией. Он позвал их к себе и спросил, кто они и откуда прибыли. За всех отвечал Санон:

— Все мы братья и приехали из Камваси. Я самый старший, меня зовут Санон. Следующий — Вичира, а потом Мора. Младшего зовут Шри Сувана. Мы практиканты-медики и отправились в путешествие искать лечебные травы, растущие на островах. Неблагоприятный ветер сбил нас с пути, команду смыло за

борт, судно потерпело крушение, а нас на лодке прибило к берегу. Как называется ваш город?

— Город этот, — отвечал капитан, которому, видимо, понравились брахманы, — называется Ромачакра, и правит им Тау Тосавонг. — Тут капитан стал более откровенен. — У него есть красавица дочь, зовут ее Кэу Кесра, и в нее влюблены многие соседние короли. Особенно могучий король Тау Утен, он присылал уже послов просить ее руки, но получил отказ и теперь грозит вторгнуться в нашу страну. Вот почему мы, солдаты, стоим тут на страже. Должен вам сказать, что нам не миновать беды.

Брахманов эта новость ничуть не испугала. Они только попросили дать им возможность где-нибудь остановиться и разрешить осмотреть город. Капитан посмеялся над непритязательностью их просьбы и решил сам показать им город. Он повел их по улицам до самого королевского дворца.

За дворцом тянулся ряд жилых домов и магазинов. Улица была полна людей, спешащих на базар. На брахманов все оборачивались, и главным образом торговли; они зазывали их в магазины и лавки. Женщины бросали на брахманов восторженные взгляды, особенно на младшего. Знаки внимания, оказываемые молодым людям, сыграли на руку капитану: воспользовавшись минутным великодушием торговцев, он до отказа наполнил свои карманы бетелем и табаком. Что же касается брахманов, то они шли своим путем, не обращая на торговцев никакого внимания.

Но вот одна из дворцовых служанок, легкомысленная девица, посланная на базар за покупками, увидела младшего брахмана и с первого взгляда в него влюбилась. Бросив посреди улицы свои корзинки, она пустилась за ним вдогонку, чтобы предложить ему цветы. Но Шри Сувана даже не посмотрел в ее сторону, а прохожие смеялись и издевались над служанкой. Это ее злило, но она продолжала следовать по пятам за молодым брахманом.

Девушка так долго отсутствовала, что из дворца за ней послали вторую служанку, узнать, что стряслось с первой. Увидев разбросанные по улице корзинки,

вторая служанка заподозрила самое худшее, но вскоре встретила первую: та все еще строила глазки молодому брахману. Вторая служанка ущипнула девушку, схватила ее за волосы и потащила обратно во дворец.

Дрожа от страха, девушка предстала перед начальницей; та сразу принялась отчитывать служанку за то, что она не умеет вести себя на улице. Испуганная девушка начала плести явную чепуху. Красивый молодой брахман, заявила она, — это ее любовник, и она пустилась описывать все его качества и рассказывать о его намерениях. Старшая отругала ее и сообщила о ее поведении четырем служанкам принцессы. Служанки просто посмеялись над этим случаем и восприняли весь рассказ как шутку.

— Посмотрим, действительно ли он такой красавец, — сказали они. Затем, позвав слуг, они им приказали: — Пусть несколько человек пойдут с этой девушкой и приведут ее любовника во дворец.

Слуги послушались и вышли на улицу вместе с девушкой; она вскоре увидела своего брахмана и указала на него. Слуги немедленно окружили Шри Сувану.

— Так вот он твой любовник! На что это похоже, заигрывать с дворцовой прислугой? — набросились они на Шри Сувану. — Если не получишь за это трепку, считай, что дешево отделался. Нам приказано привести тебя во дворец. А ну, живее!

Подобная наглость привела капитана в ярость.

— Это мои друзья, и они вышли со мной погулять. Разве они заигрывали с дворцовой служанкой? Эта сплетница сама навязывалась к ним.

Но дворцовые слуги не желали ничего слушать.

— У этого молодца дурной нрав! — заявили они. — Видно, ему тоже захотелось получить трепку. — И тут они подхватили Шри Сувану и повели его во дворец. Трем брахманам и капитану не оставалось ничего иного, как последовать за ними.

Когда четыре служанки принцессы увидели Шри Сувану, они сразу поняли, что девушка наврала. Не может быть, подумали они, чтобы этот молодой брахман был любовником какой-то служанки. Нет, это наверняка

сын правителя какой-нибудь далекой страны. Каким образом он очутился в Ромачакре и с какой целью приехал, дивились они. Ведь он прямо под пару самой принцессе. И для того, чтобы задержать его подольше и разузнать о нем получше, служанки приказали временно поселить молодых брахманов у старого садовника в дворцовом парке и ждать новых распоряжений.

Брахманы охотно подчинились приказу служанок и сказали капитану:

— А вам пока лучше вернуться домой. Когда нас освободят, мы вас навестим.

Капитан скрепя сердце послушался брахманов.

— Не беспокойтесь, — сказал он им. — Я вас в беде не оставляю. Как только вернусь домой, сразу же пришлою вам что-нибудь поесть. — И с этими словами он удалился, ворча себе под нос: — Ну и бесстыдство! Обижать невинных людей! Пусть они только тронут моих юных друзей, я это так не оставляю, до самого короля дойду.

Слуги привели четырех брахманов к домику садовника, передали ему приказание, полученное от служанок, и оставили там брахманов на его попечение. Старый садовник и его жена заволновались.

— Что нам теперь делать? — причитали они. — Это люди молодые, а мы уже старые. Если им вздумается убежать, разве мы сможем им препятствовать?

Но брахманы их заверили:

— Не беспокойтесь, милые старички, мы не убежим. Нас несправедливо осудили за преступление, которого мы не совершали, поэтому мы останемся, чтобы оправдаться.

Старичков было не так-то легко убедить.

— Разве можно вам верить? Кто это предупреждает, когда хочет убежать?.. Идите-ка в дом, да сидите там.

Брахманы послушались, а садовник с женой расположились на веранде и стали за ними следить, на случай, если они предпримут попытку к бегству.

Шри Сувана сидел опечаленный, размышляя над всем случившимся.

— Мне стыдно, что они говорили обо мне такие

вещи, — сказал он, обращаясь к друзьям. — Что же вы молчали и не выручили меня?

Трое брахманов рассмеялись в ответ.

— Разве ты забыл, что сказал нам капитан о красивой принцессе? Возможно, сама судьба привела тебя сюда. Мы заметили, с каким интересом поглядывали на тебя служанки. Может, это просто хитрость с их стороны, чтобы свести вас с принцессой. Завтра, во всяком случае, мы все узнаем. А сейчас умерь свой гнев, если принцесса узнает, она обидится.

Шри Сувана, будучи застенчивым и в любовных делах несведущим, с жаром отверг подобное предположение.

— Пусть хоть сама богиня спустится на землю, мне все равно. Я хочу найти брата, а вовсе не встречаться с женщиной. Если вам нравятся эти служанки — на здоровье, а мне они не нужны!

Друзья хитро перемигнулись.

— Не зарекайся, — сказали они Шри Суване. — Стоит тебе увидеть настоящую красавицу, услышать ее голос и обнять ее, и тебе покажется, будто ты вознесся на небеса! — И брахманы стали снова подтрунивать над Шри Суваной, чем привели его в полное смущение. На его счастье старик садовник прикрикнул наконец на брахманов, велел им вести себя потише и ложиться спать.

В тот же вечер, помогая, как обычно, принцессе при ее вечернем туалете, четыре служанки не могли удержаться от того, чтобы не пошептаться между собой о брахманах.

Кэу Кесра, заметив тайнственные перешептывания служанок, зажглась любопытством и спросила их, о чем это они говорят. Ей приснился сон, поспешила ответить служанка по имени Прапхауади, будто во дворец прибыл красивый молодой брахман. Но обмануть принцессу было не так-то легко; она догадалась, о чем шептались служанки, и строго сказала:

— Меня вовсе не интересуют ваши разговоры о мужчинах. В жизни не допущу, чтобы в меня кто-нибудь влюбился. Пусть он будет снизу доверху золотой, мне он все равно не нужен.

В ту ночь Кэу Кесре действительно приснился сон, и она так расстроилась, что позвала своих служанок и все им рассказала. Снилось ей, будто огромная змея заползла к ней в постель и обвилась вокруг груди. Она спросила служанок, что такой сон означает. Служанки улыбнулись; они не хотели говорить ей, боясь, что она рассердится, но пусть она проверит по книге снов, что лежит около ее ложа, сказали они. Принцесса последовала их совету и с тревогой обнаружила, что сон этот означает брак по любви. Рассердившись, она бросила книгу на пол.

Шри Сувана сидел под деревом и вдруг услышал женские голоса. Он поднял голову и увидел перед собой Кэу Кесру. Сердце его так и застыло в груди, дыхание перехватило, а ноги и руки задрожали. Он глядел на нее и не мог прийти в себя от изумления, — словно сама богиня сошла на землю. Может быть, они уже встречались в предыдущем существовании? И Шри Сувана с первого взгляда безумно влюбился в принцессу. Он был ослеплен ее удивительной красотой, она казалась ему верхом совершенства, и он не мог глаз оторвать от чуждого зрелища.

Наружность молодого брахмана тоже произвела на принцессу неожиданно приятное впечатление. Взгляды их встретились, и словно теплая волна обдала принцессу с головы до пят. Она страстно полюбила брахмана с первого взгляда. Но девичья скромность заставила ее покраснеть и удалиться.

Кэу Кесра ушла, а у Шри Суваны внутри так все и горело. Он следил за ней, не отрывая глаз, как она поднималась в королевский шатер, раскинутый в парке, до тех пор, пока она не исчезла. Сердце его дрогнуло; как жаль, что эта случайная встреча не позволила ему к ней приблизиться. Зачарованно смотрел он на шатер, в котором скрылась принцесса.

Потеряв из виду красивого молодого брахмана, принцесса тоже опечалилась. Она побледнела, как луна, на которую вдруг нашло облако, не замечала окружающих, забыла о своих цветах и целиком предалась мыслям о прекрасном юноше, заронившем в ее сердце любовь.

Эту ночь оба они провели без сна.

На следующий день четыре служанки снова пришли в парк. Зная теперь, какие чувства питает Кэу Кесра к молодому брахману, они решили поподробнее о нем разведать. Но им удалось только узнать, что молодой человек поклялся до конца дней своих служить принцессе. В доказательство своей клятвы он написал в честь принцессы поэму и попросил служанок передать ее своей повелительнице. При этом он снял с пальца усыпанное бриллиантами кольцо и приложил его к поэме.

Служанки вернулись во дворец с письмом и кольцом от Шри Суваны, но не сразу отдали их принцессе.

Внезапно вспыхнувшая любовь сделала Кэу Кесру нервной и раздражительной: она обругала служанок за то, что они не собрали более точных сведений о предмете ее тайной страсти. Тогда, чтобы успокоить принцессу, служанки передали ей поэму и кольцо. При этом они сказали, что молодой брахман, видно, на самом деле переодетый принц, раз он способен делать такие дорогие подарки.

Кэу Кесра прочла поэму; как и следовало ожидать, несчастный влюбленный изливал в ней свою душу; если он не добьется взаимности, грозился в конце автор, то теперешнее его жилище станет его могилой. Принцесса сделала вид, будто это ее ничуть не тронуло, но никто этому не поверил. Кольцо она надела на палец.

— Прекрасная работа и рисунок, — сказала она, внимательно разглядывая кольцо. — Я куплю его у брахмана, пусть он назовет любую цену. А что касается его глупой поэмы, то он слишком самонадеян, и я отвечу ему должным образом.

Служанки промолчали. Принцесса может рассматривать это кольцо как подарок от них, сказали они. Если она согласится его принять, пусть даст им взамен свой шарф, которым она покрывала голову, когда прошлый раз ходила в парк.

Передавая шарф в руки старшей служанки, Кэу Кесра зарделась от смущения и заставила

служанку пообещать, что та никому этот шарф не отдаст.

В тот же вечер принцесса написала ответную поэму, положила ее в конверт и запечатала. Конверт вместе с шарфом служанки отнесли на следующее утро в парк. Получив такие подарки от своей богини, Сувана был вне себя от счастья. С сияющим видом он накинул шарф на плечи. Потом распечатал конверт и прочел поэму своим друзьям.

В поэме Кэу Кесра благодарила Шри Сувану за дружеские чувства и добрые намерения, но выражала удивление по поводу того, что он покинул королевство отца, где его окружали роскошь, богатство и женщины, и предпочел терпеть трудности долгого путешествия ради того, чтобы найти себе супругу. Она обрушилась на него за похвалы, которые он ей расточал. Допустим, что он ее сейчас любит, писала она, но это ненадолго, потому что, как гласит старая пословица, «слишком сладостное быстро приедается». А в конце поэмы принцесса откровенно призналась, что все его любовные излияния ни к чему не приведут. Если она ему по-настоящему дорога, пусть возвращается в свою страну и, согласно древним обычаям, присылает к ее королю отцу послов просить ее руки.

Получив такое обнадеживающее письмо от Кэу Кесры, Шри Сувана несказанно обрадовался. Пока он блаженствовал, строя планы на будущее, служанки в сопровождении брахманов удалились в дальний уголок парка. Там они разделились на пары. Прапха пошла с Морой, Убол — с Саном, Чонгкол — с Вичирой. И только бедняжка Шри Суда, которая потратила столько времени на свой туалет, осталась без кавалера; ей пришлось вернуться во дворец, глубоко затаив в своем сердце обиду на бессердечных, легкомысленных мужчин и некоторых хитрых и своенравных женщин, имена которых она может назвать и назовет.

Вскоре после этого на Ромачакру началось наступление войск грозного Тау Утена. К этому уже давно готовились. Однажды поутру около пяти тысяч судов, больших и маленьких, неожиданно появилось вблизи острова и на берег высадилось мощное войско. Бере-

говая охрана была захвачена врасплох и сдалась. В скором времени город был осажден.

Король Ромачакры страшно растерялся. Тысячи людей начали стекаться в город, ища защиты от неприятеля, а запасы продовольствия быстро истощались. Это беспокоило всех. Король знал, что город не выдержит долгой осады, хотя войска и орудия были сосредоточены внутри города. Много раз у него было искушение уступить Тау Утену свою дочь Кэу Кесру. Но, заботясь о чести и репутации своей страны, он не мог заставить себя отдаться на милость врагу.

Предводитель войска Тау Утена, воспользовавшись численным преимуществом, предъявил королю Ромачакры ультиматум. Он потребовал немедленной капитуляции и принятия всех условий Тау Утена. В противном случае он не даст никакой отсрочки и сравняет город с землей.

Получив такой ультиматум, король созвал совет своих военачальников и министров. Все они сошлись на том, что для спасения жителей города самый лучший выход — это принять ультиматум Тау Утена. Король, не склонный немедленно подчиниться этому решению, попросил у неприятеля три дня на размышления. Тау Утен неохотно удовлетворил его просьбу.

А тем временем Шри Сувана и его друзья брахманы, которые жили в парке, находящемся за городской стеной, оказались отрезанными от города. Они страшно волновались за судьбу Кэу Кесры и ее служанок. И вот они решили предложить свои услуги королю. Трудность состояла в том, чтобы проникнуть в осажденный город. Они выработали смелый план — подойти прямо к воротам города и уничтожить любого, кто помешает им войти.

Вооружившись палашами и дубинками, они направились к городским воротам. Неприятель был так поражен этим смелым маневром, что даже не подумал окликнуть их, пока они не приблизились к воротам. Тут четырех отважных чужестранцев окружили. Но Шри Сувана и его друзья смело напали на врага и обратили его в бегство. Каждый брахман убил одного неприятеля и взял голову побежденного, чтобы показать новым

противникам, какая участь их ждет. Но четверо друзей не встретили больше препятствий на своем пути, и стража поспешно раскрыла перед брахманами городские ворота, чтобы пропустить отважных воинов, так легко расправившихся с врагом.

Слава о доблести Шри Суваны и его трех друзей вскоре дошла до короля, и тот немедленно послал за ними. Они предстали перед королем. Король удивился, увидев их тщедушные тела и бледные лица, но энергичный и уверенный вид молодых брахманов ободрил его. Король спросил брахманов, не смогут ли они взять на себя защиту города и прогнать врага за пределы страны. Шри Сувана согласился, и король обещал ему, если дело увенчается успехом, сделать его своим сыном и наследником.

Шри Сувана изложил перед королем свой план. Прежде всего он потребовал, чтобы ему дали четырех хороших коней различной масти в полном боевом снаряжении. Затем он велел вручить предводителю войска Тау Утена послание, вызывающее его на единоборство с самым сильным воином Ромачакры. Если победит предводитель войска Тау Утена, пусть король Ромачакры отдает дочь свою Кэу Кесру в руки Тау Утена. Но, если победа будет на стороне воина Ромачакры, пусть войско Тау Утена немедленно уйдет туда, откуда пришло. Вызов этот, изложенный по всей форме, был вручен неприятелю и поединок назначен на следующий день.

Кэу Кесра находится в опасном возрасте, заявил Шри Сувана королю, поэтому необходимо совершить обряд, чтобы оградить ее от беды, которая может на нее в противном случае обрушиться. И он берется проделать все необходимые для такой церемонии приготовления.

Король поверил словам молодого чужеземца и решил ему подготовить все так, как тот считал нужным.

Шри Сувана приказал построить на дворцовой территории специальный павильон, поселить там его друзей брахманов и предоставить в их распоряжение отряд солдат. Одновременно он отдал приказ королевским слугам приготовиться к церемонии обряда.

Когда подошло время начинать церемонию, Шри Сувана и три его друга явились во дворец. Шри Суване было отведено почетное место в зале, и он стал с нетерпением ожидать появления принцессы.

Кэу Кесра понимала, что Шри Сувана идет на хитрость, горя желанием вновь с ней встретиться. Вначале она колебалась, пойти ли ей, но страх разгневать отца, а возможно, и желание предупредить Шри Сувану не рисковать жизнью в поединке с врагом побороли в ней девичью скромность, и в конце концов она вошла в зал в сопровождении свиты и заняла предназначенное ей место рядом со своим молодым поклонником. Шри Сувана был так рад, увидев ее рядом, что почти забыл свою роль в церемонии и чуть не прикоснулся к принцессе, но тут же взял себя в руки и приступил к положенному ритуалу. Однако, улучив момент, он что-то зашептал ей на ухо; присутствующие в зале приняли этот шепот за какие-то магические заклинания.

— Обожаемая моя, — сказал он ей, — поверни лицо свое ко мне и не грусти так. Я пришел сюда сказать тебе, что я предложил свои услуги королю, твоему отцу, из любви к тебе. Я устроил эту встречу, чтобы снова увидеть тебя. Скажи мне что-нибудь, прошу тебя.

Сердце Кэу Кесры готово было от радости выскочить из груди, но она призвала на помощь все свое самообладание и прошептала в ответ:

— Если вы хотите биться с врагом из любви, как вы говорите, ко мне, то я должна сказать, что доброта ваша необъятна, как сама земля. Если вы победите, я буду счастлива, но если вас постигнет поражение и смерть, я не проживу и одного дня.

Слова эти подействовали на Шри Сувану как чудесный бальзам.

— Несравненная, — прошептал он. — Я люблю тебя больше жизни и ради тебя выйду завтра на поле боя. Я уничтожу своего соперника и после этого приду и потребую твоей руки.

Но Кэу Кесра вовсе не была уверена в его победе. Шри Сувана выглядел таким тщедушным и хрупким, что едва ли мог выдержать смертельную схватку. Но его улыбка успокоила ее. Завтра он попросит ее

прийти вместе с королем на городскую стену, чтобы посмотреть, как он отпразднует победу над врагом.

На следующее утро Шри Сувана и его друзья приготовились к поединку. Они распростились с королем и под бой барабанов, звуки труб и приветственные крики солдат вышли из городских ворот. Шри Сувана посмотрел на городскую стену и увидел Кэу Кесру. Они обменялись взглядами, полными любви. Трое брахманов тоже увидели своих служанок, и в глазах их тоже засветилась любовь.

Когда воины Тау Утена слышали шум и увидели приближающихся к ним героев Ромачакры, они издали крики, разнесшиеся эхом повсюду. И немедленно четверо наиболее смелых и искусных военачальников выехали вперед, чтобы начать бой.

Шри Сувана, ничуть не испугавшись, пришпорил своего коня и вступил в бой с первым всадником. Противник нанес ему удар палахом, но юный принц искусно увернулся от удара и, размахнувшись дубинкой, ударил военачальника несколько раз по голове. Тот согнулся и упал с лошади. Трое брахманов, следуя примеру своего молодого вожака, ринулись в атаку, и каждый из них вызвал на бой одного из трех военачальников. Мораловким ударом снес голову своему противнику. Вичира всадил палах в тело врага. Санон, так же точно прицелившись, пронзил грудь своему противнику. Когда воины Тау Утена увидели, что все их военачальники пали, ряды их дрогнули и они пустились наутек.

Король Ромачакры, видя, что враг разбит, от радости громко рассмеялся. С души Кэу Кесры словно свалилась тяжесть, и лицо ее озарилось счастливой улыбкой. Воины и все население Ромачакры победными криками выражали свой восторг.

Шри Сувана и трое его друзей покинули поле боя, и король встретил их у городских ворот. Торжественным маршем вошли они в город, который благодаря им не попал в руки врага.

Король приказал, чтобы к услугам четырех юных героев было предоставлено все самое лучшее. И вот, когда они подошли к павильону, специально для них спешно сооруженному, там их ожидала вся знать коро-

левского двора, готовая исполнить любое их желание. Брахманы искупались, сделали массаж и надели роскошные одежды и украшения, извлеченные из королевского гардероба. Самые изысканные блюда и напитки были расставлены перед ними на столе. Единственное, чего не доставало Шри Суване и трем его друзьям и чего они больше всего желали, это присутствия обожаемой Кэу Кесры и ее очаровательных служанок. Но женщины должны были сопровождать короля от городской стены обратно во внутренние покои дворца.

Многое готов был отдать Шри Сувана, лишь бы снова увидеться с Кэу Кесрой. Наступил вечер, он выглянул в окно и увидел в небе луну и звезды.

— Ее прекрасное лицо столь же нежно, как эта луна, а глаза лучисты, как эти звезды, — прошептал он. — О, если бы она была здесь рядом со мной, если бы я мог ее приласкать. Любовь причиняет боль и доводит человека до отчаяния. Как мне увидеть ее? Высокая стена разделяет нас, и я не могу перелезть на ту сторону. — И Шри Сувана стал советоваться со своими друзьями.

Брахманы успокоили его. Нечего волноваться, сказали они, ведь принцесса явно расположена к нему, а когда осуществится его желание, — это лишь вопрос времени.

— Ты выиграл битву и очистил страну от неприятеля. Король обязан наградить тебя. Отказывайся от всего, что бы он тебе ни предложил, и требуй того, чего ты действительно желаешь. Король охотно удовлетворит твою просьбу.

Тем временем Кэу Кесра тоже думала о своем красивом брахмане и мечтала его увидеть. Она заснула с его именем на устах, проливая слезы любви.

На следующее утро она попросила служанок нарвать жасмина, который рос в вазах возле дворца. Они поставили букет в золотую чашу и принесли ей. Кэу Кесра принялась плести из веток жасмина венок. Венок этот, сделанный ее руками, они положили на золотой поднос, чтобы преподнести его Шри Суване. Служанки тоже сплели венки из разных цветов для своих брахманов. А поскольку Шри Суде некому было

дарить венок, ей дали поручение преподнести эти венки четырем героям, и те приняли их с великой радостью. С этого времени венки ежедневно отправлялись из дворца в павильон брахманов.

И вот пришел день, когда король должен был вручить награды военачальникам и простым воинам — защитникам города. Он занял место на троне в большом дворцовом зале, куда были приглашены министры и все знатные люди королевства. Шри Суване и трем брахманам тоже приказали явиться.

Король вручил щедрые подарки — серебро и богатые одежды — всем воинам. Дошла очередь и до четырех брахманов, которые поистине вырвали победу из рук врага. Король спросил своих советников:

— Какую награду дадим мы брахманам за ту великую услугу, которую они нам оказали?

Первый министр почтительно ответил:

— Согласно древним правилам и обычаям, монарх награждает своих победоносных военачальников золотыми орденами и высшими знаками отличия и назначает их правителями городов своего королевства. Поскольку четверо брахманов оказались великими воинами и обратили в бегство врага, ваше милосердное величество должно наградить их по заслугам и назначить правителями пограничных городов.

Королю понравился этот совет министра.

— Пусть будет так, — сказал он и приказал своим чиновникам безотлагательно рассмотреть это дело.

Между тем Шри Сувана вышел вперед и низко склонился перед троном. Спокойным и полным достоинства голосом он обратился к королю с такими словами:

— Я полностью отдаю себе отчет в том, что, назначая нас правителями городов, ваше милосердное величество оказывает нам великую честь. Но я позволю себе смиренно просить ваше милосердное величество разрешения отказаться от столь высокого поста. Причина, по которой я добивался служить вашему величеству, заключалась в том, что я очень нуждался в защите и искал в лице вашего величества отца родного. Поэтому я сочту себя щедро награжденным, если смогу остаться у ног вашего милосердного величества.

По хитрому ответу молодого человека король понял, что тот влюбился в его дочь. Король ответил ему не сразу, а сначала все тщательно взвесил. Если он отдаст свою дочь в жены этому чужеземцу неизвестного происхождения, он унижит свое королевское достоинство; если же он этого не сделает, он потеряет отважного воина. Поэтому король решил действовать более осмотрительно. И, повернувшись к Шри Суване, он сказал:

— Не бойся, я усыновлю и тебя и трех твоих друзей. Что бы вы ни пожелали, все будет к вашим услугам, кроме разве солнца да звезд.

Прошел месяц, а Шри Сувана так и не преуспел в своей любви. И вот он написал письмо Кэу Кесре; в печальных выражениях высказал он ей намерение покончить с собой, поскольку добиться ее руки оказалось для него невозможным.

Принцесса, которую любовь тоже довела до отчаяния, прочла это письмо и поверила, что Шри Сувана и в самом деле покончит с собой. Такой удар она вынести была не в силах и потеряла сознание.

Узнав о случившемся, родители поспешили в покои дочери. Они послали за придворными лекарями, но те ничего не смогли сделать, чтобы привести принцессу в чувство. Когда все уже начали терять надежду на то, что она очнется, кто-то вспомнил о молодом воине брахмане, однажды уже спасшем принцессу от неотвратимой беды. Его попросили прийти во внутренние покои дворца, и он немедленно явился.

Шри Сувана подошел к ложу Кэу Кесры и попросил подать ему душистую воду. Ему поднесли воду в золотой чаше.

Призвав на помощь все тайные силы вселенной, он окропил водой безжизненное тело принцессы. И вот каким-то чудом, во всяком случае так показалось всем присутствующим, Кэу Кесра зашевелилась и открыла глаза. Когда она увидела стоящего подле нее Шри Сувану, щеки ее снова зарозовели и состояние сразу улучшилось. Король, королева и весь двор были вне себя

от радости и восхищались исцелительной силой, которой владел Шри Сувана.

После этого ему было позволено остаться во внутренних покоях дворца до тех пор, пока здоровье принцессы полностью не восстановится. У него был доступ к ней в любой час дня, а в некоторых случаях он считал необходимым оставаться с ней наедине допоздна. Прошло много дней, прежде чем Кэу Кесра окончательно выздоровела, и к тому времени молодая пара была связана прочными узами любви.

Учтя все обстоятельства, королю не оставалось ничего иного, как благосклонно уступить влюбленным. И он объявил о помолвке дочери своей Кэу Кесры и Шри Суваны. Назначили день свадьбы, и когда он наступил, то был отпразднован пышно и по всем правилам.

Народ Ромачакры радовался, что наследником престола стал Шри Сувана, отважный и красивый юноша; с течением времени старый король тоже крепко полюбил зятя. Следуя примеру своих предков, он в конце концов удалился на покой и предоставил Шри Суване вместе с Кэу Кесрой управлять государством.

Часть шестая

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Почти десять лет правил Шри Сувана королевством Ромачакра и был уже отцом хорошенькой восьмилетней девочки по имени Арун Расми. И вот однажды ему приснился странный сон. Снилось ему, будто лесной пожар перекинулся в город, крыша его дворца запылала и он выбежал, чтобы потушить огонь, но пламя охватило и его. И вдруг появился его брат Пра Апхай Мани, погасил огонь и подарил ему драгоценный камень редкой красоты. Шри Сувана посоветовался с придворными астрологами, и они ему сказали, что стране его будет грозить опасность, но что брат придет ему на помощь и все в конце концов уладится.

Заподозрив, что его старый враг Тау Утен снова собирается против него в поход, Шри Сувана отдал приказ приготовиться к защите королевства. Трех своих отважных друзей брахманов он послал охранять отдаленные провинции: Мору — на восток, Вичиру — на север, а Санона — на запад. Не теряя времени, брахманы собрали войска и отправились на места вместе со своими любимыми женами-служанками.

Однако вражеское наступление началось совсем с другой стороны и самым непредвиденным образом.

Син Самут провел три месяца на пиратском судне, хозяином которого он стал; он избороздил моря в поисках отца Суварнамали и его придворных, потерпевших крушение вместе с ним, но поиски его оказались тщетными. И вот, когда запасы продовольствия на корабле начали подходить к концу, Син Самут решил держать курс к ближайшей земле. Боцман Ангура сказал ему, что

они находятся близко от страны под названием Ромачакра, природные богатства которой очень велики. И они решили заехать туда, с тем чтобы пополнить запасы продовольствия. Войдя в гавань, где десять лет назад причалил к набережной Шри Сувана, команда пиратского корабля села в шлюпки и направилась к берегу. Но береговой охране был дан наказ зорко следить за каждым подозрительным судном, входящим в гавань. Поэтому они, естественно, насторожились, увидев пиратский корабль и шлюпки, отделившиеся от него, и дали предупредительный залп, призывая незнакомое судно спустить паруса. Люди в шлюпках — десантный отряд под командованием опытного пирата по имени Хаскен — приняли этот залп за попытку оказать сопротивление и немедленно открыли по береговой охране огонь. После короткой и жаркой стычки береговая охрана была вынуждена прекратить огонь и пираты смогли приблизиться к берегу.

Комендантом форта был тот самый капитан, который помог Шри Суване и его друзьям, когда они приехали в Ромачакру. Шри Сувана, придя к власти, дал этому капитану высшее почетное звание и назначил на ответственный пост — комендантом форта.

Комендант отдыхал, слушая игру и пение своих наложниц, как вдруг с берега раздался выстрелы. Он стремительно вскочил и приказал готовить лодки, людей и оружие. Не теряя времени, он бросился наперерез врагу. Подойдя почти вплотную к вражеским шлюпкам, комендант открыл по ним огонь и сумел потопить одну или две из них.

Превосходящие силы врага заставили Хаскена предусмотрительно повернуть обратно к кораблю. Береговая охрана, ободренная этой видимостью победы, бросилась в погоню за врагом, но слишком поздно сообразила, что попала прямо под дула основных орудий неприятеля. Она была разбита наголову; лишь немногим удалось отступить к берегу.

После этого люди Син Самута без труда добрались до берега. На пути их стоял только старый форт, обнесенный толстой стеной. Пушки пиратского корабля вскоре проделали в нем брешь, и пиратам понадоби-

лось немного времени, чтобы штурмом взять форт. Те из защитников форта, которые остались в живых, были взяты в плен.

С тех пор как команду над пиратами взял Син Самут, он заставил их отказаться от разбойничьих походов, но тут они дали себе волю и, устремившись в ближайший город, стали грабить дома и насиловать женщин. Захватив огромное количество всякого добра и продовольствия, они вернулись с этой добычей на корабль.

В самый разгар битвы старому коменданту удалось бежать. Он сел в лодку и, гребя изо всех сил, поплыл к столице. Прибыв туда, он обратился к придворным короля, чтобы они передали новость Шри Суване. Когда это сообщение достигло ушей короля, оно превратилось в целый доклад о том, что в страну вторглась огромная армия неприятеля, которая высадилась на берег и угрожает столице.

Шри Сувана собрал своих министров на совет. Сообщение коменданта форта их сильно встревожило. Шри Сувана не мог добиться у него, кто же так насильственно вторгся в королевство — Тау Утен или кто другой, — но так или иначе он решил ответить на удар ударом и приказал привести свое войско в боевую готовность.

На следующий день рано поутру Шри Сувана сам выехал из города во главе своего войска и направился к берегу моря.

Достигнув открытой равнины, расположенной примерно в миле от старого форта, откуда виден был лагерь неприятеля, он приказал людям спешиться и окопаться.

Син Самут, который в это время стоял на наблюдательной вышке форта, увидев на горизонте войско Ромачакры, движущееся в полном боевом порядке, с развевающимися красными и зелеными знаменами, пришел в восторг. Он спросил у Ангуры, как следует действовать в такой обстановке.

Старый пират посоветовал ему засесть в форте и ждать, не предпримет ли численно превосходящий их неприятель, войско которого возглавляет, по всей видимости, какое-то важное лицо, атаку первым.

Но Син Самуту такая выжидательная тактика пришлась не по душе. Он разделил свое небольшое войско на два отряда и, оставив один отряд Ангуре, приказал ему удерживать форт, а сам в это время с остальными людьми решил пойти в лобовую атаку на врага. Приняв такое решение, он сел на коня, захваченного в битве накануне, и, издав боевой клич, бросился со своим небольшим отрядом в атаку.

Воины Ромачакры, застигнутые врасплох этим смелым и неожиданным действием врага, расступились перед его натиском, и Син Самут смог беспрепятственно проехать сквозь их ряды; тут он лицом к лицу столкнулся с Шри Суваной.

Син Самут резко остановил лошадь. Он намеревался вызвать главу неприятельского войска на поединок. Но, приблизившись к Шри Суване, был поражен сходством этого человека со своим отцом. Мысли об отце нахлынули на него, привели его в замешательство и поколебали решимость. Шри Сувана первым пришел в себя, прищипорил коня и ринулся на врага. Он нанес палашом удар прямо в грудь Син Самуту, и тот упал с лошади.

Это явилось сигналом для войска Шри Суваны начать атаку. Малочисленный отряд Син Самута в одно мгновение был рассеян, а форт окружен. Но Ангурса — человек отважный — решил защищать форт до конца.

Наступил вечер, а люди под командой Ангурса все еще стойко держались, и врагу не удалось овладеть фортом.

Шри Сувана решил на ночь прекратить атаку.

Ангурса, засев в крепости, держал со своими людьми совет. Было решено до утра удерживать форт в надежде, что Син Самут придет в себя и сможет им помочь. Если же до рассвета он не явится, придется с боем пробиваться к кораблю.

А в это время Син Самут, которого, сочтя за мертвого, бросили на поле боя, все еще лежал на земле без сознания. Выпавшая роса освежила и привела его в чувство. Он открыл глаза и осторожно осмотрелся вокруг. Перед ним был форт, окруженный неприятельским войском. Гнев закипел в нем. Он еще докажет

врагу, что его — сына героя и морской великанши — не так-то легко одолеть. Вскочив на ноги, он подбежал к ближайшей группе людей, одних сшиб с ног, других обратил в бегство. Тут он закричал:

— Эй, вы там! Где ваш военачальник? Выходи на бой!

Но так как никто, по-видимому, не изъявил желания принять вызов Син Самута, он беспрепятственно подошел к форту и кликнул Ангуру. Обрадовавшись, что хозяин его вернулся живой и невредимый, Ангура поспешно распахнул перед ним ворота форта. На рассвете, заявил Син Самут, он предпримет еще одну атаку, поэтому надо подготовить оставшихся людей к бою.

На следующее утро Син Самут умылся душистой водой и облачился в богатые одежды. Затем он помолился богам, прося их сделать его неуязвимым. И, как только рассвело, встал во главе своего малочисленного отряда и выехал вперед, чтобы бросить вызов врагу.

Тем временем войско Шри Суваны все еще не пришло в себя от ужаса, который нагнал на него удивительный налет безоружного мальчика; но сам Шри Сувана чувствовал себя вполне спокойно и уверенно.

— Я думал, что убил вчера этого мальчишку, — сказал он своим соратникам, — а он осмелился снова пойти в атаку. Уж теперь-то я позабочусь, чтобы он этого не повторил. — И с этими словами Шри Сувана надел свои доспехи, сел на коня и поехал навстречу Син Самуту.

Враги встретились лицом к лицу. Тут дядя спросил племянника:

— Кто ты такой, мальчик? Почему ты напал на мой город? Ты еще слишком молод. Ищешь здесь свою смерть, что ли?

Син Самут храбро отвечал:

— Я не пират и не разбойник. Меня зовут Син Самут, и я сын Пра Апхай Мани, потомка королей. Я путешествую по морям. Ваши люди первые без всякого основания напали на меня и заставили нас вступить с ними в бой. А теперь ваша очередь сказать, кто вы такой. Вы, видно, знатный человек в этом королевстве? Если хотите остаться в живых, признавайте себя побежденными, и мы мирно уйдем отсюда.

Шри Сувана помедлил с ответом. Глубокая задумчивость нашла на него. Мальчик сказал, что отца его зовут Пра Апхай Мани. Может, это сын моего давно пропавшего брата, подумал он. Шри Сувана посмотрел на Син Самута и действительно заметил в нем сходство с братом. Но волосы у мальчика вились, словно у чертенка, а глаза были такие красные, каких у людей не бывает. И тогда Шри Сувана спросил его:

— Где твой отец? Ты приехал вместе с ним? Отвечай лучше, не ищи боя, не то тебе конец. Я король Ромачакры и опытный воин. Я вовсе не хочу лишать тебя жизни, да еще в таком нежном возрасте. Иди и попроси отца прийти ко мне; мы с ним разберемся в чем дело.

Син Самут презрительно засмеялся.

— Так ты, оказывается, опытный воин! Тогда докажи, что это не хвастовство. При чем тут мой отец? Наши дела мы должны решить сами. Я вызываю тебя на поединок.

Бросив вызов, Син Самут прищипорил своего коня и, взмахнув палахом, бросился на Шри Сувану. Король искусно отпарировал направленный на него удар и быстро уклонился в сторону. Син Самут, уверенный в своей ловкости, последовал за ним. Но Шри Сувана неожиданно повернулся и нанес своему племяннику пять или шесть сильных ударов алебардой, так что звон от ударов эхом разнесся по долине. Однако мальчик противостоял ударам своего дяди и остался невредим, а потом вырвал из рук короля алебарду и начал сам наносить ему удар за ударом, пока не выбил его из седла.

Тут подбежали несколько человек из отряда Син Самута и схватили потерпевшего поражение правителя Ромачакры. Остальные пираты с победными криками атаковали королевское войско.

Оказавшись свидетелями поражения и пленения своего короля, воины Ромачакры были совсем не расположены оставаться на поле боя и отвоевывать победу; они кинулись врассыпную, побросав оружие и множество всякого снаряжения. Пираты поспешили все это подобрать.

Во главе своего отряда Син Самут с победой вернулся в форт. Там, усевшись на почетное место, в окружении своих веселых пиратов, сын Пра Апхай Мани приказал привести к себе пленного короля.

Шри Сувана стоял перед мальчиком, который оказался его победителем, с выражением спокойного достоинства на лице. Но тут он случайно заметил на пальце Син Самута кольцо, которое сразу узнал: это было кольцо его брата. При мысли о Пра Апхай Мани на глазах его выступили слезы.

Син Самут стал насмехаться над ним.

— Что я вижу? Король в слезах? Вспомнили свой дворец и королеву? Зачем же вы тогда приняли мой вызов, если трусите перед лицом смерти?

Шри Сувана весь залился краской гнева.

— Не оскорбляй меня, мальчишка!— вскричал он. — Я вовсе не боюсь смерти. Я мужчина и с радостью умру, как подобает воину, защищая свою честь и имя. Если хочешь, убей меня сразу, я не прошу о помиловании. Плачу я по другой причине. На твоём пальце я увидел кольцо. Оно принадлежит брату моему Пра Апхай Мани, с которым я жил в разлуке все эти долгие годы. Ты спрашиваешь, как меня зовут. Меня зовут Шри Сувана.

Син Самут обомлел от неожиданности. Отец давно рассказывал ему, что где-то на свете у него есть брат по имени Шри Сувана. Но, не желая показаться слишком доверчивым, мальчик спросил царственного пленника:

— Если вы в самом деле брат моего отца, то должны знать, из какой страны он родом и в чем состоит его особый талант. Если вы сможете правильно ответить на эти вопросы, я признаю вас своим дядей.

— У моего брата была волшебная флейта, — отвечал Шри Сувана. — И, когда он играл на ней, все живые существа вокруг впадали в транс и крепко засыпали. — И затем он рассказал Син Самуту, как они жили с братом, пока не расстались, и как сам он завоевал трон в этом королевстве.

Син Самут наконец убедился, что перед ним и впрямь его родной дядя. Он упал на колени и со

слезами на глазах стал просить у Шри Суваны прощения. Когда тот его простил, он поведал дяде историю своей жизни и печальные обстоятельства разлуки с отцом.

Шри Сувана обнял племянника.

— Подумать только, ведь мы чуть не убили друг друга. Давай покончим с враждой. Пойдем вместе в город, и я познакомлю тебя с твоей тетей. Я отдам приказ, чтобы твоих людей снабдили провизией и всем необходимым. После того, как мы отдохнем здесь несколько дней, мы вместе отправимся на поиски твоего отца.

На корабле осталась его мать, сказал Син Самут, и она с нетерпением ждет о нем известий. Шри Сувана тут же выразил желание сопровождать своего племянника на корабль, чтобы пригласить ее погостить в городе. Син Самут приказал Ангуре приготовить одну из шлюпок, и дядя вместе с племянником отправились за возлюбленной Пра Апхай Мани.

А тем временем в Ромачакре царила настоящая паника. Остатки разбитого и бежавшего войска добрались до города и принесли с собой весть, что король потерпел поражение. Во дворце, где Кэу Кесра и ее престарелый отец с нетерпением ждали новостей, вскоре стало известно, что Шри Сувана захвачен в плен и заточен в занятую врагом крепость, а войско его наголову разбито. И поскольку не было больше организованного сопротивления врагу, предполагали, что враг этим воспользуется, введет свое войско в город и займет его. Кэу Кесре и старому королю посоветовали спастись бегством, пока не поздно.

Старый король сильно расстроился. Возраст не позволял ему бросить вызов врагу. Зять его, Шри Сувана, был сильнейший воин, которым когда-либо славилась Ромачакра; уж если он потерпел поражение, значит не на кого больше надеяться.

Представляя себе супруга в руках беспощадного врага, Кэу Кесра оплакивала свою судьбу. Точных сведений о движении вражеского войска больше не поступало, и Кэу Кесра стала рисовать себе самые страшные картины и готовилась принять смерть вслед за мужем.

Престарелая мать ее в горе и отчаянии била себя в грудь.

В этот день никто не ходил по улицам Ромачакры. Но к вечеру по городу прошли слухи, что целая флотилия вражеских лодок плывет вверх по реке. Город охватила паника; по улицам бегали люди с вытаращенными от ужаса глазами. Даже калеки, глухие и слепые — и те старались пробраться в более безопасные места. Многие искали спасения в больших бассейнах, наполненных водой, надеясь, что там их не обнаружат. А некоторые прятались под кровати или в другие места, представлявшие хоть малейшее подобие укрытия. Вскоре все слышали бой барабанов, — это лодки врага приближались к городу. Когда цепь лодок подошла к самой пристани, с них раздались ликующие крики. На жителей Ромачакры никогда еще не обрушивалось такое несчастье.

Старый король понял, что положение безнадежно и единственный выход — это сдаться на милость победителя и попытаться добиться от врага наиболее приемлемых условий капитуляции. И он выслал вперед делегацию вельмож встречать вражеского военачальника.

Когда лодка, на которой находился Син Самут, причалила к пристани, на сопровождающих ее лодках снова раздались победные крики. Вельможи, дрожа от страха, отвечивали земные поклоны. Из лодки вышли Суварнамали, Шри Сувана и Син Самут. И хотя последний был еще совсем мальчишкой, вид его поверг в ужас многих, бывших свидетелями его доблести. Кто эта прекрасная дама, они не знали. Но, когда появился Шри Сувана, целый и невредимый, с улыбкой на лице, все сразу успокоились. Вельможи подошли к нему и упали ему в ноги.

И тут Шри Сувана удивил и обрадовал их сверх всяких ожиданий рассказом о том, что юноша, который одержал над ним победу на поле боя, оказался не кем иным, как его племянником, сыном его давно пропавшего брата Пра Апхай Мани. А дама, объяснил он, это мать мальчика, то есть его собственная невестка.

Добрые вести быстро достигли дворца. И, когда Шри Сувана со своими гостями вошел в большую приемную залу дворца, старый король, королева, Кэу Кесра и ее дочь находились уже там и радостно их приветствовали.

Эта неожиданная встреча незнакомых друг с другом родственников доставила всем много радости, и рассказам не было конца.

Центром всеобщего внимания стал Син Самут. Все бросали на него восхищенные взоры и диву давались, откуда в этом мальчике столько мужества, ловкости и силы. Только на маленькую Арун Расми Син Самут не произвел ни малейшего впечатления. Когда ей велели поздороваться со своим новоявленным двоюродным братом, она поморщилась и надула губки.

— Значит, это ты мой двоюродный брат, и ты увел моего папу и заставил нас всех плакать? Разве можно поступать так с моим папой, тебя за это надо побить! — и, прежде чем кто-нибудь смог ее остановить, она подошла к Син Самуту и ущипнула его.

— Ой! — вскрикнул Син Самут. — Перестань меня щипать, дорогая сестра, и я тебе все объясню. Я ведь не знал, что это мой дядя. Теперь, когда все выяснилось, мы очень любим друг друга, и тебя я тоже люблю. Пожалуйста, прости меня, и я подарю тебе одну из кукол, которых у меня много на корабле.

Арун Расми перестала щипать своего двоюродного брата и тут же сменила гнев на милость. Все присутствующие в зале посмеялись над этой неожиданной стычкой, в которой Син Самут впервые в жизни оказался битым.

А тем временем старый король внимательно разглядывал Суварнамали и удивлялся. Наконец любопытство взяло в нем верх, и он спросил ее:

— Дитя мое, сколько тебе лет? Ты выглядишь совсем девочкой. Как могло случиться, что у тебя такой взрослый сын?

Суварнамали вся зарделась и не знала, что ей на это ответить. Ей не хотелось при всех признаться в том, что она до сих пор девственница. Говорить старому человеку неправду тоже нехорошо. Тогда она несколько

преувеличила свой возраст и тем удовлетворила любопытство старого короля.

Старый король предложил Суварнамали и Син Самуту погостить в Ромачакре, отдохнуть после их долгого, полного приключений путешествия. Но Суварнамали поблагодарила его и отказалась от приглашения. Им нужно снова отправляться бороздить моря в поисках Пра Апхай Мани, сказала она. Порешили на том, что гости все же пробудут в городе несколько дней.

И вот короткая, но счастливая встреча подошла к концу, и родственникам пришло время расставаться.

Шри Сувана решил отправиться со своим племянником на поиски брата; Арун Расми настояла на том, чтобы ее тоже взяли: она так полюбила своего брата Син Самуту, что не могла с ним разлучиться. Но Кэу Кесре пришлось остаться, чтобы присматривать за своими престарелыми родителями. Когда подошло время прощания, Шри Сувана, его племянник, дочь и Суварнамали сели на старый пиратский корабль. Кэу Кесра и ее родители провожали их со слезами на глазах. Трое смелых и преданных брахманов, которых призвали в город, чтобы охранять его в отсутствие Шри Суваны, явились тоже. Печальное расставание пришло к концу, корабль поднял паруса и медленно заскользил по волнам в открытое море.

Последний раз мы оставили Пра Апхай Мани на необитаемом гористом острове, куда в результате кораблекрушения выбросило его и его попутчиков и где морская великанша тщетно пыталась его преследовать и наконец умерла от разрыва сердца. Принц и его преданные друзья остались на этом острове — иного выхода у них не было, — кое-как перебиваясь скудными дарами земли: диким картофелем, кореньями и плодами дикорастущих растений, которые им изредка попадались. Но вот, увидев однажды утром на горизонте парусные суда, они вздохнули с великим облегчением. Время шло, суда приближались к острову; это была целая флотилия, принадлежавшая, по-видимому, какой-то важной особе.

По воле судьбы, это оказалась флотилия Услена, жениха Суварнамали. Узнав о том, что его невеста со своим отцом пропали где-то в море, он организовал экспедицию и избороздил моря, но поиски оказались тщетными — следов их он нигде не обнаружил.

Наконец корабли его подплыли к острову, где находился Пра Апхай Мани. Заметив издали высокую горную вершину, Услен решил, что, может быть, стоит высадиться на этом странном островке и поискать там свою возлюбленную Суварнамали. Когда корабль его подплыл поближе, Услен посмотрел в подозрную трубу и обнаружил на острове явные признаки человеческого жилья. Он приказал своей флотилии бросить якоря, а сам в это время переоделся и приготовился сойти на берег.

Тем временем Пра Апхай Мани и все его попутчики собрались на берегу и с волнением ждали своих посланных небом спасителей. Вскоре с главного судна спустили шлюпку, и она быстро поплыла к берегу. Из нее вышел Услен в богатом черном одеянии, которое выдавало в нем могущественного владыку с Запада.

Несмотря на оборванный вид Пра Апхай Мани, Услен сразу узнал в нем человека знатного происхождения и обратился к нему на языке уроженцев Запада. Пра Апхай Мани, который изучил этот язык, находясь на волшебном острове у старого отшельника, легко вступил с ним в разговор. Он объяснил Услену, как он, сын восточного монарха, и его попутчики, люди из разных стран, очутились на этом острове. Затем он поведал Услену, как Суварнамали со своим отцом и его сын пропали в море.

Услен уселся на скале и чуть не заплакал.

— Суварнамали! — вскричал он. — Видно, не суждено нам с тобой в этой жизни встретиться. Но вернуться к себе на родину без тебя я не могу, поэтому хочу последовать за тобой.

Тут Пра Апхай Мани понял, кто его новый знакомый. Однако он решил временно не обнаруживать своих чувств к Суварнамали: так будет разумнее.

Услен спросил его:

— А вы уверены, что ее поглотили волны, вы видели это своими глазами? Неужели нет никакой надежды?

— Трудно сказать, — ответил Пра Апхай Мани, — я находился на корме судна, а принцесса — посередине, да, кроме того, на корабле царила паника, и я не видел, что с ней случилось. Но почему бы вам не посоветоваться с астрологом?

— Это мудрый совет. Я захватил с собой одного, он всегда умеет вселять надежду. Я пошлю за ним на корабль.

Послали за астрологом. Ответ его был, как всегда, обнадеживающим:

— Принцесса находится в безопасности, господин. У нее есть верный защитник, и она сейчас на северо-востоке. Плывите в том направлении, и вы наверняка ее встретите.

Услену сразу стало легче. Он сказал астрологу:

— Если ты ошибся — заплатишься за это головой, если сказал правильно — получишь щедрую награду.

Потом, повернувшись к Пра Апхай Мани, он сказал:

— Не будете ли вы так любезны сопровождать нас со своими людьми в плавании? Мы едем на поиски Суварнамали.

Пра Апхай Мани и его попутчики охотно согласились. И вот все они сели на корабль; якоря подняли, и флотилия вышла в открытое море.

Услен так гордился своим царственным гостем, что предложил ему самую лучшую, богато обставленную каюту.

В эту ночь Пра Апхай Мани открыл массивные иллюминаторы и посмотрел на спокойную морскую гладь, в которой отражались звезды и серп луны. Холодные капли росы на иллюминаторе купались в лунном свете, сверкая, словно бриллианты. Звон корабельного колокола эхом отозвался в душе Пра Апхай Мани. Он думал о своем сыне и о Суварнамали. Неужели они никогда больше не встретятся? А если и встретятся, как он сможет отвоевать ее у Услена, который оказался его спасителем? Но разве не ему, Пра Апхай Мани, отдала

Суварнамали свое сердце? Она подарила ему свой шарф, который и теперь повязан у него вокруг шеи; от него исходит тонкий, приятный аромат.

Рядом с ним, в другой каюте, Услен тоже любовался луной и звездами и тоже думал о Суварнамали.

Флотилия Услена тщательно обследовала все встречающиеся по пути острова и рифы. Сам Услен почти глаз не смыкал: он пристально разглядывал море в свою подзорную трубу в надежде обнаружить следы Суварнамали и ее спутников.

А Суварнамали тем временем благополучно плыла на корабле вместе с Син Самутом и Шри Суваной. Они в свою очередь разыскивали Пра Апхай Мани. Шри Сувана был очень обеспокоен судьбой брата и внимательно изучал горизонт во всех направлениях. Син Самут и Арун Расми, подружившись, беспечно резвились, ничуть не сомневаясь в том, что все в конце концов уладится и отец Син Самута найдется. Большую часть времени они проводили в обществе Суварнамали, которая учила их названиям звезд и созвездий.

Однажды корабли обеих сторон наконец встретились. Шри Сувана первым заметил растянувшуюся на горизонте флотилию Услена, направлявшуюся в их сторону. Он решил пойти им навстречу и узнать, кому эти корабли принадлежат.

Услен, увидев пиратское судно, стал внимательно его разглядывать. Он приказал спустить на воду шлюпку и послал несколько человек разузнать имя владельца корабля, осмелившегося преградить ему путь.

Посланцев Услена принял сам Син Самут. Когда они ему сказали, что господин их бороздит моря в поисках принцессы по имени Суварнамали, которая должна стать его супругой, Син Самут побагровел от гнева.

— Что! Эй вы, собаки из Ланки! — закричал он. — Знайте, что ваши безрассудные и дерзкие поиски напрасны. Король Палейка отдал принцессу моему отцу. Она находится здесь со мной на этом судне. Возвращайтесь к своему господину и скажите ему, что он ее никогда не получит. А если ему жизнь дорога, пусть

возвращается в Ланку и женится там на какой-нибудь другой красивой девушке. Скажите своему господину, что это советует ему Син Самут.

Посланцы Услена поплыли обратно докладывать об этом своему господину, а Син Самут с ликующим видом побежал к «матери». Он передал ей свой разговор с людьми Услена.

Суварнамали испугалась и ужасно смутилась. Вся зардевшись от стыда, она отругала Син Самута за то, что он связал ее имя с именем Пра Апхай Мани. К его хвастливому вызову она отнеслась тоже неодобрительно: ведь такой храбрый человек, как Услен, может его принять, и разгорится страшная битва.

— Он хочет забрать тебя и жениться на тебе, — заявил Син Самут. — Это разозлило меня, и я погорячился. Ладно, если хочешь, я скажу ему, что ты не выходила замуж за моего отца. Но его я не боюсь. Пусть только сунется, я его в порошок сотру.

Суварнамали похлопала мальчика по щеке.

— Какой же ты ревнивый мальчишка! Кто это сказал тебе, будто я хочу стать женой твоего отца? Я просто тебя усыновила. А может, я хочу выйти замуж за Услена?

Но Син Самут в ответ только рассмеялся.

А тем временем люди Услена вернулись на корабль и сейчас же доложили своему начальнику:

— Господин, владелец этого корабля еще совсем ребенок, ему не больше девяти лет, но характер у него прямо дьявольский. Он заявил, что его зовут Син Самут и что он сын принцессы Суварнамали, которая находится вместе с ним на борту корабля. Король Палейка, сказал он, отдал принцессу его отцу.

Услен был словно громом поражен. Злость в нем так и кипела; на лице его выступил пот, и он стер его платком.

— Ничтожный раб! — вскричал он. — Уж я позабочусь о том, чтобы он от меня не удрал. А отца его вы видели?

Люди ответили, что отца мальчика они не видели.

— Ничего. Кто бы он ни был, я захвачу его живьем, сдеру с него шкуру, а мясо засолю.

Затем Услен послал за Пра Апхай Мани спросить его совета. Он рассказал ему обо всем, что услышал от своих людей. Пра Апхай Мани сразу понял, что речь идет о его сыне, но не счел нужным пока сообщать об этом Услену.

Услен горел желанием начать бой. Но Пра Апхай Мани удалось уговорить его не поступать опрометчиво, обещая устроить так, чтобы непокорное судно сдалось без единого выстрела.

Получив согласие Услена, Пра Апхай Мани принес свою волшебную флейту и начал наигрывать заунывные мелодии. Звуки флейты сразу околдовали Услена и его команду, и постепенно все они погрузились в глубокий сон. Вскоре люди, находившиеся на кораблях флотилии принца Ланки, лежали плашмя на палубах, кроме Пра Апхай Мани и его попутчиков: они знали волшебное свойство флейты и вовремя заткнули уши.

Пираты на борту судна Син Самута, до которых ветерок донес усыпляющую мелодию, тоже не в силах были превозмочь сон. И только Син Самут, Суварнамали и Шри Сувана, которым звуки волшебной флейты были знакомы, продолжали бодрствовать. Они очень обрадовались: ведь играть на флейте мог один только Пра Апхай Мани.

Несмотря на возражения дяди, Син Самут решил немедленно отправиться к отцу. Он грациозно прыгнул в море и, верный сын своей матери, морской великанши, храбро и уверенно поплыл по направлению к кораблю Услена. Он легко взобрался на палубу. Повсюду лежали распростертые тела уснувших людей; перешагнув через них, он пошел на звуки флейты и увидел отца. Син Самут бросился перед ним на колени и обнял его.

При виде сына Пра Апхай Мани пришел в такой восторг, словно тот восстал из мертвых. Он опустил флейту и, плача от радости, обнял Син Самута. Даже его попутчиков, среди которых было много суровых моряков, растрогала эта сцена встречи отца с сыном.

А в это время Услен стряхнул с себя чары волшебной флейты. Он проснулся как раз в тот самый момент,

когда отец и сын обменивались рассказами о своих приключениях и обо всем пережитом. Услен спросил, кто этот мальчик.

— Это мой сын Син Самут, — сказал ему Пра Апхай Мани. — Хватит враждовать. Давайте, принц, поедem к нему на корабль. Там вы встретите принцессу Суварнамали.

Все трое сели в шлюпку и направились к пиратскому судну.

Шри Сувана уже ждал их. И вот состоялась счастливая встреча обоих братьев, многие годы ничего не знавших друг о друге. Но Суварнамали нигде не было. Увидев приближающихся двух своих поклонников, она спряталась в каюте.

Услену не терпелось поскорее встретиться со своей невестой.

— Пожалуйста, скажи мне, — обратился он к Шри Суване, — где каюта принцессы? Я бы хотел повидать ее и сказать, что мои корабли готовы сопровождать ее на родину.

При этих словах Син Самут рассердился и с ребяческим пылом воскликнул:

— Я никому не позволю увозить мою мать!

— Дорогой мой мальчик, не волнуйся, — попытался успокоить его Пра Апхай Мани. — Принц Услен — мой добрый друг. Он помог твоему отцу в беде. Если бы не он, нашей с тобой встрече не бывать. Иди и скажи своей матери. Она сама решит, как ей поступить.

Син Самут не знал, что на это ответить, заплакал и побежал в каюту Суварнамали. Принцесса обняла его и спросила, в чем дело.

— Может, этот человек, что приехал с твоим отцом, тебе что-нибудь сказал?

— Да, он во всем виноват, — ответил Син Самут, по-детски всхлипывая. Затем серьезно спросил: — Скажи мне честно, неужели ты на самом деле любишь этого человека, этого принца Ланки? Он говорит, что хочет забрать тебя и на тебе жениться. Неужели ты вправду хочешь покинуть меня?

— А ты хочешь, чтобы твоя мать уехала? — желая его поддразнить, спросила Суварнамали. — Ты, видно,

его боишься, мой маленький плакса? А что говорит твой отец?

— Я никого не боюсь,— возмутился Син Самут. — Но мне не нравится, что отец считает этого Услена своим другом и хочет тебя отдать ему. Он предоставил тебе самой решать, как поступить. Мама, ты должна проявить твердость и отказаться ехать в Ланку. Я не позволю тебе уехать. Я вызову его на бой и убью.

На глазах Суварнамали показались слезы. Ее тайная страсть, все жертвы, которые она во имя ее приносила, оказались напрасными. Пра Апхай Мани назвал ее когда-то своей, а теперь хочет бросить ее, желая удружить какому-то первому встречному. Стыд за то, что ее так легко обманули и предали, овладел ею и ранил ее гордое сердце. И она решила, что единственный выход для нее — искать утешение в смерти.

— Судьба зла ко мне, мой мальчик, — рыдала она. — Видно, суждено мне быть посмешищем. Все будут считать, будто я слишком много о себе думаю. Каким легкомысленным и жестоким оказался твой отец! Как жаль, что я дарила ему когда-то на память о себе подарок.

И тут Суварнамали сняла с пальца кольцо, которое прислал ей Пра Апхай Мани, и надела его на палец Син Самута.

— Верни обратно тому, кто передал для меня это кольцо, скажи, что мне оно больше не нужно. — И, сказав так, она схватила кинжал, лежавший возле ее кровати, и обнажила его, чтобы пронзить себе грудь.

Движением быстрым, как молния, Син Самут выхватил из ее рук кинжал и выкинул в море.

— Ты не должна этого делать, мама. Даже если ты сердись на отца и не можешь его простить, подумай обо мне.

Суварнамали крепко прижала мальчика к груди и заплакала.

— Я знаю, что ты любишь меня, мой мальчик, и я это всегда буду помнить, — сказала она. — Но теперь все мои надежды рухнули. Я сгораю от стыда и не могу больше смотреть людям в глаза. Какой позор принадлежать одновременно двум мужчинам. Ведь я сама

когда-то публично объявила Пра Апхай Мани своим мужем. Куда мне деваться от стыда?

Син Самут пытался ее успокоить. Он снова надел ей на палец кольцо и обещал, что все уладит. А затем, попросившись и выйдя из каюты, поманил Арун Расми и шепнул ей на ухо, чтобы она побыла с тетей до тех пор, пока он не вернется.

Син Самут поднялся на палубу, где его с нетерпением ожидал Услен, и коротко сказал ему:

— Моя мать не хочет выходить из каюты. Она говорит, что вообще вас не знает.

Услен начал терять терпение.

— Ты хочешь сказать, что не позволишь ей выйти ко мне? Брось со мной шутки шутить. Ничего не выйдет. Твой отец прекрасно знает, что Суварнамали должна принадлежать мне, — такова была воля ее родителей. Я избородил все моря, чтобы найти ее. А теперь я привез тебе отца, и ты должен передать мне эту даму.

Син Самут был непреклонен и твердо стоял на своем.

— Разве я просил тебя привозить мне отца? — спросил он. — Я бы нашел его и без твоей помощи. А теперь отправляйся домой и подыщи там себе какую-нибудь красавицу в жены. Мать мою ты не получишь, можешь даже не надеяться. Я еще мал, но сумею позаботиться о том, чтобы она осталась со мной. Иди! Ты мне надоел!

Услен еле владел собой.

— Мальчишка! Что ты болтаешь! Мы с твоим отцом так решили. Отделаться тебе от меня не удастся. — И повернувшись к Пра Апхай Мани, Услен спросил: — Ну, что вы на это скажете?

Пра Апхай Мани оказался между двух огней — между сыном и своим спасителем. И он дипломатично ответил:

— Если вы захотите забрать принцессу, я лично не возражаю. Но мальчик любит ее и не захочет с ней расстаться.

Шри Сувана понял, что наступил момент вступить за своего племянника.

— Принцесса не выражает желания ехать с вами, — сказал он Услену. — Как же вы можете заставить ее? Терпение Услена окончательно иссякло.

— Пока я прошу вас по-мирному. Но вы не желаете меня слушать. Прекрасно, я тоже воин, и под моей командой находятся храбрые воины. Хотите сражаться — я к вашим услугам. С этого момента мы враги. — И, сказав так, он покинул их и поспешно вернулся на свой корабль.

Созвав своих командиров, он приказал им быть в боевой готовности. Флотилии их предстоит окружить судно Син Самута и напасть на него одновременно со всех сторон. Завладев судном, они должны будут схватить и связать Син Самута. А что касается принцессы, то ее следует доставить к нему целой и невредимой.

Несколько командиров стали тут же выполнять приказание. И вскоре Пра Апхай Мани и Шри Сувана обнаружили, что корабль их со всех сторон окружен судами флотилии Услена. Они посоветовались с Син Самутом, как действовать в создавшейся ситуации. Тот ничуть не растерялся. Он призвал к себе Ангуру и отдал ему приказ готовиться к бою. Бывшие пираты заняли свои места у орудий, и корабль на виду у неприятеля поднял паруса.

Пра Апхай Мани заявил сыну, что, поскольку он обязан Услену жизнью, сам он не сможет принять участия в битве, а останется на борту в качестве нейтрального наблюдателя. Син Самут пошел сообщить об этом «матери». Суварнамали страшно рассердилась на Пра Апхай Мани за то, что он не хочет помочь собственному сыну, и сказала Син Самуту, что в таком случае она сама поможет ему. Несмотря на его протесты, она переделалась в мужское платье. Когда Суварнамали вышла вместе с мальчиком на палубу, никто из команды ее не узнал.

Корабли Услена приближались. Подойдя на расстояние выстрела, они спустили паруса и дали несколько бортовых залпов. Команда Ангуры ответила им из всех пушек, и некоторое время длился перекрестный огонь.

Суварнамали предложила бить поочередно по каждому из кораблей противника. Тактика эта оказалась успешной. Стреляя из всех пушек по каждому из вражеских кораблей, доблестный маленький пиратский корабль топил один за другим военные корабли противника. Наконец произошло столкновение с командным судном Услена. Смелым маневром корабль Син Самута подошел к нему вплотную, и бывшие пираты, привыкшие к такого рода стычкам, взяли вражеское судно на abordаж, захватив людей Услена врасплох: те готовились к длительной орудийной перепалке на расстоянии.

Син Самут перешел со своей командой на вражеское судно и сам лично обезоружил Услена. Его доставили на корабль Син Самута с крепко связанными за спиной руками. Увидев, что их принц попал в плен, команда корабля Услена тут же сдалась.

Но в положении пленника Услен оставался недолго. Пра Апхай Мани вместе с Шри Суваной уговорили Син Самута освободить его. Посоветовавшись с Суварнамали, Син Самут в конце концов согласился, сделав Услену предупреждение, чтобы тот не лез снова в драку.

Услен вернулся к себе на корабль, затаив еще большую злобу, чем прежде. Урок не пошел ему на пользу, и он во что бы то ни стало решил отомстить. Выпив три кубка вина, он начал хвастаться перед своими людьми, что уничтожит Син Самута. Он приказал им снова готовиться к бою.

В эту ночь корабль Услена незаметно подошел к судну Син Самута, которое спокойно плыло по назначенному курсу. Подойдя на близкое расстояние к кораблю противника, люди Услена выстрелили из катапульты горящим пропитанным маслом тряпьем. Огненные факелы попали в цель, и на пиратском судне тотчас вспыхнул пожар.

Но Син Самут, его отец и дядя не растерялись. Собрав всю команду на палубу, они принялись общими усилиями тушить пламя, и огонь не причинил особого ущерба.

А тем временем Ангура отобрал группу искусных стрелков, и они дали залп по атакующему кораблю. Пуля пронзила Услена, когда он подавал команду к новой атаке. Он упал, истекая кровью. Его помощник решил немедленно прекратить огонь и выйти из боя.

К рассвету корабль Услена скрылся из виду, на всех парусах держа курс в Палейк. Раненый Услен, напрягая последние силы, клялся отомстить своим врагам.

Часть седьмая

СОПЕРНИЧЕСТВО В ЛЮБВИ

После того как Пра Апхай Мани и Шри Сувана расправились с Усленом, они решили навестить своих престарелых родителей, которых не видели много лет. Об этом решении Син Самут сообщил Суварнамали, но та стала просить его заехать вначале в Палейк, где мать ее томилась в одиночестве и неизвестности. Суварнамали боялась, что Услен из чувства мести может излить свой гнев на ее беззащитный город. Син Самуту нетрудно было убедить отца и дядю изменить план, хотя Пра Апхай Мани в душе и подозревал, что Суварнамали просто хотелось от него избавиться.

И вот корабль Син Самута взял курс на Палейк, стремясь обогнать Услена и предупредить, таким образом, любую беду, которую он мог там учинить.

Давно уже Суварнамали не чувствовала себя такой счастливой. Наказав Син Самуту, чтобы он не допускал к ней отца, она позвала к себе девушек, которых взяла с собой из Ромачакры, и попросила их поиграть.

Пра Апхай Мани ходил взад вперед по каюте, работая вместе с братом план дальнейших действий, и вдруг услышал голоса девушек. Снова, сгорая от страсти, он стал думать о Суварнамали. Хотя теперь она в его руках и в конце концов наверняка ему достанется, думал он, но как найти к ней подход и снова завоевать ее любовь? Ему очень хотелось посоветоваться с братом, но он стыдился. Мучительно раздумывал он над стоящей перед ним проблемой, бросался ничком на кровать и сжимал руками виски.

Шри Сувана молча наблюдал за братом. Симптомы его болезни были ему знакомы. И он едва сдерживал улыбку. Ему хотелось помочь брату советом, но он боялся, что тот рассердится. Поэтому он оставил Пра Апхай Мани наедине с его мыслями и вышел на палубу.

Спустя немного Пра Апхай Мани поднялся и тоже вышел из каюты. Он решил отыскать Суварнамали и стал ходить взад вперед по палубе, но затем передумал, вернулся в свою каюту и, растянувшись на койке, за неимением лучшего, обнял подушку.

— О Суварнамали, — тяжело вздыхая, бормотал он, — если бы ты знала, как я тебя люблю. Почему ты бежишь от меня и презираешь меня? Неужели потому, что ты меня разлюбила? Если ты оттолкнешь меня и покинешь, как мне жить дальше?

Он захлебывался от рыданий, и сердце его разрывалось на части.

На следующее утро он написал Суварнамали письмо на куске пергамента. Когда сын пришел его навестить, он попросил его отнести письмо «матери» и в подходящий момент ей вручить.

Увидев послание, Суварнамали притворилась рассерженной.

— Я не читаю любовных писем! — возмущенно воскликнула она.

Син Самут, приняв самый невинный вид, взмолился:

— Прошу тебя, прочти его мне.

Суварнамали, не в силах сдержать улыбку, взяла письмо и зажала его в руке.

— Пожалуйста, мама, прочти его вслух, — сказал Син Самут.

Суварнамали сорвала печать и стала читать.

Послание было в стихах. С тех самых пор, писал Пра Апхай Мани, как он и его возлюбленная Суварнамали при кораблекрушении потеряли друг друга, он делал все возможное, чтобы разыскать ее и никогда ни на один миг не переставал о ней думать. Пусть он погибнет, и они никогда больше в этой жизни не встретятся, он все равно будет молиться о том, чтобы им соединиться на небесах. Но судьба оказалась к ним милостива, и вот они снова встретились. Почему же

теперь она не сжалится над ним? Неужели она забыла его настолько, что может пройти мимо него при встрече, словно он жестоко обидел ее и она не желает иметь с ним ничего общего. Ведь он никогда не обижал ее. Вместо того, чтобы узнать в чем дело, она предпочитает сердиться. Он просил у нее в письме прощения и умолял сменить гнев на милость. Никогда не приходила ему в голову мысль ее обмануть. Когда она сердится, сердце его разрывается на части и он не находит себе места. Он тоскует по ней днем и ночью. Он мечтает навестить ее, но боится ее разгневать. Если он в чем-нибудь ошибся, она должна ему прямо об этом сказать, ничего не утаивая. Так писал Пра Апхай Мани в своем письме.

Суварнамали притворилась рассерженной.

— Как глупо с его стороны писать такие вещи! — И, повернувшись к Син Самуту, сказала: — Нечего тебе передавать мне подобные письма. Стихи меня не трогают.

Син Самут взял у нее пергамент и прочел сам.

— Чего же тут сердиться? — сказал он. — Очень красивые стихи. На твоём месте, мама, я ответил бы ему тоже стихами.

— А я не хочу, я слишком ленива для этого, — сказала Суварнамали. — Не надоедай мне, не то я тебя накажу.

— Но ведь ты вскрыла письмо и прочла его, мама, — сказал Син Самут. — Не ответить просто невежливо.

— Хорошо, — согласилась Суварнамали, — чтобы меня не обвинили в невежливости, я отвечу.

И вот она написала письмо, запечатала его, и Син Самут вручил его отцу.

Обрадованный Пра Апхай Мани сорвал с конверта печать и прочел ответ Суварнамали, написанный стихами.

Аккуратным почерком принцесса свидетельствовала прежде всего свое почтение человеку, который проявил к ней столько доброты. Она заверяла его, что останется ему за это навсегда благодарной и будет верно служить ему до конца дней своих. Если она сделала ему что-нибудь плохое, пусть он накажет ее за это. Но

она предпочитает, чтобы он относился к ней, как к дочери. Она приняла решение никогда в этой жизни не выходить замуж. Слова, сказанные в прошлом, канули в вечность, и с этим покончено. Как бы настойчив он ни был, она никогда не сможет уступить и не уступит его желаниям. В конце письма она сделала приписку: «Я поклялась, что в этой жизни у меня не будет мужа. Единственная моя мечта — жить одной с моим усыновленным мальчиком. Я пишу это искренне и от всего сердца».

Прочитав столь торжественное заявление, Пра Апхай Мани вспыхнул к Суварнамали еще большей страстью.

— Итак, она хочет быть мне дочерью, — задумчиво проговорил он. — Как бы мне ей ответить, чтобы ее успокоить?

Он сел на кровать, еще раз внимательно перечитал ответ Суварнамали и решил послать ей второе письмо. Когда оно было готово, он призвал сына, вручил ему пакет и просил вернуться к вечеру. Снова Син Самут взял на себя роль посыльного и передал письмо отца своей «матери».

Второе послание было лаконичным и трогательным. Оно гласило:

«Обожаемая моя, почему ты мне не веришь? Я уже просил у тебя прощения, но ты меня не простила. Это вынуждает меня молить тебя о свидании, чтобы я сам мог все тебе объяснить. А если и тогда я не сумею тебя убедить, мне придется пойти на твои условия и поступить так, как ты захочешь».

Суварнамали прочла это письмо и про себя подумала: как хитро он толкует мои слова в свою пользу. Я просила его об одном, а он, вместо того чтобы согласиться со мной, просит у меня свидания и в то же время пользуется случаем, чтобы подразнить меня. Я боюсь подпускать его близко к себе, ведь я могу просто-напросто стать жертвой его хитрости.

И вот она написала вторичный ответ и приказала Син Самуту передать его Пра Апхай Мани и тут же вернуться. Син Самут очутился, таким образом, в затруднительном положении. И отец и Суварнамали хо-

телей, чтобы он одновременно находился возле каждого из них, и он не знал, кого слушаться.

Когда Син Самут отправился со своим новым поручением, Суварнамали повторила ему вслед:

— Не сиди там слишком долго, передай ему письмо и поскорее возвращайся.

Мальчик обернулся и спросил:

— Почему ты боишься его, мама? Отец никому не может причинить зла. Что ж тут плохого, если ты встретишься с отцом и поговоришь с ним?

— О, какой же ты надоедливый ребенок! — воскликнула Суварнамали. — Неужели ты не понимаешь, что отец твой такой же, как все вдовцы? Разве можно им доверять? Они только и ждут случая, чтобы овладеть беззащитной женщиной.

Син Самут засмеялся.

— Ты совсем не такая уж беззащитная, мама, а отец совсем не такой уж свирепый и сильный. Кроме того, он никогда не нападает на женщин. Пусыа Самут одним своим видом пугала его. Или, может, ты боишься иметь мужа?

Суварнамали шлепнула его.

— Я совсем не такая, как Пусыа Самут, и меня он не испугается, — сказала она. — Он просто попытается меня приласкать. Я хочу, чтобы ты был возле меня на случай, если он придет.

Син Самут пообещал сразу вернуться. Он направился к отцу, вручил ему письмо и хотел было уйти, но Пра Апхай Мани схватил его за руку.

— Куда это ты так спешишь? — спросил он сына.

Син Самут сказал ему, что Суварнамали просила его сразу же вернуться.

— Почему? — спросил Пра Апхай Мани. — Она боится духов или еще чего-нибудь?

— Нет, она ничего не боится, — ответил мальчик, — она просто не доверяет тебе, отец.

Пра Апхай Мани очень удивился и стал подробно расспрашивать сына о Суварнамали. Син Самут ответил на все интересующие его вопросы, но попросил не говорить «матери» о том, что он ему рассказал.

Пра Апхай Мани обнял его и уговорил побыть с ним еще немного. Затем он вскрыл письмо Суварнамали и прочел его.

В этом письме Суварнамали соглашалась встретиться с ним при условии, что встреча эта состоится на следующий день в присутствии Шри Суваны и всех остальных. Если он на это не согласен, она будет ожидать его каждый день и оказывать ему любые услуги, какие он только пожелает.

Пра Апхай Мани пришел в восторг от ее ума и находчивости. Но он решил поймать ее на слове и видаться с ней как можно чаще и дольше. Он не склонен был дожидаться следующего утра, а жаждал осуществить свое намерение в тот же вечер. Но сначала надо было куда-нибудь спровадить Син Самута. И вот, похлопав сына по спине, он сказал ему, что дядя Шри Сувана хочет его видеть.

Син Самут, ничего не подозревая, пошел прямо в ту часть корабля, где находилась каюта Шри Суваны. Арун Расми попыталась было завязать с ним разговор, но он извинился перед ней, сказав, что час уже поздний и ему нужно скорее вернуться к «матери» и охранять ее.

Шри Сувана насмешливо спросил его:

— Почему тебе нужно ее охранять? Разве кто-нибудь пытается ее похитить?

Син Самуту шутка понравилась.

— О нет, дядя, — с детским простодушием ответил он, — я просто боюсь, что отец вздумает пойти навестить мать, и мне нужно быть там и присмотреть, чтобы все было в порядке.

Шри Сувана усмехнулся про себя и сказал:

— Послушай-ка, племянник, зачем тебе нужно вмешиваться в отношения мужа и жены? Наоборот, ты не должен препятствовать их встречам, и тогда скоро у тебя появится хорошенький маленький братик, с которым ты сможешь играть.

Син Самут ответил:

— Я и не собираюсь вмешиваться в отношения мужа и жены. Но я боюсь, что они подерутся и выцарапают друг другу глаза. Мама ведь всегда стоит на

своим и никогда никому не уступает. Мне нужно быть рядом с ней и не допустить скандала.

Шри Сувана подивился наивности своего племянника. Из дальнейших расспросов он выяснил, что это сам Пра Апхай Мани послал к нему сына. И тогда он догадался, что Пра Апхай Мани надо было отделаться на время от мальчика, а самому пойти на свидание с Суварнамали. Шри Сувана засыпал тогда Син Самута вопросами и так увлек его разговором, что тот потерял счет времени и даже не слышал, как корабельные часы пробили шесть.

А тем временем Суварнамали поджидала Син Самута. Стало уже темнеть, а он все не возвращался. Она заподозрила, что Пра Апхай Мани схитрил и послал куда-нибудь мальчика, чтобы во время его отсутствия попытаться овладеть ею. Поэтому Суварнамали позвала своих девушек и приказала им постелить постель так, чтобы создать впечатление, будто она спит, задвинуть полог и сесть вокруг с музыкальными инструментами в руках. А сама надела самый эффектный мужской костюм, в который облачалась во время битвы, и вышла на палубу.

Вскоре, как и следовало ожидать, явился Пра Апхай Мани, разодетый и подтянутый. Он заглянул в каюту Суварнамали и увидел одних только девушек. На его вопрос, где же Суварнамали, они смиренно ответили, что она спит. Пра Апхай Мани подошел к ложу и отодвинул полог. Полумрак какты позволял различить лишь контуры кровати. Протянув руку, он очень нежно потрогал одеяло, но почувствовал лишь мягкую ткань. Под одеялом он не обнаружил ничего, кроме подушки. Пра Апхай Мани был очень огорчен и разочарован.

— Неужели меня, взрослого мужчину, провела женщина! — воскликнул он.

Он хотел было спросить девушек, куда же девалась Суварнамали, но те принялись усердно играть на своих инструментах. Они над ним просто насмеются, решил он, и в смущении покинул каюту Суварнамали. Он обыскал всю палубу, но ни одной женщины там не обнаружил.

А Суварнамали едва сдерживала смех. Один раз Пра Апхай Мани, проходя мимо, чуть не задел ее, но ему и в голову не пришло, что это она.

Наконец Пра Апхай Мани заглянул в каюту брата и крикнул Син Самуту:

— Твоя мать исчезла! Почему ты не ищешь ее?

Син Самут в испуге вскочил. Это он виноват, что так надолго оставил свою «мать» одну. Он бросился в каюту Суварнамали, а за ним вдогонку пустилась и Арун Расми, не желая пропускать столь волнующего события.

В каюте они нашли только девушек; те отказались им отвечать. Они обыскали всю каюту, но поиски их оказались тщетными.

— Дорогой братец, кто-то, наверное, украл мою тетю, — заметила Арун Расми.

— И я знаю, кто это, — мрачно сказал Син Самут. — Наверняка это сделал отец.

Оба побежали к каюте Пра Апхай Мани, но никаких следов Суварнамали там не было. Син Самут подошел к отцу и спросил его:

— Отец, куда ты спрятал маму? Пожалуйста, скажи мне.

— Я сам не знаю, где она, и ты ко мне не приставай.

Дети вернулись в каюту Суварнамали, перерыли все сверху донизу, но нигде ее не нашли. Арун Расми заплакала. Пра Апхай Мани пришел вслед за ними в каюту и взял шарф, лежащий на постели. От него все еще пахло духами. Он унес его с собой как память о возлюбленной.

Как только Пра Апхай Мани заперся в своей каюте, Суварнамали тут же вернулась к себе.

Син Самут не сразу узнал Суварнамали в мужском наряде, но, как только понял, что это она, кинулся к ней и крепко ее обнял.

— Я искал тебя по всему кораблю, прямо с ног сбился! — воскликнул он.

Суварнамали сбросила свой наряд и обняла обоих детей. Она уложила их к себе на кровать и тут обнаружила, что пропал ее шарф, который она оставила на постели. Син Самут сказал ей, что его унес с собой

отец. Суварнамали сразу догадалась, зачем он это сделал, и притворилась рассерженной.

— Видите дети, ему не удалось меня найти, и поэтому он украл мой шарф.

А Пра Апхай Мани лежал в это время на своей постели с шарфом на груди.

— Ну и женщина! — вздыхал он. — Как она меня одурачила! Однако шарф все-таки мой. — Нежный аромат духов успокоил его. — Куда это она делась в такой поздний час? — дивился он. — Ревность душит меня, когда я об этом подумаю. Но я не верю, что лебедь может плавать в грязной воде. — Всю ночь напролет, пока не взошло солнце, мучили его думы о Суварнамали.

Путешествие близилось к концу. Корабль благополучно прибыл в Палейк и бросил якорь. Когда жители города узнали, что их долго отсутствовавшая принцесса находится на борту корабля, они стали бурно выражать свою радость. Добрая весть вскоре достигла дворца, и мать Суварнамали, Монта, поспешила на пристань. Придворные дамы, думая, что вернулся сам король, напудрились и надели лучшие украшения в тайной надежде, что их заметят. Они сопровождали королеву на пристань.

А в это время на корабле Суварнамали вымылась, надела красивый наряд и велела Син Самуту и Арун Расми сделать то же самое. Затем они втроем поднялись на палубу, где Пра Апхай Мани и Шри Сувана уже заняли свои места. Дворцовые шпили, торчащие вдалеке, напомнили принцессе об отце, и она не могла сдерживать слез. Повернувшись к обоим братьям, она низко им поклонилась и стала прощаться.

— Я иду к своей матери, — сказала она. — Вскоре я вернусь, чтобы пригласить ваши высочества погостить на нашей земле. Оба вы заботились обо мне, как о родной дочери, и любезно сопровождали меня в этом долгом плаваньи, поэтому я прошу вас погостить у нас хотя бы месяц.

— Что касается меня, — сказал Шри Сувана, едва сдерживая улыбку, — то я должен попросить извинения и вернуться к себе на родину.

Суварнамали поняла его намеки, зарделась от смущения, но ничего не ответила.

— Син Самут и Арун Расми хотят меня сопровождать, — обратилась она к Пра Апхай Мани. — Вы им разрешаете?

Пра Апхай Мани заметил ее смущение.

— Никто не собирается им запрещать, — ответил он. — Хотя вы и не хотите, чтобы родители их сопровождали, но мы не возражаем, пусть дети поедут с вами. Я останусь здесь, а, может, вы предпочитаете, чтобы я совсем уехал?

Суварнамали, стараясь сохранить серьезный тон, сказала:

— Я вовсе не хотела вас обидеть, когда избегала встреч с вами во время путешествия в открытом море. Я не знала, каковы ваши намерения, и была сильно напугана. Что же касается вашего решения остаться здесь, прошу вас, продумайте его хорошенько. Вы — друг принца Услена. В случае, если возникнет война, можем мы рассчитывать на помощь вашего высочества? — не без ехидства бросила Суварнамали и в сопровождении двух своих питомцев села в шлюпку и отчалила к берегу. Высадившись, она тут же кинулась к матери, упала к ее ногам и зарыдала.

Потрясение, вызванное неожиданным возвращением дочери, было для королевы столь велико, что она упала в обморок. Когда придворные дамы привели ее в чувство, она засыпала Суварнамали вопросами, где она пропадала и куда девался ее отец.

Суварнамали рассказала матери про все свои злоключения. Узнав о том, что старый король пропал, несчастная королева не могла прийти в себя от горя. Тяжелые предчувствия, терзавшие ее с тех пор, как ей приснился дурной сон, будто с ним что-то случилось, теперь подтвердились.

Долго она оплакивала своего супруга. Наконец к ней подвели Син Самута и Арун Расми. Монта нежно их обняла и пригласила во дворец. Затем она созвала придворных. Король, по-видимому, погиб, сказала она им, и поэтому нужно найти другого правителя. А так как сыновей у нее нет, она решила, что самое луч-

шее попросить Пра Апхай Мани взять на себя бразды правления государством. Придворные распорядились готовить королевскую шлюпку и конвоирующие лодки.

Когда всё было готово, Монта, Суварнамали, Син Самут и Арун Расми в сопровождении многочисленных придворных сели в лодки, которые доставили их на корабль, стоявший на якоре в открытом море. Их тепло встретили братья, облачившиеся в королевские одежды. Обе стороны обменялись приветствиями. Внешность и манеры Пра Апхай Мани произвели на Монту более чем благоприятное впечатление, и она торжественно предложила ему править государством Палейк.

Пра Апхай Мани с улыбкой отвечал:

— Вы слишком великодушны, королева! Для меня это большая честь. Я ее ничем не заслужил. Я всего лишь пассажир на борту этого судна, а принадлежит оно Суварнамали и ее усыновленному ребенку, который, к счастью, является и моим сыном. Когда корабль атаковал принц Ланки, я не пришел ей на помощь, и с того дня Суварнамали сердится на меня. Если вы мне не верите, спросите ее сами. Именно поэтому я недостойн того, чтобы править вашей страной, и должен в скором времени вас покинуть.

Старая королева сказала:

— Если Суварнамали была с вами груба или невежлива, прошу вас извинить ее и научить, как надо себя вести, и она преданно будет служить вам. Я уже стара и долго не проживу. Если вы примите мое предложение, я оставляю вам все свои богатства вместе с моим мертвым телом, которое вы должны будете сжечь. Я проделала этот путь к вам затем, чтобы пригласить вас править Палейком. Не отказывайтесь. Прошу вас поехать теперь со мной во дворец. — И, повернувшись к дочери, королева велела ей поддержать ее просьбу перед Пра Апхай Мани.

Суварнамали, не смея перечить матери, сказала:

— Может быть, его высочество не принимает наше предложение потому, что править такой маленькой страной для него небольшая честь. Но если так, то, я надеюсь, он воздержится от того, чтобы дальше меня

позорить. Я иногда могу вспылить, но куда уж мне равняться с его высочеством. — И обращаясь к Син Самуту и Арун Расми, Суварнамали добавила: — А теперь помогите мне упросить твоего отца, Син Самут, и твоего дядю, Арун Расми, остаться. Я это сделать не в состоянии.

И вдруг Арун Расми по-детски пролепетала:

— Ты останешься, ведь правда, дядя?

Придворные дамы засмеялись над простодушием ребенка.

Пра Апхай Мани ответил:

— В таком случае ты должна сказать своей тете Суварнамали, чтобы она перестала сердиться на твоего дядю. Тогда дядя пойдет с тобой во дворец.

Арун Расми повернулась к Суварнамали и зашебетала:

— Пожалуйста, не сердись на него, дорогая тетя!

Суварнамали покраснела и прикрыла рукой ротик девочки.

— Не говори так, ты заставляешь меня краснеть, — зашептала она.

— Что же мы медлим, поехали, — сказала Монта, и все расселись по лодкам.

Когда они вошли во дворец, старая королева передала все, что имела, в распоряжение Пра Апхай Мани, включая самых красивых молодых служанок — для личных услуг.

Пра Апхай Мани и Шри Сувана поселились в золотом павильоне, а Син Самут и Арун Расми остались с Суварнамали в королевских покоях.

Пра Апхай Мани продолжал тосковать по Суварнамали. И хотя самые прекрасные девушки Палейка были в его распоряжении, он, не переставая, думал о принцессе и считал, что судьбы их связаны навеки. Он пользовался любым случаем, чтобы напомнить об этом старой королеве.

Суварнамали прекрасно отдавала себе отчет в том, что надо принимать решительные меры, иначе в скором времени она падет жертвой желаний Пра Апхай Мани. Поэтому она заявила матери, что хочет

стать монахиней и вести отшельническую жизнь в горах; она хочет своим благочестием замолить грехи отца¹.

Монта поняла, что это с ее стороны увертка, и сказала дочери:

— А что ты скажешь своему жениху? Твою свадьбу с Пра Апхай Мани я назначила на следующий месяц.

— Но у меня совсем нет желания выходить за него замуж, — запротестовала Суварнамали, — если бы мне хотелось иметь мужа, я уступила бы ему еще на борту корабля, когда он был так настойчив. Я же, наоборот, всячески избегала встреч с ним во время всего путешествия. А теперь к его услугам много красивых женщин, и он, наверное, совсем меня забыл. Поэтому, дорогая мама, уступи моей просьбе.

— Я уже обещала отдать тебя в жены Пра Апхай Мани, — сказала Монта. — Поэтому, если ты действительно хочешь отложить свою свадьбу, ты должна пойти и получить его разрешение. Если у него не будет возражений, я уступлю твоему желанию.

И вот с надеждой в сердце Суварнамали вместе с Син Самутом и Арун Расми пошла к Пра Апхай Мани. Представ перед ним, она раболепно ему поклонилась и объяснила причину своего визита.

— Находясь на борту корабля, я дала обет пойти в монахини, чтобы молиться о душе моего отца. Я пришла попрощаться с вами, чтобы пойти исполнить свой обет.

Пра Апхай Мани был словно громом поражен. Он не мог ума приложить, как помешать осуществлению ее намерений.

— Несчастнее меня, видно, нет никого на свете, — сказал он ей, — а мне казалось, что все беды позади и мы скоро будем вместе. Но ты хочешь убежать. Что же мне делать, пока ты будешь вдали от меня?

¹ В Таиланде есть такой обычай: человек постригается ненадолго в монахи, обычно на три месяца, с тем чтобы замолить грехи родителей. В данном случае Суварнамали, будучи единственным ребенком в семье, взялась совершить этот похвальный поступок. — *Прим. авт.*

Суварнамали улыбнулась и ответила:

— Здесь многие ищут вашего благосклонного внимания, и скучать по мне вам будет некогда. Кроме того, я буду неподалеку и только на время постригусь в монахини. Кончится срок моего обета, и я вернусь. Если вы меня до тех пор не забудете, я готова буду стать вашей рабой.

— Я уступаю тебе, — сказал Пра Апхай Мани, — но ты должна сказать мне, как долго ты будешь пребывать в монахинях и когда вернешься ко мне, чтобы я мог запечатлеть этот день в своем сердце.

Когда сборы были закончены, Суварнамали попрощалась с матерью и отправилась к горной обители, специально для нее приготовленной. Син Самут и Арун Расми настояли на том, чтобы проводить ее и разделить с ней отшельническую жизнь. Их сопровождало несколько придворных дам, для которых это было своего рода развлечением.

Прибыв на место, Суварнамали, Син Самут и Арун Расми поселились в голых, неудобных кельях, в которых никогда не обитали такие юные и очаровательные отшельники. Суварнамали провела детей в часовню, и там они приняли обряд посвящения, поклявшись проводить дни свои в благочестии и непорочности.

Не успели они там обосноваться, как к новоявленным монахам явились посетители — Пра Апхай Мани и Шри Сувана. На какие только уговоры не пускались оба брата, чтобы заставить их отказаться от добровольно принятого аскетического образа жизни. Но Суварнамали была тверда и непреклонна. Пра Апхай Мани сложил наконец оружие и, чтобы умерить свой любовный пыл, вернулся в город.

Прошло несколько недель, и Пра Апхай Мани пришел к заключению, что тактика его неправильна. Зачем ему подчиняться желаниям Суварнамали? Настало наконец время проявить настойчивость и заставить ее подчиниться его воле. Он решил снова ее навестить и заставить вернуться в город. И вот он надел свое лучшее платье и взял с собой роскошный дамский наряд, достойный самой королевы; он разложил его на золотом подносе и завернул таким образом, чтобы ни-

кто не мог догадаться, что там находится. Затем вместе с Шри Суваной они отправились в обитель Суварнамали.

Суварнамали, целомудренно облаченная в белое монашеское одеяние, сидела перед своей кельей и вместе с Син Самутом и Арун Расми наслаждалась красотами природы. Они следили за тем, как выют гнезда птицы на вековых баньяновых деревьях, как пчелы купаются в пыльце цветов, испускающих сладкий аромат. Увидев Пра Апхай Мани и Шри Сувану, взбирающихся по склону горы, принцесса послала Син Самута и Арун Расми навстречу гостям. После обычного обмена приветствиями Пра Апхай Мани сказал:

— Хотя все это время я жил во дворце, сердце мое было здесь. Днем и ночью я ощущал твое присутствие. Трудно передать, как я по тебе скучал. Неужели ты обо мне никогда не вспоминала? Или ты настолько тверда в своей вере, что совсем забыла меня?

Слова эти приводили Суварнамали все в большее волнение. Но положение монахини обязывало ее отвечать сдержанно, и она потупила очи.

— Просыпаясь по утрам, я постоянно молилась за ваше высочество. Мне стало известно, что одна очень умная женщина завоевала ваше доверие.

Она имела в виду Уали, уродливую девицу, которая стремилась женить на себе Пра Апхай Мани и всячески оказывала ему знаки внимания.

Подобная осведомленность и проницательность Суварнамали заставили Пра Апхай Мани улыбнуться.

— Да, — подтвердил он, — Уали — девица знатного рода и очень умна. Я подумал, что, когда ты вернешься во дворец, она будет для тебя полезной собеседницей. Я пришел просить тебя вернуться вместе со мной в город и жить среди своих подданных. А что касается твоего религиозного пыла, то побереги его до того времени, когда ты совсем состаришься и тогда мы вместе с тобой удалимся в монастырь и будем вести здесь до конца дней наших уединенное существование.

— Люди скажут, что правитель Палейка заставляет

монахинь покидать монастыри, — запротестовала Суварнамали.

— Тот, кто любит, будет всегда хвалить, тот, кто ненавидит, будет всегда осуждать. Избежать похвалы или осуждения невозможно. Какое нам дело до того, что скажут о нас люди? Сегодня как раз благоприятный день, чтобы покинуть эту обитель. Прошу тебя, не откладывай больше. А то я потеряю терпение и силой заберу тебя отсюда, предупреждаю тебя.

От стыда и страха Суварнамали вся залилась краской.

— Прошу вас не применять столь решительных мер... Наберитесь терпения и ждите. Дайте мне время, и я сделаю так, как вы хотите.

Пра Апхай Мани повернулся к брату. Шри Сувана сказал:

— Что ж, проведем ночь здесь?

Тут заговорила Арун Расми:

— Что ты упрямисься, дорогая тетя? Давай лучше быстрее вернемся в город.

— Значит, ты такая же, как и они! — удивленно посмотрев на нее, сказала Суварнамали и улыбнулась.

Вид у Пра Апхай Мани был такой, словно он готов был расплакаться.

— Какая же ты черствая отшельница! — вскричал он. — Даю тебе еще три дня, не больше.

Огорченный, не сказав больше ни слова, он кивнул своему брату, и они отправились обратно в город.

Прошло три дня, а Суварнамали все не возвращалась. Пра Апхай Мани был безутешен. Он не мог ни спать, ни есть; даже женщины, которые ему прислуживали, не вызывали у него никакого интереса.

И вот на помощь ему пришла Уали. Она знала, что у Пра Апхай Мани на сердце. Однажды вечером, развлекая его, она запела песню, в которой намекнула, что есть выход из создавшегося положения. Пра Апхай Мани заинтересовался и попросил ее дать ему совет, как образумить Суварнамали. У нее есть план, сказала Уали, можно заставить Суварнамали немедленно вернуться во дворец. Выполнение этого плана она берет на себя. Пра Апхай Мани спросил, что же надо для

этого сделать. Но Уали отказалась ему отвечать, сказав просто, что, если план ее провалится, он волен ее казнить.

План, придуманный Уали, был до крайности прост. Она попросила сделать все необходимые приготовления, чтобы в течение семи дней отпраздновать свадьбу Пра Апхай Мани. Пра Апхай Мани сказал об этом Шри Суване, и тот отдал нужные распоряжения. Придворные, не теряя времени, принялись исполнять полученные приказания. Спешно сооружали специальные павильоны и подмости, а служанки тем временем украшали дворцовые покои и готовили угощения для празднества. Когда все было готово, горожан пригласили принять участие в торжестве. И вот по всему городу пошло великое веселье.

Старая королева терялась в догадках, не понимая, что все это означает. Заподозрив самое худшее, она поспешила в обитель к дочери.

Суварнамали, услышав новость, взволновалась и опечалилась. Мысль о том, что Пра Апхай Мани отказался от нее и собирается жениться на Уали, вызвала в ней ревность и негодование. Она быстро сбросила свое монашеское платье и облачилась в королевское одеяние, которое Пра Апхай Мани принес ей в прошлый раз. Затем, покинув свою обитель, она вместе с матерью спустилась с горы и поспешила во дворец.

Пра Апхай Мани, который ожидал ее, обнадеженный Уали, заметил принцессу еще издали. Он немедленно снял свой усыпанный бриллиантами перстень и надел его на палец довольной и торжествующей Уали.

На следующий день была отпразднована пышная свадьба Пра Апхай Мани и Суварнамали к великой радости всех подданных.

Часть восьмая

ПРИНЦЕССА С ЗАПАДНОГО ОСТРОВА

Поженившись, Пра Апхай Мани и Суварнамали зажили счастливой жизнью. Правда, Пра Апхай Мани никогда не упускал случая полюбоваться на красивых придворных дам, но его ухаживания неизменно пресекались ревливой супругой. В свою очередь она окружила его такой нежной любовью, что вскоре забеременела и в положенное время родила двух девочек-близнецов.

А тем временем Шри Сувана взял с собой дочь Арун Расми и племянника Син Самута и повез их в далекий город Ратану навестить покинутых дедушку и бабушку. Престарелый король и королева так обрадовались встрече со своим младшим сыном и приехавшими вместе с ним двумя взрослыми внуками, что не отпустили их обратно, а оставили у себя, чтобы скрасить дни своей старости. А Санона, который сопровождал путешественников, послали сообщить об этом решении Пра Апхай Мани и передать ему письмо от родителей.

В то время как жизнь в Ратане и Палейке текла спокойно и счастливо, в Ланке шли большие приготовления. Услен, все еще страдая от ран, нанесенных ему во время бесславного боя, задался целью раз и навсегда свести счеты с Пра Апхай Мани. Он собрал большое войско и снарядил огромную флотилию для нападения на Палейк. Когда все было готово, он сел на корабль и пустился в путь. Отец Услена, несмотря на свой преклонный возраст, решил присоединиться к сыну и принять участие в походе. Он оставил дочь свою

Лаунг, красивую шестнадцатилетнюю девушку, на заботливое попечение служанок и придворных советников.

А в это время один из попутчиков Пра Апхай Мани, который ехал вместе с ним с волшебного острова, случайно оказался в Ланке. И он сумел вовремя предупредить Пра Апхай Мани об отплытии флотилии Услена.

Пра Апхай Мани это очень огорчило; Палейк был совсем не подготовлен к отпору врагу, жители его были мирными, невоинственными людьми. И вот он прибегнул к помощи Уали, которая сделалась его доверенным лицом и выручала своими советами во многих случаях жизни. Поскольку, сказала она, имеющихся в его распоряжении войск недостаточно для того, чтобы выдержать лобовую атаку противника, нужно прибегнуть к тактике маневрирования и обмана врага. Когда начнется вторжение, воины Пра Апхай Мани должны представить дело так, словно они вынуждены отступить, и таким образом завлечь врага в глубь страны. А тем временем другой отряд атакует врага с тыла.

Когда флотилия Услена появилась в бухте Палейка, все необходимые приготовления в соответствии с планом Уали были закончены.

Стоя на борту своего корабля, Услен дивился, почему прибытие его величественной армады не вызывает почти никакого волнения среди жителей Палейка. В качестве предупреждения он приказал дать залп из пушки. Это, наконец, возымело некоторое действие. Несколько парусников, стоявших вдоль берега, снялись с якоря и пустились наутек вверх по реке. Один из них был захвачен, а находящиеся на нем людей привели к Услену на допрос.

От них он узнал удивительную вещь — Пра Апхай Мани, заранее предупрежденный о приближении его флотилии, эвакуировал все население в глубь страны, а сам спасся бегством на корабле. И словно в подтверждение их слов, дым и пламя взметнулись над городом, а вверх по реке на всех парусах уходили суда.

Созвав спешный совет, Услен с отцом решили разделить свое войско. Условились, что Услен поведет часть

кораблей вверх по реке в погоню за Пра Апхай Мани, а отец с основными силами расположится лагерем около стен покинутого города. В соответствии с этим планом Услен немедленно пустился вдогонку за кораблями Пра Апхай Мани. А отец его отдал приказ остальным кораблям подплыть поближе к берегу, чтобы войско смогло высадиться.

Когда спустились сумерки, основная часть флотилии Ланки развернутым строем подошла к берегу. Воины расположились лагерем у городской стены и, не встречая никакого сопротивления, ослабили бдительность и стали пить и веселиться.

Это оказалось для них роковым. Все здоровое население Палейка и не собиралось покидать свою столицу. В это время за городской стеной мужчины и женщины обдумывали, как им уничтожить врага. Воспользовавшись тем, что люди Услена предались веселью, отряд горожан под водительством самой Суварнамали, которая снова переделалась мужчиной, перелез через стену и осторожно пополз к берегу. Там, под покровом ночи, они подожгли несколько кораблей Услена. Когда мачты и паруса охватил огонь, над всей флотилией занялось сплошное зарево. Приняв это за сигнал, основные войска Палейка, засевшие в городе, с дикими криками кинулись на врага.

Людям Услена не повезло. Охваченные ужасом при виде своих горящих кораблей и застигнутые врасплох неожиданным нападением врага, они в полной панике отступили. Большинство бросилось к немногим уцелевшим кораблям. Престарелого отца Услена, который сам бежать был не в состоянии, посадил к себе на плечи коренастый смуглый воин.

Уали, шедшая во главе отряда, заметила беглецов и выпустила три стрелы из лука. Стрелы попали в цель, но ни того, ни другого не сразили насмерть. Старик отец, раненный, но не потерявший сознания, и его верный «конь» добрались до одного из кораблей; корабль немедленно поднял паруса и вышел в открытое море.

А тем временем корабли Услена успели уйти довольно далеко вверх по реке. Увидев, что погоня длится уже достаточно долго, Пра Апхай Мани повер-

нул и атаковал врага с обоих флангов. Услен, боясь очутиться в окружении, решил отступить и пойти на соединение с основными силами своего флота. И вот странная стычка кончилась тем, что преследователь превратился в преследуемого.

На полном ходу спускаясь вниз по течению, корабли Услена достигли устья реки и уверенно направились к тому месту, где войско Ланки расположилось лагерем. Прием, который им оказали, был совершенно неожиданным. Гремели пушечные залпы, снаряды, со свистом прорезая воздух, падали на палубы кораблей. Корма личного судна Услена была начисто снесена снарядом, и судно стало погружаться в воду. Все находившиеся на борту, за исключением Услена, спасая жизнь, стали прыгать в воду.

Корабль Пра Апхай Мани подошел вплотную к судну противника. Команда его взяла тонущее неприятельское судно на abordаж и перенесла потерявшего сознание Услена на свой корабль. Когда Пра Апхай Мани увидел своего бывшего спасителя и соперника в таком бедственном состоянии, на глазах у него выступили слезы, и он обнял бесчувственное тело принца.

Битва окончилась. Уцелевшие корабли Ланки скрылись за горизонтом. И Пра Апхай Мани велел дать пушечный залп как сигнал для прекращения военных действий.

Воины и мирное население Палейка вернулись в свой город. Радости их не было конца.

Услена перенесли в королевский дворец и положили на ложе. Позвали докторов, чтобы лечить его раны, полученные в бою. Первый, кого он увидел, когда пришел в себя, был Пра Апхай Мани; Услен почувствовал такой стыд и отчаяние, что жизнь показалась ему постылой. Он стал искать свою саблю, преследуемый одной мыслью — кончить жизнь самоубийством, но саблю у него отобрали, когда переносили во дворец. Исчезновение сабли повергло Услена в еще большее отчаяние.

Пра Апхай Мани понял состояние и желание своего противника и обратился к нему со словами утешения:

— Не печалься, о брат мой, ведь мы с тобой вроде как родственники. С начала нашего знакомства у нас с тобой завязалась дружба и мы полюбили друг друга. Потом мы поспорили из-за женщины и стали врагами. Чтобы выиграть сражение, принято драться со всем пылом, так я и поступил. Но я доставил тебя сюда с тем, чтобы постараться умерить твой гнев; мы сможем тогда продолжать нашу дружбу до конца дней наших. Твоих людей и корабли, уцелевшие в бою, тебе вернут. Пусть оба наших народа живут отныне в мире и счастье. Что ты на это скажешь, брат мой?

Услен, не желая уступать и поддаваться доброжелательным речам Пра Апхай Мани, с вызывающим видом сказал:

— Я прекрасно знаю, как ты коварен и хитер. Но запомни, я приехал сюда за тем, чтобы уничтожить тебя. Я не ожидал, что потерплю поражение. Но раз это случилось, не жди, что я стану водить дружбу с моим врагом. Я мужчина и воин и не боюсь смерти и поэтому никому не стану в ноги кланяться. Убей или четвертуй меня, как хочешь. Я снова воскресну и отомщу тебе.

Пра Апхай Мани великодушно не обращал внимания на эти злобные слова и продолжал уговаривать Услена:

— Я слишком жалею тебя и не позволю тебе умереть. И я прошу тебя, скажи мне, что я должен сделать, чтобы ты умерил свой гнев? Я сделаю все, что в моих силах.

— Если бы мне удалось захватить город, — отвечал Услен, — я связал бы тебя вместе с Суварнамали, живо содрал бы с вас шкуру, а затем засолил бы вас обоих. После этого я отрубил бы вам головы и поставил бы каждому другую. На этом бы я успокоился.

Услышав такие слова, Пра Апхай Мани в ужасе отшатнулся. Подобное желание удовлетворить было невозможно. И он мягко сказал Услену:

— Я вижу, ты все еще не оставляешь мысли о мщении. Но я отпущу тебя на свободу, не задевая твоего самолюбия и не чиня препятствий. Ты оказал мне когда-то большую услугу, и теперь я отплачу тебе тем же. Если позднее ты снова захочешь пойти на меня

войной, пусть будет так. Но пока ты не оправишься от своих ран, можешь считать себя моим гостем; живи, принимай ванны и ешь то, что привык есть у себя дома.

Уали не одобряла такого доброжелательного отношения своего господина к врагу. Согласно общепринятым обычаям и правилам, победоносные монархи не отпускают на волю тех своих врагов, которые жаждут их крови.

Король наш чересчур великодушен, решила она, он думает, что получит в ответ благодарность. Тигренок становится тигром, он этого не учитывает. Но что делать? Меня он не послушает. Королева придерживается того же мнения, что и он, потому что отец ее был другом отца Услена. Одна я могу довести это дело до конца. Мудрая поговорка гласит: если ты ударишь змею и лишь сломаешь ей хребет, она вернется и отомстит тебе; крокодил, который спасается бегством в воду, свирепеет еще больше; тигр, заключенный в клетку, а потом выпущенный в джунгли, смертельно опасен. Точно так же — стоит сберечь жизнь захваченному в плен врагу, и он причинит еще больше хлопот в будущем.

И вот Уали стала обдумывать, как призвать Услена к ответу. Наконец ей пришла в голову мысль, как с ним разделаться. Она переделалась мужчиной и засунула за пояс кинжал с рукояткой, усыпанной драгоценными камнями. Нарядившись таким образом, она прошла в королевские покои и попросила у Пра Апхай Мани аудиенции. Там, в присутствии Услена, она доложила ему о том, как она самолично пустила три стрелы в тело престарелого правителя Ланки. И хотя тому и удалось бежать, она твердо убеждена, что больше трех суток старику не протянуть. Поэтому сейчас самый подходящий момент для того, чтобы преследовать удирающего врага до его столицы.

Однако Пра Апхай Мани это предложение не понравилось.

— Я этого не хочу, — сказал он. — Мне жаль Услена. Стоит ли нам продолжать войну?

Услен слышал, что говорила Уали, и его стали одолевать самые мрачные мысли. Мало того, что сам он потерпел постыдное поражение в битве, так еще отец его смертельно ранен и умирает, а этой уродливой

девице позволили войти и злорадствовать по этому поводу. Сознать все это было для него невыносимо. Отчаяние сдавило ему грудь, силы ему изменили.

Ослабевшее от ран тело Услена конвульсивно задергалось, и жизнь постепенно покинула его.

Уали достигла своей цели. Услен был мертв. Никогда он больше не сможет угрожать Палейку. Но она не учла последствий. Мертвый Услен причинил ей больше вреда, чем живой. Дух его стал бродить по дворцу, вызывая к мести. Тишину ночи нарушали пронзительные крики, призывавшие к отмщению женщине, которая посмела над ним издеваться.

Как-то вечером Услен догнал Уали и до смерти ее напугал. Он преследовал ее по всем комнатам дворца, нанося ей удар за ударом. Уали удалось скрыться в своей комнате, но от этого потрясения она уже никогда не смогла прийти в себя. Испуг привел к тому, что ее стали одолевать кошмары и нервные припадки. Несмотря на заботу и внимание, которыми окружили ее Пра Апхай Мани и Суварнамали, она не смогла оправиться и, попрощавшись со своим господином и господжой, преследуемая духом Услена, издали насмехавшимся над ней, Уали окончила свое земное существование.

Пра Апхай Мани и Суварнамали сильно горевали. В лице Уали они потеряли верного советника и преданного друга, которого не сумели по-настоящему оценить при жизни. Пра Апхай Мани не всегда внимательно относился к ее советам, а Суварнамали часто попросту ревновала ее. И теперь они просили у нее прощения и молили богов, чтобы она возродилась вновь на этот раз более красивой, чем она была в жизни, так бесславно окончившейся. Они устроили ей пышные похороны и провозгласили ее посмертно сестрой королевы.

Что же касается тела Услена, то Пра Апхай Мани приказал положить прах его в золотую урну, приличествующую его королевскому достоинству. Урну затем поместили на борт корабля, который сопровождала личная свита Услена, взятая в плен вместе с ним. Кораблю разрешили отплыть в Ланку.

После долгого и трудного плавания отец Услена добрался наконец до Ланки. Никакие старания вылечить его раны не увенчались успехом, и он впал в глубокое отчаяние. Прибытие корабля с прахом Услена совсем сломило его.

— Конец всем моим надеждам! — вскричал он. — Нет у меня больше сына-наследника. Кто будет править этой страной после меня? Разве сможет моя единственная дочь управлять страной? Всю жизнь она будет только лить слезы. Боги поистине покинули меня. — В конце концов, разбитый горем и ослабевший от ран, старый король скончался.

Как только весть о смерти короля распространилась по дворцу, со всех сторон раздались вопли и рыдания. Придворные и стража горевали вместе с близкими.

— Что теперь делать? И повелитель наш и сын его покинули нас, — причитали они. — Словно солнце и луна потухли в небе, а небо, земля и море исчезли, оставив после себя сплошной хаос.

Горестные вести достигли города, и население охватила паника.

— О свет, который озарял нас в темноте, теперь, когда ты погас, кругом будут царить горе и отчаяние. — Всю ночь напролет по городу разносились громкий плач и причитания, словно стонало и плакало бурное море.

На следующее утро состоялся совет вельмож и старейшин, который должен был решить, что делать дальше. И единогласно решили: за неимением наследника мужского пола, возвести принцессу Лаунг на престол ее предков.

Лаунг, узнав о том, что и отец ее и брат мертвы, упала в обморок. Служанки захлопотали вокруг нее, стараясь привести ее в чувство. Вскоре она очнулась и смогла пойти отдать последний долг покойному. Она припала к его ногам и зарыдала.

— О дорогой мой родитель, вы оставили свою дочь совсем одну на земле и вместе с братом вознеслись на небеса. К кому мне теперь обратиться за советом? Трудно мне будет одной. И чем больше я об этом думаю, тем сильнее льются у меня слезы и сжимается

сердце. Когда умерла мать, у меня оставались еще вы. Но теперь и вы ушли, и словно свет померк для меня. Мне больше не на кого опереться, поэтому, умоляю вас, возьмите меня с собой. Я буду молить богов, чтобы возродиться вместе с вами. Смерти я не боюсь. Я кончу с собой, чтобы последовать за вами.

И с этими словами она вытащила из рукава платья кинжал и взмахнула им. Служанки все разом пронзительно завизжали и вырвали у нее из рук оружие. Лаунг пыталась отнять у них кинжал, но ее остановили крики придворных, которые стали умолять ее не расставаться с жизнью, а править их осиротевшей страной и отомстить за смерть отца и брата.

Лаунг, с печатью горя на юном прекрасном челе, отвечала собравшимся вокруг нее вельможам:

— Править страной — мужское дело. А я только слабая женщина, и найдутся такие люди, которые не признают меня своей властительницей. Так давайте все вместе изберем правителем мужчину.

Однако придворные не приняли ее предложения.

— Только ты одна можешь править нашей страной, — сказали они ей. — Что правда, то правда — ты женщина, но ты и единственная, оставшаяся в живых наследница королей Ланки. Если хоть один город в королевстве посмеет противиться тебе, все мы встанем на твою защиту и разрушим его. Кроме того, ты будешь неприкосновенна, потому что король, твой отец, оставил тебе волшебный знак Раху, который защитит тебя от любой опасности. Ты должна жить и править, для того чтобы отомстить за смерть отца и брата.

Лаунг решила наконец пойти навстречу своей судьбе и отвечала им так:

— Благодарю вас всех за добрые слова и обещание и надеюсь, вы поможете мне начать войну против врага и смыть наш общий позор. Волшебный знак Раху я буду держать при себе. А поскольку у меня нет опыта в государственных делах, я также надеюсь, что тот из вас, у кого есть опыт, мне поможет. Но прежде всего давайте совершим обряд погребения.

Короля и его сына Услена похоронили по всем правилам и обычаям этой страны.

После похорон Лаунг пригласили занять место на троне в большом дворцовом зале, где все склонились перед ней, приветствуя в ее лице новую владычицу Ланки.

Лаунг села на королевский трон. В одной руке она держала усыпанный бриллиантами знак Раху, а другой сжимала рукоятку меча, ножны которого были украшены драгоценными камнями. И она обратилась к своим вельможам с такими словами:

— Мы всех вас благодарим и надеемся, что вы будете и дальше помогать нам править страной. Нам всего только шестнадцать лет, да кроме того, мы — слабая женщина и лишены качеств, необходимых воину. Но мы в такой злобе на позорные оскорбления, нанесенные нам Палейком, что должны пойти на него войной, даже если это принесет нам смерть. Посоветуйте, что нам делать для того, чтобы победить Палейк.

Но никто из знатных людей Ланки не смог дать Лаунг сколько-нибудь дельный совет. Им знакомы были лишь самые примитивные правила военного искусства, ибо вопросы высшей военной стратегии всегда были в ведении короля. Поэтому вельможи ей отвечали:

— Это уж дело вашего величества решать и приказывать. Победа или поражение зависит только от главнокомандующего, в его руках вся верховная власть. Но ваше величество может посоветоваться с настоятелем монастыря, — в нем источник мудрости, и он знает все на свете, даже искусство ведения войны. Если ваше величество в чем-либо сомневается, настоятель всегда даст вам совет.

Лаунг немедленно послала за святым отцом. Она торжественно приветствовала его, поставив перед ним вино, чай и табак. Приняв его по всем правилам, она раскрыла ему свои планы на будущее.

— Умоляю вас помочь мне. Пожалуйста, посоветуйте, как мне поступить.

Настоятель посмеялся над ее страхами.

— Палейк знает, как ему защититься от воинов, — сказал он. — Но страной нашей теперь правит женщина, и в Палейке не догадаются, как им справиться с женщиной. Такова уж таинственная рука судьбы! Женщина победит там, где погибнет мужчина. Ты должна пустить в ход свою женскую хитрость, это вызовет большее действие, чем даже знак Раху. Если ты последуешь моему совету, никто не посмеет тебя и пальцем тронуть.

Лаунг верила в мудрость настоятеля, но не могла понять, о чем он говорит, и поэтому сказала:

— Я еще молода и неопытна. Пожалуйста, скажите, как мне пустить в ход мою женскую хитрость.

Настоятель снова засмеялся и запутал ее еще больше, заговорив загадками.

— Хитрость — это труд, труд — это хитрость, и поэтому хитрость и труд неразрывно связаны. Пока ты об этом помнишь, тебе нечего бояться.

Тут он поднялся и покинул Лаунг, не обращая внимания на ее просьбу объяснить ей, что все это значит.

Лаунг мучительно думала над тем, что ей сказал настоятель, но не могла ни до чего додуматься, потому что никогда в жизни не хитрила. Молча она вернулась в свою спальню.

С этого дня Лаунг постоянно помнила о том, что ей предстоит свести счеты с Палейком. На королевских советах придворные все время напоминали ей о том, как проклятый враг казнил ее отца и брата. Уши Лаунг горели так, словно их постоянно стегали жгучей крапивой. Каждый вечер с тяжелым сердцем она ложилась в постель. Раздумывая над тем, что ей сказал настоятель, она металась на своем ложе и никак не могла заснуть. Она даже запретила стражникам отбивать часы.

Служанки были обеспокоены состоянием ее здоровья. Они посоветовали ей снова позвать настоятеля, — лишь он один может помочь ей. И вот Лаунг решила сама навестить святого отца.

Пройдя благоухающий сад, Лаунг, в сопровождении служанок и свиты, поднялась по ступеням лестницы, ведущей к главному входу в храм. Гонг в это время

пробил три раза, и сам настоятель появился в дверях. Он пригласил принцессу войти в храм. Лаунг приняла приглашение святого отца и вошла внутрь храма. Тогда он спросил ее:

— Что привело тебя сюда, дитя мое?

Лаунг отвечала:

— Святой отец, я пришла к вам за помощью, и если вы мне ее окажете, я буду заботиться о вас всю жизнь. Объясните мне, прошу вас, что вы хотели сказать, когда советовали пустить в ход мою женскую хитрость, которая должна иметь больший успех, чем даже знак Раху. Пожалуйста, проясните мне смысл всего так, чтобы я поняла и приняла нужные меры к отмщению за смерть моего дорогого отца и брата.

Настоятель откашлялся и, понизив голос, заговорил доверительно:

— Дитя мое, ты должна знать, что знак Раху, который охраняет этот город, издавна был предметом зависти других государств. Нет такого принца на земле, который не пожертвовал бы всем ради обладания знаком Раху. Тебе стоит лишь объявить, что тот, кто поможет Ланке победить ее врагов, станет ее правителем, и найдется немало желающих, которые с готовностью примут твои условия. А что касается твоей женской хитрости, то поступи так же мудро, как сделала Мекхала. Закажи художнику свой портрет и, размножив, разошли его во все соседние государства, тогда у тебя не будет недостатка в поклонниках, которые захотят биться насмерть ради тебя. Таким путем ты достигнешь своей цели и сохранишь жизнь своим людям.

Сказав так, он подошел к шкафу и вынул из него несколько карт. Он протянул их Лаунг и показал ей разные государства, расположенные в непосредственном соседстве с Ланкой, которые с готовностью придут ей на помощь ради такой прекрасной награды, как сама принцесса. Настоятель дал ей также рецепт любовного зелья, с помощью которого она сможет легко завоевывать сердца мужчин, с условием, что при употреблении этого зелья она будет тщательно следовать всем наставлениям. Зелье это так сильно действует, ска-

зал он, что стоит даже самому твердокаменному мужчине только взглянуть на нее или просто увидеть ее портрет, как он тут же до безумия в нее влюбится.

Вначале Лаунг отвергла этот рецепт, но хитрый настоятель объяснил ей, что с ней ничего не случится, если она сама не влюбится в одну из своих жертв.

Вооруженная этими наставлениями и картами, которые дал ей настоятель, радостная и уверенная в себе Лаунг вернулась во дворец.

Оставшись одна в своей спальне, принцесса тут же принялась изучать карты и рецепт. Содержимое зелья ее крайне удивило: оно представляло собой смесь духов и жидкости из глаза, вынутого у алчной женщины.

И вот Лаунг приготовила по всем правилам зелье и приказала привести к ней сто самых красивых девушек города; она решила научить их искусству женской хитрости. Кроме того, она распорядилась, чтобы по крайней мере три тысячи женщин научились стрелять из лука, а все мужчины прошли военное обучение.

Когда все ее приказания были выполнены, она разослала по всем направлениям, во все богатые королевства послов, каждому из которых был вручен ее портрет.

В положенное время один из послов достиг страны тамилы, населенной сильными людьми, основной пищей которых было мясо, а не рис. Короля этой страны звали Ламан. В то время как в страну прибыл посол Лаунг, Ламан оплакивал кончину своей горячо любимой жены.

— Разве я найду себе другую жену, — твердил он, — которая бы хоть сколько-нибудь напоминала мне мою покойную женушку. Кругом столько женщин, но ни одна из них не может сравниться с ней. — Так он горевал, не подозревая о существовании Лаунг.

За сутки до приезда посла Ламану приснился странный сон. Снилось ему, будто огромная змея упала с неба и свернулась вокруг его дворца, изрыгая пламя и дым, и вот огонь объел его самого, и он сгорел дотла. Проснувшись, он сразу сообразил, что змея — это женщина, и начал дивиться, кто это жаждет стать его же-

ной. Он посоветовался со своими астрологами; они тут же подтвердили его догадки и добавили, что скоро у него появится новая супруга.

Поэтому, когда объявили о прибытии посла от Лаунг, Ламан с готовностью согласился его принять. Посол вручил ему письмо и портрет своей царственной госпожи.

Увидев портрет, Ламан не мог прийти в себя от восторга и изумления. Он так долго любовался им, что голова у него закружилась и он упал в обморок. Придя в себя, он закидал посла вопросами, и ответы его преисполнили Ламана величайшей надеждой.

— Мне просто счастье привалило, — сияя, воскликнул он. — Трудно себе даже представить, что эта прекрасная молодая девушка с королевством Ланка в придачу скоро станет моей.

Ламан снова и снова перечитывал письмо. Он запрыгал от радости, как ребенок, громко и долго смеялся, а потом обратился к послу.

— Почему твоя принцесса ищет себе мужа в нашей стране? — спросил он. — Ей ведь, наверное, хорошо известно, что нас считают варварами. Прошу тебя, объясни мне, почему она не боится нас и ищет с нами союза?

У хитрого посла всегда был наготове ответ.

— Ваше высочество, — сказал он, — даже самый свирепый леопард никогда не тронет себе подобных. Если вы будете с ней рядом, моей царственной госпоже некого будет больше бояться, тогда ее будут бояться.

Ламан взял портрет в руки и крепко прижал к сердцу. Весь день и всю ночь он смотрел на него с вожделением и ни с кем не желал разговаривать. Он отдал только приказ срочно готовить целую флотилию для путешествия в Ланку.

Желание обладать Лаунг было у него столь велико, что, целуя ее нарисованные губы, он мечтал перенестись к ней прямо по воздуху.

Когда Лаунг узнала, что Ламан и в самом деле собирается приехать, она чуть с ума не сошла от страха. Но, собственно, он ведь не может причинить ей никакого зла, успокаивала она себя. Она велела готовиться к приезду короля государства тамиллов.

В назначенный день, когда Ламан в качестве гостя должен был прибыть в Ланку, Лаунг с особой тщательностью совершала свой туалет. Она приняла ванну и обильно надушилась, а затем надела богатый, сверкающий драгоценными камнями наряд. И, когда она заняла свое место на троне в большом дворцовом зале, она и впрямь выглядела, как богиня, спустившаяся с небес.

Дробь барабанов и звуки труб снаружи все нарастали. Тамилы приближались ко дворцу, шествуя по украшенной знаменами улице, вдоль которой толпилось любопытное население Ланки. Ступая по белым полотнищам, которыми, как ковром, была устлана мостовая, окруженный грозной свитой Ламан достиг дворца и вошел в тронный зал.

Необычайная красота Лаунг потрясла Ламана. Он остановился как вкопанный и молчал, улыбаясь. А его приближенные, не теряя времени, знакомились с придворными дамами. И здесь уроки, которые эти последние получили от своей госпожи, оказались весьма ценными. Улыбаясь и строя глазки, придворные дамы полностью завоевали сердца приближенных Ламана.

Взглянув на мужественную, но неуклюжую фигуру своего гостя, Лаунг вздрогнула от ужаса. Но нужно было обойтись с ним вежливо, и она обратилась к королю тамилон с такими словами:

— Брат мой, прими мою благодарность за то, что ты поспешил мне на помощь. Теперь мое желание исполнилось и я могу считать тебя своим защитником.

Ламан никак не мог прийти в себя от удивления и восторга. Наконец он взял себя в руки и отвечал:

— Сестра, когда я услышал о твоём затруднительном положении, я поспешил сюда, чтобы уничтожить твоих врагов. Я сделаю тебя могущественной королевой. Враги твои падут перед тобой ниц. А если они посмеют ослушаться, им придется испробовать острие моего меча. Теперь скажи мне, где находится Палейк, и я отправлюсь туда и снесу голову Пра Апхай Мани и привезу ее тебе в подарок.

Лаунг одарила его своей прелестной улыбкой.

— Вы приехали издалека, король, и, наверное,

устали, — сказала она. — Дайте своим людям немного отдохнуть.

Затем она поведала ему историю войны с Палейком, рассказала, как Пра Апхай Мани победил и свел в могилу ее отца, брата и соотечественников.

— Если вы такой же храбрый, как кажется, — продолжала она, — вы должны мне помочь его победить. Удастся вам это — трон Ланки и знак Раху будут вашими.

Сказав так, Лаунг позвала своих слуг, и они принесли столы и расставили перед Ламаном дорогие угощения. Самые очаровательные девушки наливали ему бокалы вина, а другие играли на музыкальных инструментах и пели песни.

Ламан наблюдал за всем этим с восторгом и восхищением провинциала, впервые попавшего в столицу. С большим удовольствием он принялся за яства и вина. Когда алкоголь ударил ему в голову, страсть к Лаунг разгорелась в нем с еще большей силой. Он с вожделением смотрел на принцессу и мечтал о тех мгновениях, когда она станет его и как он будет обнимать ее и сажать к себе на колени. Тут он стал хвастать и клясться, что сотрет жителей Палейка в порошок.

— Я никого не боюсь, — кричал он. — Я одержу победу над врагом и позабочусь о Ланке.

Приближенные Ламана, которые к этому времени напились так же, как и их господин, принялись шумно выражать свое одобрение и петь грубые песни. Некоторые стали обнимать служанок и целовать их. Шум веселья разносился по всему дворцу и был слышен в городе.

Наступил вечер; пир прекратился, и свита Ламана удалилась в свой лагерь, расположенный поблизости от дворца. Там они повалились замертво и проспали, громко храпя, до самой зари, пока их не разбудил сигнал на перекличку.

Сам Ламан провел ночь в специально для него подготовленном павильоне. Тревожимый мыслями о Лаунг, он долго не мог заснуть. Когда сон наконец его одолел, ему приснилась Лаунг. Снилось ему, будто она уже его

возлюбленная, во сне он метался, обнимал подушку и страстно ее целовал.

На следующее утро Ламан собрал своих военачальников на военный совет и приказал им готовиться в поход против Палейка.

— Без победы над Пра Апхай Мани мы обратно не вернемся, — предупредил он их.

Получив приказания, военачальники отправились производить смотр своему войску и кораблям.

Ламану захотелось предстать перед женщинами Ланки в самом лучшем виде. Он принял ванну, надушился и облачился в роскошный наряд. Поверх он надел странного вида оружие, украшенное драгоценными камнями. На голове его красовалась шапка нежного золотистого цвета с плюмажем из лебединых перьев. Взяв в руки лук, он вышел из павильона, крикнул людей из своей свиты и торжественно зашагал во дворец.

Лаунг в это время давала утреннюю аудиенцию. Увидев Ламана, она пригласила его занять место рядом с собой и ласково сказала:

— Мне очень жаль вас, о брат мой. Дома у вас было все, что душе угодно. А здесь на каждом шагу сплошные неудобства. Но прошу вас, не огорчайтесь, что я не уделяла вам до сих пор должного внимания. — И с этими словами она вручила ему венок, сплетенный из редчайших цветов.

Слова принцессы растрогали Ламана до глубины души. Он взял венок и поблагодарил Лаунг. А затем, желая похвастать, сказал:

— Я буду защищать вас до последнего издыхания, можете в этом не сомневаться, сестра моя. Сегодня вечером я отплыву со своим войском, чтобы одержать победу над Палейком. Никакие опасности и трудности меня не страшат. Свою жизнь я кладу к вашим ногам.

И, когда в ответ на это принцесса улыбнулась, Ламан почувствовал себя несказанно счастливым.

Лаунг сделала вид, что опечалена его предстоящим отъездом. Она вздохнула и скромно сказала:

— Я все серьезно обдумала и боюсь, что с одним вашим войском вам не одолеть врага. В помощь вам я тоже решила снарядить войско.

Однако Ламан и слышать об этом не хотел.

— Это ни к чему. Я сам справлюсь. А если в мое отсутствие кто-нибудь откажется вам повиноваться, я этого человека сотру в порошок.

Затем Лаунг приказала снарядить лоцманское судно, чтобы провести в Палейк флотилию Ламана и доставить с обратным рейсом вести в Ланку.

Пришел день отплытия Ламана. Лаунг, призвав на помощь все небесные силы, благословила его и сказала:

— Одержите победу над врагом и возвращайтесь скорее обратно, я буду рада снова вас видеть.

Слова эти наполнили сердце Ламана радостью. Очень ему не хотелось расставаться с принцессой, но, хочешь не хочешь, он должен был выполнить то, что обещал. Исполненный грусти, Ламан поднялся на корабль. И сейчас же послышался бой барабанов, удары гонга и звон корабельных склянок, и матросы зычными голосами прокричали прощальные приветствия. Попутный ветер надул паруса, и флотилия Ламана взяла курс на Палейк.

Как и в прошлый раз, до Пра Апхай Мани дошел слух о готовящемся против него выступлении вражеской флотилии. Поэтому он созвал своих военачальников и разработал план обороны. Порешили применить старую тактику, которая выручала их раньше. Всем немощным и малолетним надлежало покинуть столицу и забрать с собой имущество и скот.

А тем временем все здоровое мужское население было брошено на строительство огромных железных клеток: больших бородатых тамилы Пра Апхай Мани хотел взять живыми. Каждому мужчине дали длинную цепь, с помощью которой он мог бы захватить одного из этих великанов; жителям Палейка они представлялись колоссальными, как слоны.

Рано поутру флотилия Ламана смело вошла в бухту Палейка. Стоя на капитанском мостике, Ламан мог наблюдать, как население Палейка беспорядочно спасается бегством; каждый старался поскорее угнать

свой домашний скот. Значит, он застал врага врасплох и враг не окажет ему никакого сопротивления, решил Ламан. И он приказал отряду лучников высадиться на берег; с зелеными и желтыми знаменами впереди, лучники двинулись к городу. Но, подойдя к городской стене, они увидели, что зубчатая стена усиленно охраняется людьми в алой одежде.

Ламан вначале решил немедленно идти в атаку, но потом передумал и приказал герольду приблизиться к главному форту и предъявить врагу ультиматум.

— Граждане Палейка! — провозгласил герольд. — Господин мой Ламан-тамил, смелый и беспощадный, пришел со своим войском, чтобы отомстить вам за победу над Ланкой. Если Пра Апхай Мани дорога жизнь его семьи и сограждан, пусть он выходит вперед и сдается моему господину Ламану, тогда господин мой пощадит все живое в вашем городе. Но если он будет упрямиться и оказывать сопротивление, господин мой Ламан огнем и мечом сровняет этот город с землей и не пощадит никого, даже младенцев в колыбели. Скажите моему господину, что таков приказ Ламана Смелого!

Ультиматум этот был тут же передан Пра Апхай Мани.

На Пра Апхай Мани это не произвело никакого впечатления. Он просто отдал приказ своим военачальникам, чтобы они ждали ночью сигнала к атаке. Когда над фортом взвьется победное знамя, жителям Палейка надлежит прокрасться через городские ворота и быстро связать врагов цепями. При этом всем нужно будет непременно залепить уши воском. Отдав такие распоряжения, Пра Апхай Мани отпустил своих военачальников и произвел осмотр фортов, крепостных валов и позиций врага, расположившегося по ту сторону городской стены.

Настала ночь, и Пра Апхай Мани занял свое место на наблюдательной вышке форта. Он взял волшебную флейту, сыграл вначале приветствие своему учителю и потом начал исполнять трогательную мелодию, которая неизменно очаровывала всех слушателей. До его людей звуки флейты не долетали, потому что все они залепили

уши воском, и музыка на них не действовала. Но на Ламана и его воинов волшебная музыка произвела губительное действие. Легкий ветерок донес нежные звуки мелодии туда, где они расположились лагерем. Зачарованные, они прилегли, чтобы послушать музыки, и вскоре все крепко уснули.

Тогда Пра Апхай Мани приказал поднять знамя победы.

Жители Палейка с воинственными криками устремились через открытые городские ворота и тут же наткнулись на спящих тамиллов. Они не медля стали вязать их цепями. Безжизненные тела огромных воинов затем поволокли к клеткам, которые были специально для них установлены в городе.

Самого Ламана тоже связали цепями и затем отдельно от остальных потащили и торжественно поместили в специально охраняемую клетку.

После того как эта операция была благополучно закончена, Пра Апхай Мани созвал своих военачальников и велел им быть начеку, ибо пленные тамилы, сказал он, могут вести себя, как дикие слоны в загоне. Пройдет по меньшей мере два дня, прежде чем они привыкнут к своему положению. И, отдав все распоряжения, правитель Палейка удалился к себе во дворец.

Приближенные Ламана пришли в себя после глубокого сна и обнаружили, что они связаны по рукам и ногам. Ярость обуяла их, и они стали страшно ругаться. Некоторым удалось порвать свои цепи, и пришлось применить огромные усилия, чтобы связать их снова. Непокорных из всех сил колотили дубинками.

Очутившись в столь плачевном положении, Ламан страдал сильнее всех. «Надо же было мне заснуть и попасть в руки врагов, — размышлял он. — Как мне теперь драться и одолеть их? Неужели тщетны были все мои усилия и зря вел я свое войско в такую даль, чтобы отомстить за любимую женщину? Что теперь будет с Лаунг? Понапрасну теперь будет она ждать моего победоносного возвращения. О Лаунг, видно, не свела нас с тобой судьба. Но если мне и суждено умереть, все равно ты будешь моей. Пусть только

кто-нибудь попытается обладать тобой, клянусь, дух мой прилетит и ломает ему шею».

В припадке отчаяния Ламан потребовал у стражников, чтобы они убили его. Никогда еще он так не тосковал по своей возлюбленной, как в эту ночь. К счастью, портрет ее он спрятал у себя на груди. Теперь он вынул портрет и стал его ласкать. Слезы текли по лицу Ламана, когда он думал о женщине, любовью которой ему не суждено было насладиться. Охваченный горем, он стал целовать портрет так, словно это была сама Лаунг. Он целовал его, обнимал и ласкал, и звуки поцелуев эхом отдавались в клетке.

Стражников стало одолевать любопытство. Они приблизились к клетке, чтобы посмотреть, что это за портрет, с которым Ламан так нежно обращается. Увидев изображение красивейшей женщины на свете, они были приятно удивлены. Ламан заметил любопытные взгляды стражников и быстро сунул портрет обратно в карман своей куртки.

Сильно похолодало, дул ледяной ветер, и дождь хлестал в лицо. Никогда еще в своей полной приключений жизни Ламан не чувствовал себя таким несчастным. Он попробовал заснуть. Но до самого рассвета не сомкнул глаз; на заре усталость наконец свалила его, и он погрузился в тревожный сон. Воспользовавшись этим, стражники вытащили у него портрет и решили вручить его Пра Апхай Мани.

Правитель Палейка уже встал и давал утреннюю аудиенцию. Прежде всего он поинтересовался, как провел ночь Ламан. Стражники рассказали ему обо всем, что случилось, и передали портрет. Пра Апхай Мани взял портрет, посмотрел на него и глубоко растрогался. Его охватило какое-то непонятное душевное волнение, и он с трудом отвел взгляд от портрета.

— Так вот та награда, ради которой глупый тамил рисковал жизнью, — промолвил он. — Приведите сюда пленного.

И пока стражники ходили за пленным Ламаном, Пра Апхай Мани все любовался неземной красотой Лаунг и раздумывал над тем, пошел бы он сам на риск ради такой женщины.

Ламана привели, и король тамиллов доказал, что он действительно ничего не боится: на все вопросы Пра Апхай Мани он отвечать отказался. Тогда его снова заперли в клетку. И Пра Апхай Мани объявил всем собравшимся военачальникам, как он решил поступить с Ламаном. Он не проявит жестокости и не казнит врага, но он не может позволить ему вернуться на родину. Поэтому правитель Палейка предложил посадить короля тамиллов и его приближенных на далеком необитаемом острове, к которому не причаливало ни одно судно.

Приказ Пра Апхай Мани был без промедления выполнен. Ламана и его военачальников посадили на корабль, взявший курс на небольшой необитаемый остров, расположенный посреди океана, где можно было найти пропитание и пресную воду. Там их высадили, предоставив самим заботиться о себе.

Но Ламан недолго наслаждался жизнью на новом месте. Обнаружив исчезновение любимого портрета, он впал в глубокую тоску; горе его было безутешно. Вскоре тоска одолела Ламана, и он умер, а дух покинул его мертвое тело, вернулся в Палейк и вселился в тот самый портрет Лаунг, который был Ламану дороже жизни.

Часть девятая

ЧУДЕСНЫЙ МАЛЬЧИК

В то время как Пра Апхай Мани переживал все эти приключения на поле брани и в любви, его возлюбленная русалка, которую он оставил на волшебном острове, воспитывала его второго сына, Суд Сакона, и он рос крепким, здоровым мальчиком. Суд Сакон быстро мужал и становился очень смышленным — ведь он был не простой смертный. Десяти месяцев отроду он по общему развитию не уступал нормальному десятилетнему ребенку. Русалке уже не нужно было его защищать и заботиться о его пропитании. И вот скрепя сердце она решила, что не должна больше удерживать сына в своей водной стихии и что придется ей отдать мальчика на воспитание мудрому отшельнику, который правил островом.

Отшельник с охотой принял Суд Сакона и поселил у себя в пещере. Он кормил мальчика плодами диких бананов и коровьим молоком, и тот быстро набирал силы. Почти все время мальчик проводил вблизи пещеры: гонялся за буйволами, садился на них верхом и катался. Временами он спускался к бухте и играл с рыбами, пока отшельник не выходил из себя, зазывая его обратно в пещеру. Отшельник требовал, чтобы Суд Сакон учился читать и писать, умел сам о себе заботиться и, когда потребуется, защитить себя.

Однажды, когда Суд Сакону было уже почти три года, воспользовавшись тем, что отшельник задумался, он удрал из пещеры и спустился к бухте погоняться за рыбами. Поймав одну огромную рыбину, он взобрался ей на спину и быстро поплыл в открытое море.

Они были уже на значительном расстоянии от острова, как вдруг Суд Сакон заметил чудовище. Такого он ни разу не видел.

Это была огромная морская лошадь с туловищем черного цвета, морда у нее была драконья, а хвост, как у морской змеи. Мальчику понравился этот диковинный зверь, и он уцепился за его хвост. Чудовище тут же извернулось, разинуло пасть и схватило малыша. Огромными усилиями Суд Сакон высвободился из пасти животного и умудрился сесть на него верхом. Зло рыча, чудовище всячески пыталось сбросить с себя седока — подскакивало в воздух, переворачивалось на спину и размахивало своим громадным хвостом. Но Суд Сакон не собирался расставаться с жизнью. Дикая езда продолжалась до вечера; когда спустились сумерки, боясь, что отшельник на него рассердится, мальчик слез со спины чудовища и поплыл к острову. Со всех ног побежал он навстречу отшельнику и рассказал ему о своем удивительном приключении.

Отшельник сразу понял, что воспитанник его встретил отпрыска дракона и лошади. Поэтому голова у него была драконья, а туловище лошадиное. Он подумал, что неплохо было бы приручить это животное для Суд Сакона. Высказав свою мысль мальчику, отшельник научил его, как поймать чудовище и приручить с помощью волшебных чар.

Ложась в этот вечер спать, Суд Сакон постарался хорошенько запомнить все, что говорил ему отшельник.

На следующее утро мальчик встал рано и, отыскав кусок веревки, спустился к бухте, где одна из друзей-рыб Суд Сакона поджидала его, чтобы отвезти в море. Там, среди огромных валов, он увидел морское чудовище, легким галопом скачущее по волнам. Суд Сакон приблизился к нему, соскочил с рыбы и ухватился за усы чудовища. Дракон сердито зарычал, затряс своей огромной головой и сбросил мальчика в воду, бешено колотя хвостом и пытаясь снова схватить своего преследователя.

Ничуть не испугавшись, Суд Сакон снова приблизился к чудовищу, снова схватил его за усы и в тот же

момент накинул петлю ему на голову. Воспользовавшись временным замешательством животного, он взобрался на него верхом и быстро семь раз подряд повторил заклинание, которому научил его отшельник. И вдруг морская лошадь утратила всю свою силу и присмирела. Тогда Суд Сакон шесть раз подул ей в морду и увидел, что лошадь теперь в его власти и послушно следует туда, куда ему нужно. Торжествуя победу, он взял курс к берегу, и вскоре чудовище уже мчалось легким галопом вверх по песчаному холму, направляясь к пещере отшельника.

Отшельник сидел, задумавшись, и теребил свою бороду. Увидев воспитанника, спокойно восседавшего на чудовище, он радостно засмеялся и закричал ему:

— Эй, послушай! Хватит тебе скакать, приведи-ка лучше сюда это чудовище. Я хочу взглянуть на его забавную морду.

Суд Сакон послушно слез с полудракона-полулошади и подвел ее к отшельнику, который стал с интересом рассматривать чудовище. А затем, снова засмеявшись, почтенный старец сказал Суд Сакону:

— Странно и удивительно, в одном животном словно соединилось несколько. Сила у него гигантская, и он неуязвим. Клыки у него алмазные, а чешуя ониссовая. Он может питаться человеческим мясом, крабами, травой и листьями. Сидя на нем верхом, ты тоже становишься неуязвимым. Я назову его Нилмангконом. А теперь отпусти его. Зачем держать его на привязи,пусти его пастись на воле. Когда тебе понадобится твоя лошадь, позови Нилмангкона, и он к тебе прибежит.

Отшельник решил, что настало наконец время рассказать Суд Сакону о его королевском происхождении. И вот он подозвал к себе мальчика и поведал ему всю историю о том, как его отец, принц и наследник престола, благодаря его матери русалке спасся от преследования великанши, как они вот на этом самом острове полюбили друг друга, и как Пра Апхай Мани уехал незадолго до того, как Суд Сакон появился на свет.

И в заключение отшельник сказал:

— А теперь ты стал достаточно взрослый, чтобы самому о себе заботиться. Поезжай, разыщи своего отца. Не к чему тебе здесь оставаться и бездельничать.

Суд Сакону стало жаль отца, которому пришлось столько вынести. И он с готовностью откликнулся на предложение отшельника.

— Да, стыдно, что сын ничего не знает о своем отце. Я должен просить у вас разрешения поехать и отыскать его, пусть даже поиски эти будут стоить мне жизни. Скажите мне, пожалуйста, в каком направлении он уплыл?

— Твой отец, — ответил отшельник, напрягая всю свою способность провидца, — теперь правит Палейком и собирается начать войну с Ланкой. Куда указывает моя рука, в том направлении тебе и следует ехать, и там ты отыщешь его. Но путь этот долог и труден, и ты можешь заблудиться. Тебя будут подстерегать опасности. Ты встретишься с жестокими, злыми духами, с душами умерших и гадкими людьми. Но я вижу, что ничто не может поколебать твое решение найти отца; это похвально и правильно, уважение к родителям — величайшая добродетель.

Затем отшельник взял длинную сучковатую палку, протянул ее Суд Сакону, который выглядел рядом с ней совсем маленьким, и сказал:

— Возьми эту волшебную палку с собой. Не расставайся с ней и никогда не выпускай из рук. Она может служить оружием и разить недруга не хуже, чем стрела или меч. Пользуйся ею и как щитом против любых видов оружия.

Мудрый старик всунул, кроме того, в чуб мальчика золотую шпильку, оставленную ему Пра Апхай Мани, и накинул на него тигровую шкуру. В таком виде обычно ходят отшельники. Высокий шлем из шкуры, надетый на голову Суд Сакона, делал его еще больше похожим на маленького отшельника. Затем старик выжал немного пахучего сока из розового дерева и помазал им лоб мальчика. Суд Сакон низко, почтительно поклонился отшельнику.

Наконец пришло время попрощаться и с матерью русалкой. Он спустился к берегу моря и позвал ее.

Она выплыла к нему; глаза ее были полны слез, но сердце исполнено гордости за сына. Суд Сакон повернулся к отшельнику и сказал:

— Я покидаю этот остров и очень беспокоюсь за мать. Позаботьтесь о ней, святой отец, прошу вас. Пока меня не будет, кроме вас, за ней некому присмотреть.

Глубоко тронутый, отшельник сказал:

— Не волнуйся, я позабочусь о ней и исполню любое ее желание.

Успокоившись, Суд Сакон попрощался с матерью. Отшельник благословил его на дорогу. Мальчик подождал Нилмангкона, отвел свою громадину лошадь к берегу, помахал еще раз на прощанье матери, взобрался на Нилмангкона и помчался в открытое море.

Нилмангкон, не зная усталости, скакал по высоким волнам. Вокруг расстилался широкий водный простор, и кое-где на далеком горизонте виднелись редкие зеленые острова. Вскоре всадник с лошадью достигли заброшенного королевства Тау Пакка.

Страна эта когда-то процветала, но жители ее презрели религию и обычаи своих предков, сбились с пути истинного, и вот однажды весь остров вместе со всеми его обитателями исчез под водой. А место это стало прибежищем духов, которые ловили добычу в потонувших кораблях, заманенных ими на предательские рифы миражем некогда величественного города.

Суд Сакон этого не знал. Приблизившись к острову, он увидел лишь красивый сверкающий город и жителей, снующих взад вперед по улицам. Некоторые из них окликали его и приглашали погостить у них. А поскольку мальчик устал и нуждался в отдыхе, он решил на время остановиться в городе и посмотреть, что это за место.

Суд Сакон провел Нилмангкона через городские ворота. Но стоило ему это сделать, как стены города начали медленно оседать. Город и его приветливые жители исчезли, уступив место водному пространству и скопищу духов, которые окружили мальчика и стали над ним злобно насмехаться.

Суд Сакон ничуть не испугался. Крепко зажав в руке свою волшебную палку, он стал махать ею во

все стороны. И стоило ему притронуться к духам палкой, как головы их отлетали от бесплотных тел. Но чем больше духов он таким образом уничтожал, тем больше их прибывало, и они продолжали издеваться над ним, высовывая свои жадные языки. Неустрашимый Суд Сакон продолжал разгонять их палкой, а Нилмангкон размахивал хвостом и хватал духов своими страшными клыками.

Когда настал вечер, духи все еще сражались с неутоимым гостем. Они даже принесли с собой горящие факелы, чтобы осветить поле битвы. Волшебная палка держала их в страхе, но они упорно продолжали сопротивляться в надежде, что мальчик выдохнется и, может быть, бросит свою палку.

Усталость уже начала одолевать Суд Сакона и его преданную лошадь. Тут мальчик вспомнил отшельника. Как пригодилась бы сейчас его помощь! И вдруг раздался оглушительный грохот, словно гром прогремел, и все духи мигом растаяли в воздухе. Из облаков появился отшельник. На лице его сияла добродушная улыбка. Он рассказал Суд Сакону историю погибшего королевства и его превратившихся в духов жителей и предупредил мальчика, чтобы он немедленно покинул это место. Затем отшельник исчез в облаках, а Суд Сакон поспешил последовать совету отшельника.

Мальчик ехал на своем полудраконе-полулошади всю ночь напролет. Когда рассвело, он обнаружил, что находится вблизи красивого зеленого острова. Решив сделать остановку, он направил Нилмангкона к берегу. На острове Суд Сакон нашел много разных плодов, которыми можно было утолить голод, а Нилмангкон насытился рыбами, выловив их на отмели. Лошадь и седок затем предались долгожданному сну.

Отдохнув немного на острове, Суд Сакон снова сел верхом на Нилмангкона и снова пустился в путь по океану. Долго пришлось им поездить, прежде чем они достигли первого обитаемого острова.

На этом острове жил хитрый, гадкий человек темного происхождения, который выдавал себя за святого. Во время кораблекрушения вблизи острова он потерял все то небольшое имущество, которое имел, и высадился

на острове почти голым. Чтобы как-то выйти из положения, незнакомец заявил жителям острова, что он факир, член одной секты, которая отказалась от всех видов одежды, считая ее греховной. Он отрастил такие длинные волосы и бороду, что они частично прикрыли его наготу. Отказавшись употреблять в пищу рыбу — основной продукт питания на острове, — он кормился только рисом да овощами. Все это произвело такое впечатление на островитян, что они целиком подпали под влияние факира и поверили, будто он и в самом деле святой. Островитяне построили ему хижину, где он зажил спокойно, не зная забот.

Высадившись на остров, Суд Сакон первым делом наткнулся на эту хижину. Он доехал на Нилмангконе до самого входа в хижину. Заглянув внутрь, Суд Сакон увидел голого факира, который спал, растянувшись на своем ложе. Зрелище это показалось мальчику отвратительным, но им овладело любопытство, и он окликнул факира:

— Эй, ты там! Проснись, старик! Почему ты совсем голый?

Факир в испуге вскочил и огляделся вокруг, стараясь установить, откуда исходит голос. Наконец он заметил у входа мальчика, сидящего верхом на странном животном, и спросил его:

— Откуда ты приехал? Что тебе надо, маленький отшельник? И что это за животное, на котором ты сидишь?

— Подожди, — важно перебил его Суд Сакон. — Вначале отвечай, почему ты не стыдишься своей наготы? Тебе нечего надеть? И ты никогда не чистишь зубы?

Факир сразу принял добродетельный вид. Любой человек, более опытный, чем Суд Сакон или островитяне, сразу бы заметил его притворство.

— Я презрел все соблазны, — воскликнул он с напускным благочестием, — ибо мне ведома вся тщета человеческого существования. Что такое, в конце концов, наше человеческое тело? Всего лишь вместилище болезней и грязи. Поэтому стоит ли прикрывать его?

По этой причине я решил стать святым, отказался от мирских утех, изменил свое имя и внешность. Я хожу в таком виде, каким родился на свет. Ну, а теперь скажи мне, что привело тебя сюда? И куда ты держишь путь?

Суд Сакон с доверием внимал всему, что говорил ему факир, и в простоте душевной поверил в то, что тот святой. Мальчик спешил, вошел в хижину и попросил голого факира простить его за то, что он с ним так грубо разговаривал. А затем он поведал ему о себе и своем удивительном путешествии.

Голый факир слушал его, закрыв глаза. По мере того, как Суд Сакон говорил, он все больше убеждался в том, что перед ним необыкновенный мальчик, что хоть он и мал, но наделен небывалой, волшебной силой.

Факир решил выведать у мальчика секрет его волшебной силы и вкрадчиво сказал:

— Тебе удалось пересечь моря и океаны, все это очень хорошо. Но впереди тебя ждут более серьезные преграды, такие, например, как море расплавленной лавы. Тут твои чары и заклинания окажутся бессильны. Я научу тебя, как преодолеть и это препятствие и все другие.

Суд Сакон охотно принял предложение факира.

— В таком случае расскажи мне обо всем, что ты уже знаешь, — сказал факир.

Мальчик искренне поверил в то, что факир поможет ему, и рассказал обо всем, чему его обучил отшельник, а также раскрыл секрет своей волшебной палки.

Глаза у факира загорелись. С большим трудом овладев собой и скрыв свои чувства, он сказал Суд Сакону:

— Начнем наши уроки сразу. Следуй за мной вон на ту гору, где я предаюсь размышлениям.

Голый факир поднялся со своего ложа и вышел из хижины с проворством, не вязавшимся с его возрастом. Суд Сакон последовал за ним, крепко зажимая в руке свою волшебную палку.

После долгого восхождения они наконец достигли вершины самой высокой горы на острове. На высоте нескольких тысяч футов на узком выступе скалы,

нависшем над долиной, факир приказал мальчику принять мечтательную позу. Суд Сакон, ничего не подозревая, послушался. Он поставил палку рядом с собой и сложил ладони, как для молитвы.

Коварный факир тут же этим воспользовался. Быстро навалившись на мальчика всем своим телом, он толкнул его в пропасть и смотрел, как мальчик падает, пока тот не скрылся из виду. Затем, издав ликующий крик, он схватил волшебную палку и стал спускаться с горы.

Добравшись до своей хижины, факир, не теряя времени, решил испытать свою власть над лошадей Суд Сакона — Нилмангконом. Вначале полудракон-полулошадь не желала ему повиноваться, но когда факир взмахнул палкой, она испугалась и склонила голову, покоряясь неизбежной судьбе. Факир сел на нее верхом и, погоняя животное волшебной палкой, заставил везти себя по морю в королевство Каравек, где, как он знал, его новые приобретения вдобавок к его знаниям дадут ему возможность зажить богато и беззаботно.

В Каравеке правил молодой принц по имени Пра Сурийотан, у которого была супруга по имени Чомчантавади и дочка Сауваконта двух с половиной лет. В тот самый час, когда вероломный факир толкнул Суд Сакона в пропасть, Пра Сурийотан крепко спал. И снился ему странный сон. Ему снилось, будто страшный, зловонный стервятник с лоснящимся лиловым туловищем, покрытым редкими перьями, летит навстречу ему, держа в клюве кристалл. Воздух вокруг него пропитан запахом смерти, и у принца от этого зловония кружится голова. А потом вдруг стервятник исчезает и восходит солнце во всем своем великолепии, заливая город морем света. Принц находит кристалл на земле и отдает его своей дочери. Тут принц проснулся.

Пра Сурийотан собрал своих придворных астрологов и попросил их объяснить, что означает этот сон. Астрологи произвели свои вычисления и заявили ему, что злой стервятник — это подлый мужчина странного вида, который скоро прибудет в Каравек. Кристалл

означает, что за этим человеком последует мальчик, наделенный необычайной силой и властью, и мальчик этот в конце концов станет мужем маленькой принцессы и правителем Каравека.

Вскоре, как и было предсказано, прибыл голый факир. Он ехал верхом на Нилмангконе по улицам Каравека, к великому ужасу населения, которое решило, что в город явился злой дух из ада. Весь город огласился криками и причитаниями. Но факир с беспечным видом ехал вперед, пока не достиг дворцовых ворот. Там некоторые осведомленные люди, которые слышали о голом факире с соседнего острова, вежливо его приветствовали и спросили о цели его прибытия в Каравек.

Польщенный таким вниманием, коварный человек сказал им, что он прибыл для того, чтобы предупредить их о надвигающейся эпидемии холеры, которая пронесется по городу и сразит всех, кто пренебрежет его советом.

— Пожалуйста, передайте всем вашим гражданам, — закричал он, — если они не хотят умереть, пусть не мешкают. Пусть выходят все на улицу, и я опрыскаю их святой водой, тогда смерть пройдет мимо них и они будут продолжать жить в здоровье и счастье.

Когда горожане это услышали, неприязнь, которую они почувствовали к факиру, и страх перед ним мигом рассеялись. Они бросились к нему и стали умолять его о помощи.

Толпы народа запрудили улицы. Даже больные, калеки и матери с новорожденными на руках вышли из домов. Молодежь с удивлением смотрела на голого чужестранца, а кое-кто даже откровенно насмехался над ним.

Обо всем этом было доложено Пра Сурийотаи, который, забыв о своем сне, взволновался, как и его подданные. Он велел придворным пригласить этого святого во дворец, чтобы тот сотворил свое чудо. Но когда факир появился во дворце, все придворные дамы в испуге бросились в разные стороны. Верхом на Нилмангконе он подъехал к самым дверям тронного зала, где его вежливо приветствовали королевские сановники. Сияя от удовольствия, факир спешил.

Но стоило ему это сделать, как Нилмангкон, освободившись от его злого влияния, сделал прыжок, с быстротой ветра промчался через дворцовые ворота, бросился в море и поскакал в направлении острова, где оставил своего любимого хозяина.

Напуганный до смерти факир упал в обморок. Все усилия привести его в чувство оказались тщетными. В таком состоянии он был доставлен к принцу. Пра Сурийотаи приказал перенести его во внутренние покои дворца и созвал придворных врачей. Там факир пришел в себя и лежал в течение нескольких дней, дрожа от страха и отчаяния.

А тем временем Нилмангкон вернулся на остров и стал бродить повсюду в поисках Суд Сакона. Не найдя его, преданная лошадь поскакала к хижине факира и оттуда пошла по следам своего хозяина. Следы привели ее к подножию горы. Тут Нилмангкон сел и заплакал, и рыдания его разнеслись эхом по всей каменистой долине.

Благодаря действию волшебных чар отшельника, сын Пра Апхай Мани не погиб при падении с утеса, после того как его толкнул оттуда коварный факир, а сильно ударился о скалы и долгое время лежал без сознания. Постепенно прохладный ручеек, бегущий со скалы, оживил его. Придя в себя, он вдруг услышал жалобные рыдания преданного Нилмангкона. Он огляделся. Его окружала сплошная громада скал. Подняться на них не было никакой возможности. Каким образом выбраться из глубокого ущелья, он не знал. В отчаянии Суд Сакон снова позвал своего учителя.

И снова отшельник пришел на помощь своему воспитаннику. Раздался страшный грохот. Суд Сакон взглянул наверх и увидел старика, спускавшегося верхом на радуге. Взяв на руки израненного мальчика, отшельник поднял его в воздух и осторожно положил на вершину горы. А потом стал поучать мальчика:

— Не доверяй ни одному смертному, потому что пороки их неисчислимы. Даже самое цепкое ползучее растение, обвивающее старое дерево, не столь изворотливо, как человеческая душа. Истинная любовь среди смертных — это только любовь родителей к детям.

Надейся лишь на самого себя. Будь осторожен и мудр, мой мальчик. Нет лучшего оружия, чем знание, потому что оно всегда даст возможность уберечься от беды. А теперь иди и отыщи свою волшебную палку. — И, сказав так, отшельник тут же исчез.

Суд Сакон встал на ноги и спустился с горы, чтобы отыскать полудракона-полулошадь. Нилмангкон, увидев его, заржал от радости. Мальчик повел его обратно тем же путем, каким пришел сюда; по пути он срывал плоды с деревьев, ел их сам и кормил Нилмангкона. Подойдя к хижине, он собрал гранаты, посаженные голым факиром, насытился ими и искупался в чистом прохладном ручейке. Затем он позвал Нилмангкона и сказал ему:

— Ты знаешь, куда отправился этот злой человек. Сейчас же отвези меня туда. — Суд Сакон взобрался на полудракона-полулошадь, и они поскакали в Каравек.

Жители Каравека больше не пугались Нилмангкона и вышли из домов, чтобы получше рассмотреть редкое животное. Они подумали, что мальчик, который на нем едет, должно быть сын или внук факира. И они крикнули ему:

— Где ты был, маленький отшельник? Ты что, приехал к старику факиру?

Суд Сакон повернулся, услышав их доброжелательные голоса.

— Да снизойдет на вас мое благословение, — приветствовал он их. — Скажите, где мне найти голого факира. Пожалуйста, скажите, где он находится.

Жители сообщили ему, что их правитель пригласил факира к себе во дворец.

Суд Сакон без затруднений проник во дворец, потому что все, кто бы ни увидел мальчика, тут же в него влюблялись. Он спешил и пошел прямо в комнату, где лежал факир.

Коварный старик спал крепким сном, а волшебная палка стояла рядом, прислоненная к стене. Суд Сакон, войдя в комнату, сейчас же схватил палку, с торжествующим видом замахал ею над головой и закричал:

— Эй ты, подлый человек! Ты выведал у меня все мои секреты и пытался убить меня, чтобы украсть мою палку. За это ты умрешь!

Голый факир в испуге открыл глаза и, увидев стоящего над ним мальчика, которого он столкнул с утеса, пришел в ужас. Он вскочил с постели и, помышляя лишь о спасении, стрелой вылетел из комнаты. Следом за ним бросились придворные лекари со склянками в руках. Стоявшие снаружи стражники, не понимая, что произошло, присоединились к погоне. Во дворце поднялся переполох.

Шум достиг ушей Пра Сурийотай, и он поспешно вышел из своих покоев посмотреть, что случилось. Подойдя к комнате, отведенной факиру, он увидел маленького мальчика в одежде отшельника. Суд Сакон, не утруждая себя погоней, стоял и объяснял испуганным придворным:

— Я приехал только для того, чтобы забрать свою палку. Не пугайтесь, я никому не причиню вреда.

Мальчик сразу понравился Пра Сурийотай, и он пригласил его во внутренние покои. Там он стал расспрашивать Суд Сакона, и тот рассказал ему, откуда он родом и что с ним приключилось.

Услышав о том, что факир обманул мальчика и даже пытался его убить, Пра Сурийотай пришел в ярость. Он приказал схватить подлого человека и привести его к нему. Факир отказался признать себя виновным. Тогда его высекли и приговорили к смертной казни. Но Суд Сакон заступился за него; то, что произошло с ним, сказал он, было, без сомнения, возмездием за какое-то зло, совершенное им против этого человека в предыдущем существовании, и если факир понесет теперь наказание, цепь непрерывных отмщений ожидает их в последующих существованиях.

Пра Сурийотай согласился исполнить просьбу Суд Сакона при одном условии: если Суд Сакон останется в Каравеке и заменит ему сына. Мальчик, который был не прочь принять такое предложение, отвечал:

— Благодарю ваше высочество за великодушное предложение заботиться о вас, как о своем отце. Когда

я разыщу родного отца и родственников, я вернусь в Каравек и буду служить вашему высочеству до конца дней своих.

Пра Сурийотаи понравился этот полный достоинства ответ, и он предложил мальчику следующее:

— Я сам буду сопровождать тебя до королевства твоего отца. Но вначале ты должен отдохнуть здесь немного и набраться сил. А тем временем я pošлю гонца в Палейк.

На это Суд Сакону нечего было возразить. Он только попросил разрешения позвать Нилмангкона и, когда тот предстал перед ним, рассказал преданному животному о своих намерениях. Отпустив затем Нилмангкона порезвиться в море, мальчик последовал за своим новоявленным отцом во внутренние покои дворца, где его гостеприимно встретила Чомчантавади и ее дочь Сауваконтa.

Дни сменялись неделями, недели месяцами, а месяцы годами, а Суд Сакон все гостил в Каравеке, наслаждаясь благами цивилизации и культуры, которых он никогда раньше не знал. Он совсем позабыл о цели своей поездки — отыскать отца, которого никогда не видел.

Но вот однажды он вдруг вспомнил, что Пра Сурийотаи — не его отец, а Каравек — не его родина, и почувствовал внезапную потребность отправиться на розыски Пра Апхай Мани. Он тут же пошел к своим «родителям» и сказал им, что на следующее утро намерен покинуть Каравек. Обращаясь к Сауваконтe, которую он горячо полюбил, Суд Сакон добавил:

— Я должен покинуть тебя, сестричка. Я мечтаю увидеть моего настоящего отца, и желание это горит во мне, как огонь. Когда я его найду, я привезу его сюда, чтобы познакомить с тобой. А ты должна себя беречь. Я всегда буду думать о тебе.

— В таком случае, — заявила Сауваконтa, — я поеду с тобой. Я не могу оставаться в городе без тебя, дорогой брат.

Несмотря на все попытки Суд Сакона отговорить ее от этого, Сауваконтa твердо стояла на своем, и родители вынуждены были уступить капризу дочери. Но

они устроили так, что их маленькие питомцы сели на корабль, снабженный всем необходимым, с целой свитой слуг, которые должны были оберегать детей.

Суд Сакон не забыл и о своей преданной лошади. Подозвав Нилмангкона, он приказал животному следовать за кораблем. Днем Нилмангкон мог сколько душе угодно скакать по водной поверхности, но по ночам он взбирался на корабль и спал на борту.

Корабль взял курс на Палейк. Море было спокойным, и плавание протекало благополучно до тех пор, пока они не достигли большого острова, где решили сделать остановку, чтобы пополнить запасы пресной воды. Они и не подозревали о том, что остров этот населен свирепыми бабочками-людоедками гигантских размеров. Стоило этим насекомым почуять запах человеческого мяса, как они налетели целыми тучами и стали кружить над кораблем, высматривая добычу. Матросов охватила паника, и они попрятались в трюм. Маленькая Сауваконт, услышав шум на палубе, выглянула из окна своей каюты. В мгновение ока одна из бабочек налетела, схватила ребенка своими когтями и быстро взвилась в воздух. К счастью, Суд Сакон заметил, что произошло. Схватив свою палку и призвав на помощь Нилмангкона, он немедленно помчался за ней вдогонку. Тут же на него налетели сотни других голодных бабочек. Неустрашимый Суд Сакон стал бить их своей палкой и поломал им крылья. Уцелевшие бабочки быстро обратились в бегство. Суд Сакон спас Сауваконт и на своей преданной лошади доставил ее обратно на корабль. Затем он снова отправился верхом на Нилмангконе к острову, где разыскал и убил короля бабочек. Он вынул у насекомого оба глаза, которые сияли, словно драгоценные камни, и взял их с собой на корабль, потому что слышал, будто глаза эти придают огромную силу их обладателю.

Наконец, проплавав много недель, корабль подошел к берегам Палейка. Вдоль пристани патрулировало несколько лодок. Подплыв ближе, моряки из Каравека ударили в гонг, чтобы привлечь внимание лодочников и спросить у них, кому эти лодки принадлежат. На это им ответили:

— Мы — береговая охрана Палейка. А откуда вы плывете? И кто вы — друзья или враги?

Моряки из Каравека, обрадовавшись, что достигли наконец места своего назначения, крикнули в ответ:

— Мы не враги! На нашем корабле находятся принцесса Каравека и знаменитый Суд Сакон, приехавший навестить своего прославленного отца Пра Апхай Мани. Подплывайте поближе — и вы можете засвидетельствовать свое почтение его высочеству.

Лодки береговой охраны подошли к кораблю, и командиры поднялись на палубу. Суд Сакон дружески их приветствовал и вскоре убедился, что они действительно подданные его отца. Но когда он попросил их доставить его к Пра Апхай Мани, они заколебались и сказали, что вначале должны получить указание из дворца. И они послали гонцов посоветоваться с королевскими сановниками.

Весть о приезде гостей была передана Суварнамали, поскольку Пра Апхай Мани находился все еще в расстроенных чувствах из-за странного воздействия, которое на него так же, как на Ламана, оказал портрет Лаунг.

Суварнамали никогда не слышала, что у ее мужа есть еще один сын, и, естественно, отнеслась к этому подозрительно. Посоветовавшись с придворными, она решила лучше разузнать о Суд Саконе и, прежде чем пускать его в город, подождать приезда Шри Суваны и Син Самута, ибо все единогласно решили, что враг способен пойти на любую хитрость.

И вот гонцов послали обратно на корабль с просьбой к Суд Сакону не въезжать пока в город, а подождать у городских ворот.

Суд Сакон с грустью и волнением узнал о болезни своего отца и долго расспрашивал об этом гонцов. Под конец он решил уступить их просьбе и расположился лагерем у городской стены.

А тем временем до Суварнамали дошел слух о том, что в Ланке готовятся огромные военные силы. Хитрая Лаунг предложила свою руку любому, кто сможет сразить правителя Палейка, дважды одержавшего победу над Ланкой. В связи с этим все правители соседних

стран — от полновластных монархов до принцев мелких государств — предложили свои услуги Лаунг, и вот сильное объединенное войско готово было обрушиться на королевство Пра Апхай Мани.

Суварнамали поспешно вошла в покои мужа и застала его целующим заколдованный портрет Лаунг. Усевшись рядом с ним, она передала ему полученные новости. Пра Апхай Мани пришел в ярость и закричал:

— Ты явилась сюда лишь затем, чтобы излить свою ревность. Единственное, на что ты способна, это болтать языком. — И, схватив подушку, он запустил ею в Суварнамали. Суварнамали выбежала из комнаты. Увидев, что обсуждать этот вопрос с мужем бесполезно, она сама собрала министров и военачальников и приказала им готовиться к бою.

Войско Палейка едва успело прийти в боевую готовность, как объединенная вражеская флотилия появилась у берегов. Такого огромного количества боевых кораблей никогда раньше не видывали в Палейке, а о таком грозном войске, которое на них двигалось, раньше и не слыхивали,

Враг казался непобедимым. Тем не менее отважная береговая охрана вышла на лодках навстречу неприятелю, чтобы преградить ему путь. Солдаты стреляли с лодок из ружей. Большие вражеские суда начали отвечать им пушечными залпами, и в скором времени от храбрых защитников не осталось и следа. Решив, что больше препятствий на пути к городу не будет, корабли флотилии развернули паруса и на полном ходу налетели на корабль Суд Сакона, который открыл по флотилии огонь из всех своих орудий. Ему удалось потопить несколько головных судов. Но в конце концов даже доблестные гости из Каравека не смогли устоять перед натиском вражеской армады и были вынуждены отступить.

Захватчики достигли долгожданного берега и беспрепятственно начали высаживать свои войска. В скором времени они полностью окружили город и приступили к штурму городской стены.

Суварнамали, взяв на себя верховное командование защитой города, решила, что единственная возмож-

ность спастись — это инсценировать отступление и совершить внезапную вылазку. Снова переодевшись мужчиной, она собрала группу отважных женщин и вывела их через городские ворота. Она решила продвинуться немного вперед, так, чтобы привлечь внимание врага, а затем отдать приказ о немедленном отступлении.

Но враг действовал слишком стремительно. Воины неприятеля кинулись к воротам и отрезали отступление. Суварнамали и ее амазонки все же пытались пробить себе путь, стреляя из луков. При этом многие из них, в том числе и Суварнамали, получили тяжелые ранения.

В этот критический момент прискакал на своем Нилмангконе Суд Сакон и стал разбрасывать врагов направо и налево. Ряды неприятельских войск дрогнули. Сообразив, что переодетая женщина и есть супруга отца, Суд Сакон бросился ее спасать и проводил в безопасное место, под прикрытия городской стены. Затем он вернулся на поле боя и встал во главе людей Каравека. Размахивая волшебной палкой и погоняя грозного коня, он повел свой небольшой отряд в лобовую атаку. Вражеские воины, растерявшись от неожиданности, повернули назад и пустились наутек.

Суд Сакон торжественно въехал в столицу Палейка. Наконец, после долгих приключений, чудесный мальчик нашел своего отца.

Часть десятая

СЕМЬЯ СОЕДИНЯЕТСЯ

Когда Шри Сувана и Син Самут слышали об опасности, угрожающей Пра Апхай Мани, они распростились с правителем Ратаны, сели немедленно на корабль и пустились в долгий обратный путь в Палейк.

Первые несколько дней небо было безоблачным и путешествие протекало спокойно, без приключений. Но вот как-то вечером корабль подплыл к большому острову как раз перед самым началом шторма. Ища надежное укрытие, а также желая пополнить запасы пресной воды, Шри Сувана отдал приказ лечь в дрейф и бросить якорь в укрытой бухте. На берег за водой послали несколько человек.

Когда они с ведрами и бочонками шли обратно к бухте, огромный свирепый лев прыгнул на них из густых зарослей. Моряки шарахнулись в стороны. Наиболее смелые стали стрелять в зверя из своих мушкетов, но от этого он рассвирепел еще больше. Злобно рыча, лев кинулся на людей, которые оказались поблизости, а остальных загнал в море. Спасая жизнь, они бросились вплавь, потому что, как ни странно, лев нырнул вслед за людьми и преследовал их до самого борта корабля.

Син Самут, услышав шум, вышел на палубу и тут увидел, что произошло. Недолго думая, он прыгнул в море и с голыми руками бросился на зверя. Началась страшная борьба. Состязание в силе кончилось тем, что мальчик прочно уселся верхом на льва.

Но земноводное чудовище не сдавалось. С диким ревом лев подбросил Син Самута высоко в воздух.

Находчивый юноша увернулся от его раскрытой пасти и уцепился за хвост, используя его как рычаг, чтобы снова усесться на льва верхом. Лев, не в силах сладить с этим маленьким человечком, круто повернул к берегу с Син Самутом на спине и заревел, призывая на помощь. В одно мгновение берег заполнился рычащими львами.

Бесстрашный Син Самут нырнул и выплыл на поверхность, набрав полные пригоршни мелких рыбешек. Он стал спокойно разбрасывать их зверям, и те жадно подхватывали их на лету. А смелый сын Пра Апхай Мани ходил среди них и поглаживал каждого по гриве. Даже его свирепый противник и тот был настроен совсем миролюбиво. Син Самут решил взять его с собой и использовать в дальнейшем как лошадь.

Мальчик поплыл на смирном, как котенок, лье обратно к кораблю, где его встретили с восторженным удивлением, а те, кто на своей шкуре убедился в свирепости льва, увидев его, задрожали от страха. Подойдя к дяде, Син Самут сказал:

— Я хочу, чтобы этот лев служил мне как конь. Он неуязвим, силен как в море, так и на суше и питается рыбой. Он будет мне прекрасным помощником.

Шри Сувана согласился со своим племянником, и таким образом еще один новобранец присоединился к отважной компании.

Дальше путешествие шло без приключений. Но вот, когда корабль приближался к Палейку, небо вдруг стало красным. Полный тяжелых предчувствий, Шри Сувана велел поднять все паруса, и корабль устремился к пристани. На берегу их встретила Суварнамали. Бледная, расстроенная, она рассказала им о нападении уже объединенных войск неприятеля и о том, как колдовской портрет принцессы с западного острова странно заворожил Пра Апхай Мани.

Несчастливая королева провела Шри Сувану и Син Самута в королевские покои, где, прикованный к постели, с лихорадочным взглядом лежал Пра Апхай Мани и любовался портретом принцессы Лаунг.

Влюбленный герой, увидев гостей, вместо того, чтобы обрадоваться им, вспылал неистовым гневом.

Он обвинил их в том, что они за ним шпионят, и велел служанкам их выгнать.

Безумие брата ранило Шри Сувану в самое сердце. Опустившись на колени рядом с королевским ложем, он ласково сказал:

— Дорогой брат мой, мы с тобой очень давно не виделись. И вот я вернулся вместе с твоим любимым сыном. Но почему же ты нас так встречаешь? Неужели ты позабыл своих родных и друзей? Чего ты привязался к этой картинке и ласкаешь ее? Что довело тебя до этого? Хотя судьба нас с тобой еще в молодости жестоко разлучила, но мы жили в надежде друг друга встретить. А теперь ты совсем переменился и смотришь на меня каким-то странным взглядом.

Тут и Син Самут, низко склонившись перед отцом, продолжал со слезами на глазах:

— Отец мой, вели меня побить или повесить, как хочешь, но должен тебе сказать, что мне не нравится этот портрет. Пока он у тебя, ты ведешь себя странно. Я хочу забрать его и сжечь.

И, перейдя от слов к делу, мальчик выхватил портрет из рук отца. Но Пра Апхай Мани с быстротой молнии вырвал его у сына. Затем, пригрозив пальцем Син Самуту, он гневно воскликнул:

— Не смей к ней прикасаться!

Схватив подушку, сумасшедший король стал бить ею брата и сына до тех пор, пока они не выбежали из комнаты.

Суварнамали, выйдя к ним, сказала:

— Астрологи предсказывают, что его спасет какой-то ребенок. А в наш город приехал мальчик по имени Суд Сакон, который заявил, будто он сын Пра Апхай Мани. И действительно, в самый тяжелый момент он пришел на помощь городу и проявил доблесть, достойную его родителя. Но откуда он приехал и кто его мать, этого он говорить не хочет.

Шри Сувана сидел озадаченный, а Син Самут долго раздумывал и наконец сказал:

— Когда мы жили на волшебном острове, отец мой дружил с русалкой; однажды она помогла ему в минуту опасности. В награду за ее любовь, он дал ей кольцо

с печаткой и драгоценную шпильку. Если этот Суд Сакон в самом деле ее сын, он наверняка носит при себе эти доказательства родительской любви. Я разведаю, имеются ли они у него.

Шри Сувана одобрил решение племянника.

— Если он и в самом деле твой сводный брат, — сказал он, — то можешь привести к нам мальчика.

Син Самут сел в королевскую колесницу и поехал к шатру, где расположился Суд Сакон. Еще издали он увидел подростка; Син Самута поразило сходство его с отцом. Приблизившись, он заметил у мальчика на пальце кольцо с печаткой, и это рассеяло все его сомнения. Суд Сакон в свою очередь узнал старшего брата по описаниям отшельника. И вот оба брата в едином порыве кинулись в объятия друг друга, и слезы радости потекли у них по щекам.

Наконец они успокоились и, усевшись рядом, стали обсуждать печальное положение, в которое попал их отец. Старший брат рассказал младшему, как их отца околдовал портрет красавицы, которая пыталась его уничтожить.

Суд Сакона это ничуть не смутило.

— Не беспокойся, — сказал он с видом человека, привыкшего разрешать подобные вопросы, — даже если эта женщина — волшебница, я могу рассеять ее чары. Ученый отшельник, мой учитель, дал мне эту волшебную палку. Ею я уничтожал духов и дьяволов. Какая же волшебница может соперничать со мной?

Син Самут в восторге всплеснул руками.

— Неужели это правда, дорогой брат? Тогда пойдем и уничтожим эту злую волшебницу. Мама и дядя очень обрадуются.

И вот оба юноши, взявшись за руки, пошли ко дворцу, где их приветливо встретили Шри Сувана и Суварнамали.

Известие о том, что Суд Сакон знает, как изгнать злого духа из портрета, их страшно обрадовало, и они спросили его, не нужна ли ему какая-нибудь помощь.

— Нет, — уверенно ответил мальчик. — Просто дайте мне этот портрет, и я побью его моей палкой.

Суварнамали велела Син Самуту пойти в комнату отца и попытаться вытащить у него портрет. Син Самут охотно согласился и отправился в спальню Пра Апхай Мани. Отец спал на ложе, а рядом с ним лежал виновник его беды. Син Самут тихонько прокрался к ложу, осторожно подвинул портрет, не побеспокоив спящего, быстро схватил его и бросился вон из комнаты. Радостный, он торжественно вручил портрет брату.

Суд Сакон швырнул портрет на пол и стал произносить молитву и слова заклинания. Прodelав все это, он взял волшебную палку, поднял ее и со всего размаху ударил по портрету. Пронзительный крик прорезал воздух; казалось, он исходил из пергамента, на котором был нарисован портрет. Суд Сакон бил снова и снова, пока пергамент не съежился и не исчез совсем.

Все четверо кинулись в комнату Пра Апхай Мани. Король все еще крепко спал, но вдруг глубокий вздох облегчения приподнял его грудь. Суварнамали подошла к королевскому ложу и омыла лицо Пра Апхай Мани водой, пахнувшей свежим жасмином и розами. В этот момент дворец огласился ликующими возгласами. Это придворные и стражники прослышали о победе Суд Сакона над злым духом.

Пра Апхай Мани в испуге проснулся. По мере того как воспоминание о дурном сне покидало его, он медленно поднимался на своем ложе; он огляделся вокруг и увидел свою супругу, брата, сына и рядом маленького мальчика. Пра Апхай Мани пристально смотрел на него и постепенно обнаруживал в нем все большее сходство с давно покинутой русалкой. Король подозвал мальчика и нежно обнял его за плечи, приговаривая:

— Сын мой, забытый сын мой от бедной матери русалки!

Все члены семьи Пра Апхай Мани наконец соединились. Силы их, таким образом, умножились, и они решили дать бой незванным гостям, выставившим против них свои войска.

В скором времени к королю вновь вернулась энергия, и он созвал военный совет. Решено было распределить командование следующим образом: авангард возглавит Шри Сувана, правый фланг — Син Самут, ле-

вый — Суд Сакон, а арьергард — три брахмана. Главные силы под личным командованием Пра Апхай Мани должны были расположиться в центре.

Поэтому, когда объединенные неприятельские войска наконец пошли в атаку, военные силы Палейка были в полной боевой готовности. Мощное войско выстроилось перед дворцом. В благоприятный час, назначенный астрологами, зазвучали победные трубы и воины издали боевой клич, взлетевший к самому небу. Под звуки труб и дробь барабанов Шри Сувана поднялся на свою колесницу, Син Самут сел верхом на свирепого льва, Суд Сакон — на своего быстрого полудракона-полулошадь, а трое брахманов оседлали коней.

Наконец под крики толпы, звуки труб и барабанную дробь Пра Апхай Мани взошел на золотую королевскую колесницу. И войско развернутым строем, под цветными знаменами двинулось вперед на поле боя.

Против них выстроились восемь войск неприятеля, каждое под своим национальным флагом. Во главе каждого войска стоял славный военачальник, и все они были исполнены решимости одержать победу над врагом.

Пра Апхай Мани спокойно наблюдал за тем, как неприятель готовится к битве. Он знал, что стоит ему издать несколько звуков на своей волшебной флейте, и он сумеет остановить натиск врага и легко одержать победу. Но это был не самый почетный способ выиграть битву. Он мечтал, кроме того, увидеть, как сыновья его отличатся в бою и покроют себя неувядаемой славой. И он послал гонца во вражеский стан с таким предложением: пусть сильнейшие военачальники врага выйдут на поле боя померяться силами с лучшими воинами Палейка. Так поступали еще в древние времена, когда хотели сберечь жизнь простых воинов.

Вражеские военачальники тут же приняли этот вызов. Один из них, грозный воин в черном плаще, похожий на огромного тигра, с топором и пикой в руках, пришпорил коня и крикнул:

— Выходи, кто смел, будем драться, как решили!

Син Самут выехал вперед на своем льве навстречу противнику. Тот пытался было проткнуть его пикой, но,

промахнувшись, взялся за топор. Однако мальчик оказался проворнее его и выхватил у него топор. Тогда воин сделал вид, что отступает, позволил мальчику подойти к нему почти вплотную и, неожиданно повернувшись, швырнул в него ядро. Ядро ударило Син Самута прямо в грудь, да так сильно, что он, бездыханный, свалился со льва. Воин собрался было прикончить мальчика, но тут подъехавший Суд Сакон бросил ему вызов. Воин стремительно повернулся, кинул в брата другое ядро и тоже сшиб его.

Теперь была очередь за дядей. Шри Сувана дубинкой отбил несколько метательных снарядов, брошенных в него, и, схватившись с противником, нанес ему смертельный удар.

Вперед выехал еще один вражеский военачальник, чтобы атаковать Шри Сувану. Размахивая веревкой, он зацепил дубинку Шри Суваны и отбросил ее в сторону, свалив Шри Сувану на землю. К счастью, в это время Син Самут пришел в себя и поспешил дяде на помощь.

Искусным ударом топора он быстро справился со вторым противником. Но в свою очередь ему нанес удар третий воин, у которого в руках было огненное копье. Шри Сувана поднялся и замахнулся своей дубинкой, но она не могла соперничать с оружием противника. Продолжать поединок оставалось Суд Сакону, который к этому времени уже оправился от удара железным шаром. Хорошо рассчитанным ударом своей волшебной палки он снес голову третьему воину.

Четвертый вражеский военачальник вышел на поле боя, держа в обеих руках котелки с кипящим маслом. Один он швырнул в братьев и нанес им сильные ожоги. Это придало ему смелости, и он поскакал к Пра Апхай Мани, выкрикивая:

— Эй, король, живее защищайся!

Но тут сзади на него налетел Шри Сувана и ловким ударом дубинки повалил противника на землю. Однако Шри Сувана отступил, когда воин выплеснул ему на руку, в которой была зажата дубинка, горящее масло. В этот момент Син Самут пустил стрелу; она попала воину в правый глаз и тот был вынужден покинуть поле боя.

К вечеру обе враждующие стороны прервали бой, чтобы сберечь силы на утро. Пра Апхай Мани поспешил к своим сыновьям; оба получили такие тяжелые ожоги от кипящего масла, что потеряли сознание. Их принесли в лагерь и приставили к ним лекарей, но братья не приходили в себя.

В качестве последнего средства король попросил брахмана Санона применить свое искусство, что тот и сделал. И вот собрались тучи и полил страшный ливень. Обоих юношей вынесли под открытое небо. Чистая дождевая вода промыла их ожоги от разъедающего масла, и Син Самут с Суд Саконом снова были здоровы.

А ливень тем временем продолжался и с приближением ночи все усиливался. Вражеские воины дрожали от холода и делали попытки зажечь костры, но все было напрасно, потому что земля и деревья пропитались влагой. В довершение ко всем бедам врага ливень смыл все их палатки в море. К рассвету все они продрогли, промокли насквозь, отчаялись и потеряли всякую надежду на спасение.

Пра Апхай Мани пришел к заключению, что все заинтересованы в том, чтобы побыстрее закончить эту битву. Поэтому он отдал команду наступать по всему фронту.

Под удары гонга и пронзительные победные крики воины Палейка пошли в атаку. Неприятельские войска, утратив остатки мужества, повернули и в панике бежали. Войска Пра Апхай Мани гнали их до самого берега моря, где они в полной растерянности сели на корабли и поспешно отплыли обратно в свои страны.

Так окончилось нашествие на Палейк объединенных войск неприятеля.

Пра Апхай Мани, его брат, сыновья, военачальники и простые воины с триумфом вернулись в город, где их восторженно приветствовал радостный народ.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
Сунтон Пу	7
Часть первая. Два брата	12
Часть вторая. Русалка	18
Часть третья. Месть великанши	26
Часть четвертая. Син Самут и пират	32
Часть пятая. Удивительное приключение Шри Суваны . . .	39
Часть шестая. Неожиданная встреча	57
Часть седьмая. Соперничество в любви	79
Часть восьмая. Принцесса с западного острова	96
Часть девятая. Чудесный мальчик	113
Часть десятая. Семья соединяется	136

ПОВЕСТЬ О ПРА АПХАЙ МАНИ

Художник *П. А. Валюс.*
Технический редактор *А. Г. Резоухова*
Корректор *Н. М. Федоренко*

Сдано в производство 3/VIII 1959 г. Подписано к печати 17/XI 1959 г.
Бумага 84×108¹/₃₂=2,3 б. л. 7,4 п. л. Уч.-изд. л. 6,8. Изд. № 12/5027
Цена 3 р. 40 к. Зак. 628.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29.